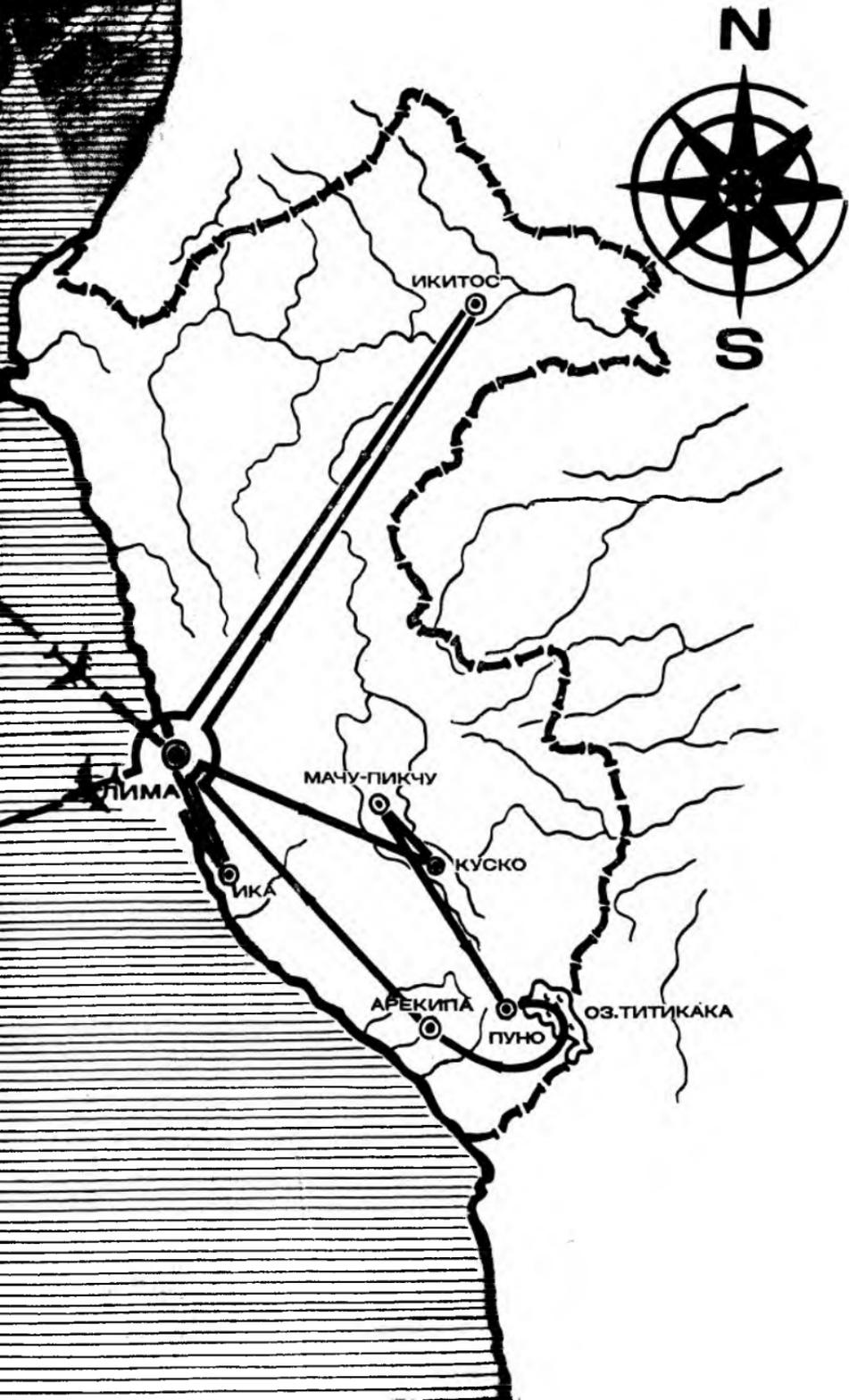
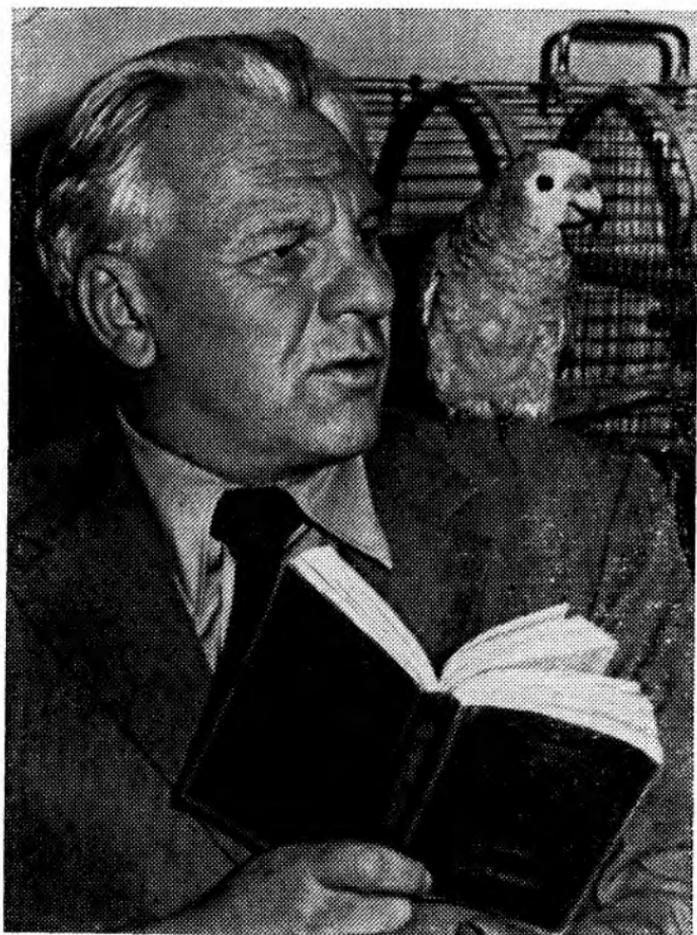

С.С. СМІРНОВ

МЕСЯЦЪ ВЪ ПЕРЪ

С.С. СМИРНОВ

**МЕСЯЦ
В ДЕРЕВУ**

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1975

«Мир надо познавать крыльями, страну — колесами, город — ногами».

Слова эти принадлежат писателю Сергею Сергеевичу Смирнову, который побывал во многих странах.

В Перу С. С. Смирнов провел месяц зимой 1969 года с делегацией Союза писателей СССР. Впечатления от этой поездки и легли в основу книги.

Автор изображает разные слои перуанского общества. Рабочие и студенты, деятели искусства, культуры, науки, представители правительственных кругов, руководители Перуанской компартии — все они проходят перед глазами читателя.

Живо, впечатляюще описывает автор нравы и обычаи перуанцев — корриду, народные игры и танцы и пр. На многих страницах он интересно рассказывает о прошлом — об истории древнего и могучего государства инков с его высокой культурой, об испанских завоевателях.

Эти исторические экскурсы как бы оттеняют нынешнюю действительность народов Перу.

Настоящее издание книги дополнено автором новыми материалами.

У ОЖИВШЕЙ ЛЕГЕНДЫ

Крутая тропка, огибающая склон горы, резко повернула, — мы вышли на неширокую площадку и остановились. Остановились не затем, чтобы перевести дух после утомительного подъема, не затем, чтобы подождать отставших, и даже не для того, чтобы оглядеться и оценить пейзаж с новой точки наблюдения, как это обычно делают при восхождении на гору. Мы невольно замерли на месте, ошеломленные тем, что открылось перед нами, оцепенели, словно вся энергия тела и души мгновенно была мобилизована зрением в напряженном усилии глаз охватить эту, кажущуюся необъятной, картину. Любое восторженное «ах» здесь прозвучало бы как пошлость и профанация. Это зрелище требовало благоговейной неподвижности и почтительного молчания.

Вокруг стояли горы, крутобокие, серо-зеленые, хмурые, и разодранные их вершинами облака мутно-белыми клочьями сползали по склонам. Может быть, из-за этого серое, с редкими просветами небо казалось

совсем близким: протяни руку и коснешься его свода. Прямо под нами склон горы резким изломом переходил в широкий горизонтальный выступ и дальше отвесно обрывался в глубокое и тесное ущелье, по другую сторону которого высилась одинокая, густо поросшая темно-зеленым лесом вершина. Огибая вершину справа, ущелье уходило дальше вниз и соединялось с узкой долиной, где чуть ли не на километр ниже нас желтым лоскутком виднелась на своем повороте река. Отсюда нельзя было различить ни ее свирепых водоворотов, ни белопенных бурунов, кипящих вокруг камней, и только монотонный ровный гул, доносимый сюда рупорами ущелий, позволял догадываться, с какой бешеной стремительностью несет она там, внизу, лавируя между подножьями тесно скученных гор.

Хотя мы стояли на середине высокого склона и громадность раскинувшегося перед нами пространства даже слегка кружила голову, вместе с этим возникало странное ощущение, что горы плотно жмутся вокруг. Как только уходили низкие облака, открывалась тесная толпа скалисто-зеленых громад; гора высилась между горами, вершина вздымалась над вершиной, и где-то далеко-далеко в небе просверкивала белая полоска вечного снега. Словно любопытные, как и мы, горы тянули вверх каменные головы, чтобы хоть издали взглянуть на это легендарное гнездовье человека.

Оно лежало рядом с нами, удивительное, казавшееся почти невероятным в этой первозданной горной глуши, творение человеческих рук. Совсем близко впереди нас, вверх по склону, почти до самого скалистого гребня, поднималась будто построенная великанами длинная «лестница» со ступенями полутораметровой высоты, и внизу, на первой ступеньке, пестрыми букашками ползали туристы. Мы уже знали, что эти ступени — поля древнего города и что на каждой из аккуратно обложенных камнями террас лежит метровый слой плодородной земли, которую снизу, из долины, люди приносили сюда по сумасшедшим горным тропкам в корзинах на своих плечах.

А по ту сторону «лестницы», за террасами-полями, где сейчас росла только низкая трава, тремя большими уступами лежал на склоне горы сам город — каменные клетки тесно прижавшихся друг к другу бескрыших

домов, храмов, складов; видны были узкие лабиринты улиц, короткие и длинные марши каменных ступенек, ведущие с уступа на уступ, полуразрушенные стены, ограждавшие когда-то все поселение.

Город хмурого серого камня, он был плотью от плоти этих гор, на которых изредка сквозь зелень проступала такими же серыми пятнами голая поверхность скал, хотя цепкая тропическая растительность ухитрялась опутывать скалы даже на совершенно отвесных обрывах. И в то же время этот город был резким контрастом всему окружающему, дерзким вызовом этим диким горам и ущельям и одновременно великолепным торжеством над ними. Не самая высокая из теснящихся вокруг вершин, не самое глубокое из переплетающихся внизу ущелий, а именно этот город был центром пейзажа. Все остальное только сопутствовало ему, было только своеобразным зрительным сопровождением. Как ни удивительно, как ни величественно выглядело все вокруг, но только при взгляде на этот город возникало в тебе пораженное «не может быть!» — то, что испытываешь, глядя на одно из чудес света. Наверно, таким же вызовом всему окружающему и таким же гордым торжеством над ним будет казаться глазу первое человеческое поселение среди лунных гор и кратеров, хотя и построено оно будет, возможно, из того же лунного камня.

Мне пришлось видеть и Парфенон, и Колизей, и египетские пирамиды, и Великую китайскую стену, и остатки иссушенной сирийским солнцем древней Пальмиры, и руины Баальбека в Ливане. Но то, что я увидел в феврале 1969 года в сердце перуанских Кордильер, навсегда останется одним из сильных и незабываемых впечатлений моей жизни. Перед нами лежал Мачу Пикчу — последняя таинственная столица инков, город, в котором при его жизни никогда не бывал ни один европеец, который позднее, покинутый людьми, был наглухо укрыт разросшимися горными джунглями и почти четыре века оставался загадкой для истории и археологии. Открытые всего пятьдесят с лишним лет назад и очищенные от густых зарослей, его здания и улицы сейчас в самом деле стали привлекающим толпы туристов одним из чудес света, ожившей легендой сказочной южноамериканской страны — Перу.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Как обидно мало мы знали об этой стране! Даже ее название мы привыкли произносить по-своему, делая ударение на первом слого, тогда как ее коренные жители — индейцы и потомки испанцев, которые теперь все вместе составляют перуанский народ, — называют свою родину Перу́, с ударением на последнем слого, и только смеются или недоуменно пожимают плечами, слыша наше произношение этого слова.

Конечно, из школьных курсов географии и истории мы знаем, что Перу лежит в западной части Южной Америки, что его омывают волны Тихого океана. Мы помним, что в шестнадцатом веке, когда эта страна была центральной частью обширной и богатой империи инков, туда вторглись испанские завоеватели — конкистадоры — во главе с Франсиско Писарро и, действуя огнем и мечом, крестом и вероломством, обманом и беспощадной жестокостью, захватили эти земли и разграбили сказочные богатства Перу. Потом страна эта была заморской колонией испанских королей, до

тех пор пока в прошлом веке по всей Южной Америке не прокатилась волна национально-освободительных революций и, вместе с другими родившимися тогда государствами, на карте Западного полушария появилась независимая от Испании Перуанская республика.

Если же говорить о современном Перу, мы, пожалуй, до последнего времени знали только то, что у власти там стояли крайне правые реакционные и яростно антикоммунистические правительства, которые всегда верой и правдой служили интересам своих хозяев — монополий США — и всеми средствами поддерживали печально знаменитую политику «с позиции силы», провозглашенную американским империализмом. Вот, вероятно, и все, что «среднеарифметический» советский человек знает о Перу. Мы в большинстве своем даже не имеем представления о том, чем обязаны этой стране. Ведь именно из Перу пришли к нам в Европу картофель, некоторые сорта кукурузы, хинин и тот орех кока, который дал мировой медицине известное анестезирующее средство кокаин.

Впрочем, не удивительно, что нам так мало известно о Перу и перуанцах. Наши народы всегда были разделены не только большими расстояниями и океанскими просторами. Перу оказалось в числе немногих латиноамериканских государств, у которых никогда не было дипломатических отношений с нашей страной.

Как-то один из советских журналистов, после войны случайно попавший в Перу во время какой-то меж-американской конференции, рассказал мне о своей беседе с тогдашним министром иностранных дел республики Белаунде (однофамильцем недавнего перуанского президента). На торжественном приеме в честь участников конференции этот журналист задал министру вопрос: «Не собирается ли Перу установить дипломатические отношения с СССР?» — «Могу категорически заявить, — надменно ответил министр, — что в Перу никогда не будет советского посольства».

Он ошибся, этот самоуверенный и недалекий дипломат. Прошло всего два десятка лет, и правительство Перу, пришедшее к власти в октябре 1968 года, решило, при единодушном одобрении народа, установить нормальные дипломатические отношения с СССР и другими странами социалистического лагеря. Зимой

1969 года в столицу страны Лиму прибыла для переговоров советская торговая делегация, а за ней приехали и мы — делегация Союза писателей СССР и первая культурная миссия в истории не только советско-перуанских, но и русско-перуанских отношений.

То, как народ воспринял установление связей с СССР и как он относится к советским людям, мы ощутили, едва сошли с самолета на перуанскую землю.

Нас было трое — консультант по латиноамериканской литературе иностранной комиссии нашего Союза писателей Нина Булгакова, поэт Роберт Рождественский и я. В Лиму мы летели после недельного пребывания в Уругвае и, хотя из Монтевидео послали телеграмму в одну из писательских организаций Перу, откровенно говоря, не ожидали, что нас встретит кто-нибудь, кроме представителей нашего агентства печати «Новости», которое любезно взяло шефство над нами на время этой поездки. И уж конечно мы при всем желании не могли вообразить себе, какая встреча нас ждет в аэропорту перуанской столицы. Мы не успели сделать нескольких шагов от трапа самолета, как на нас надвинулась толпа человек в пятьдесят, во главе с фото- и кинорепортерами. Молниями засверкали блицы, на нас обрушились охапки роскошных южных цветов, мы едва успевали пожимать тянущиеся со всех сторон дружеские руки и переходили из объятий в объятия, растерянные, ошеломленные этим бурным изъятием сердечных чувств.

Совершенно невозможно было запомнить «кто есть кто» — десятки имен низвергались на нас потоком. Помню только, что среди встречающих был представитель канцелярии президента республики — невысокий человек в военной форме. Может быть, благодаря его присутствию мы не были подвергнуты никаким формальностям, обычным при въезде в новую страну. Просто кто-то взял у нас паспорта, билеты и багажные квитанции, а затем в плотно сжавшей нас толпе мы были пронесены через все полицейские и таможенные контрольные пункты и очутились в высоком, полном света и воздуха стеклобетонном здании нового аэропорта в Лиме. И тут нас ожидал второй сюрприз.

Первое, что мы увидели, было большое красное знамя со звездой, серпом и молотом — государствен-

ный флаг нашей Родины, а рядом с ним — красно-бело-красное знамя Перу. С этими знаменами стояла толпа, человек двести студентов и рабочих Лимы. Раздались горячие аплодисменты, толпа тесно сомкнулась вокруг, и опять нас обнимали, хлопали по спинам и плечам, и со всех сторон сверкали дружеские улыбки и тянулись для пожатия руки. Потом кто-то выкрикнул: «Да здравствует Советский Союз!», и тут же этот возглас подхватили другие. Мы ответили здравицей в честь Перу, и это вызвало шумный восторг. Из толпы закричали: «Да здравствует Октябрьская революция!», прозвучали еще какие-то лозунги, и встреча стала принимать явно митинговый характер.

Признаюсь, мы встревожились, вспомнив, что в прежнем Перу всегда велась бешеная антикоммунистическая и антисоветская пропаганда. Подумалось, еще, чего доброго, какие-нибудь реакционные правые газеты обвинят нас в коммунистической агитации и в организации политического митинга в аэропорту, что вовсе не входило в наши намерения. Поэтому я тут же взял микрофон у ближайшего радиорепортера и при внимательном молчании толпы сделал от имени делегации заявление для печати, подчеркнул чисто культурный характер нашей миссии и, пользуясь присутствием представителя канцелярии президента, поблагодарил правительство за то, что оно предоставило нам возможность посетить страну. После этого нас посадили в машины, и, провожаемые аплодисментами, мы отправились в отель.

Должен сказать, что опасения оказались напрасными. Все наши перуанские коллеги — журналисты — отнеслись к нам с дружеским вниманием и с сочувственным интересом. Мы пробыли в Перу почти месяц, и за все это время в печати регулярно появлялась вполне объективная благожелательная информация, публиковались многочисленные фотографии, и даже самые правые газеты и журналы ни разу не сделали какого-либо недружелюбного выпада в наш адрес. Видимо, сказались тут и одобрение, с каким встретили в народе решение правительства установить отношения с СССР, и вызванная этим волна всеобщего интереса ко всему советскому, и, наконец, гостеприимное внимание перуанских властей к нашей делегации.

ОТКРЫТИЕ ПЕРУ

Когда приезжаешь в страну с такой богатой историей и с такой своеобразной и оригинальной культурой, как Перу, посещение музеев бывает не менее важным, чем знакомство с современной жизнью народа. Наше «открытие Перу» началось с музея археологии и антропологии в Лиме.

Это было действительно открытие, без всяких кавычек.

Мы имели какое-то, хоть и весьма поверхностное, понятие о культуре инков и полагали, что именно ей в основном посвящены музейные витрины, а периоды более древние будут представлены, как в наших краеведческих музеях, костями доисторических животных, каменными топорами да черепками грубо вылепленной посуды, мимо которых посетители обычно проходят, как говорится, «в темпе».

И вдруг в длинной цепочке комнат на множестве витрин перед нами открылись давние доинкские цивили-

лизации, когда-то родившиеся и умершие на земле Перу, и такие предметы были выставлены на этих витринах, что мы невольно подолгу задерживались у экспонатов, любясь фантазией и искусством древних мастеров.

Эти культуры носили звучные названия: Чавин, Моче, Чанкай, Тиахуанако, Чиму, Наска — и датировались начиная с первого тысячелетия до нашей эры и кончая моментом прихода испанцев в шестнадцатом веке. Каждая из них имела черты глубоко своеобразные, отличные от других, и все же нечто, порой почти неуловимое, в стиле и характере изделий говорило об их общности, о том, что все они, хоть и в разное время, рождены на одной и той же земле, которую сейчас мы называем перуанской.

Изделия из камня культуры Чавин — большей частью стилизованные изображения южноамериканского льва — пумы — или ягуара, а иногда даже человеческие фигуры, но далекие от натурализма, условные как символы, страшные демонические чудовища, выполненные с таким искусством и темпераментом, что становится жутковато, когда вглядываешься в зловеще оскаленные хищные морды этих полуфантастических каменных существ. Чавин — самая древняя из обнаруженных на территории Перу культур (девятый — четвертый века до нашей эры), но высокое искусство ее ваятелей несомненно.

Совсем другой, вполне реалистический характер носит великолепная керамика культуры Моче (шестой — третий века до нашей эры), сосуды, затейливо вылепленные и очень типичные, с часто повторяющимся горлышком в форме стремени, кувшины и вазы в виде человеческих фигур или голов с явно портретными индивидуальными чертами лица, наконец, эротическая керамика, редко встречающаяся в Южной Америке. Изящная форма сосудов, богатая фантазия в их скульптурном украшении, искусная роспись, полная деталей жизни и быта тех далеких времен, делают глиняные сосуды Моче бесценными экспонатами для музеев всего мира. Впрочем, и другие культуры той же эпохи, такие, как Тиахуанако или Наска, создали свои керамические шедевры, особенно Наска: ее сосуды покрыты затейливой многоцветной росписью с

богачейшим, очень гармоничным сочетанием красок, радующих глаз.

А ткани! То, что сумела сохранить нам земля с тех давних времен, доказывает, что древние перуанские ткачихи, прядильщицы и вышивальщицы не уступали таким же искусницам в любую другую пору и в любой другой стране. Ткани культуры Паракас, пролежав в земле больше двух тысяч лет, сохранили не только свою первоначальную мягкость и блеск, но и яркость красок. Ткани Наски, как шерстяные, так и хлопчато-бумажные, спустя тысячу с лишним лет отличаются тем же цветным разнообразием, что и керамика этой культуры; специалисты насчитывают в них сто девяносто оттенков всех цветов.

Но когда познакомишься с драгоценными коллекциями древних культур, собранными в музеях Лимы, бросается в глаза одно обстоятельство: почти все эти культуры родились и умерли на узкой полосе тихоокеанского побережья Перу или вблизи него, тогда как большую часть территории страны занимают либо горы, либо тропический лес — сельва. В чем же дело? Неужели народы, жившие в горах или в тропических лесах по берегам Амазонки и ее притоков, за тысячи лет не создали никаких цивилизаций и даже не испытали влияния культур, процветавших на побережье?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо совершить небольшой экскурс в географию страны.

Природа разделила Перу на три характерные, резко не похожие друг на друга зоны — океанское побережье, горы и сельву. Могучие хребты Кордильер простерлись на тысячи километров вдоль всего западного побережья Южной Америки, и белые снеговые вершины пяти- и шеститысячников далеко видны пассажирам пароходов, плывущих по Тихому океану. Но хребты эти, по крайней мере на всем протяжении перуанского побережья, не подходят вплотную к океану, их отделяет от него сравнительно узкая всхолмленная полоса земли, большей частью сухой, пустынной и на вид совершенно бесплодной. Некрутые округлые холмы или невысокие горы, то желтые, то буроватые, то серо-коричневые, иногда совершенно голые, иногда поросшие колючими кустами кактусов и редкими купа-

ми пальм, начинаясь от песчаного берега, где гудит океанский прибой, тянутся на восток, переходя постепенно в скалистое, поросшее лесом предгорье Кордильер. В северной части этой прибрежной пустыни почти не бывает дождей, в южной их не бывает никогда. Дожелта и докрасна прокаленные тропическим солнцем холмы и долины побережья полны своеобразной суровой красоты, но кажутся обреченными на вечное бесплодие.

Однако такими они только кажутся.

Кордильеры — естественный водораздел страны, ее сверхмощная станция водоснабжения. Тают ледники и снеговые шапки гор, тучи, наползая на скальные гребни и лесистые склоны, проливаются дождями. В узкие каньоны, в глубокие долины сбегают бесчисленные горные ручьи и водопады, соединяясь в бурные реки, такие, как Урубамба, Апуримак, Укаяли, Мараньон. Петляя в извилистых ущельях, они со скоростью гоночных автомобилей несутся на север и на восток, постепенно сливаются вместе и дают начало царице всех рек на земле — Амазонке, которая рождается на земле Перу, у западного края континента, пересекает поперек почти весь Южноамериканский материк, вбирая в себя по дороге сотни других рек, и извергает весь этот величайший в мире поток пресной воды в Атлантику.

Таким образом, большая часть кордильерской воды уходит на восток. Но и с западных склонов, обращенных в сторону пустынного побережья, стекает много речек. Только они не такие полноводные, как на востоке, и совсем короткие. Не успев набрать силу, они прорезают прибрежную полосу и исчезают в океане. За тысячелетия они промыли как бы ряд параллельных долин, тянущихся от Кордильер к океану.

И долины эти представляют разительный контраст окрестной пустыне. Они полны зелени, там раскинулись — поля маиса и хлопка, банановые плантации, фруктовые сады. Оказывается, земля побережья вовсе не бесплодна, ей просто не хватает влаги, и там, где появляется вода, она раскрывает свое сказочное плодородие. Именно здесь, в долинах рек Моче, Чанкай, Наска и других, издавна селились люди; здесь рождались и умирали древние культуры перуанской земли,

сокровища которой обогатили сейчас музеи всего мира. Эти долины за последнее десятилетие стали одной из самых неисчерпаемых кладовых современной археологии.

Археология, наука, устремленная в прошлое, завоевала себе в настоящее время прочное и почетное место среди других наук, и ее, судя по всему, ожидает блестящее будущее. Подобно тому как каждый отдельный человек, становясь мудрее и старше, все чаще оборачивается назад, на годы, оставшиеся у него за спиной, человеческое общество в целом с развитием цивилизации и культуры испытывает все большую потребность заглянуть в свое давнее прошлое, проникнуть в глубь веков, откуда ведет свое начало род людской. Но хотя слово «археология» впервые употребил еще Платон, подлинной наукой она стала совсем недавно, в первой половине нашего века. Отошли в прошлое времена, когда археолог был только кладоискателем, когда его задача сводилась лишь к тому, чтобы извлечь из земли предметы древности, прежде всего изделия из золота, серебра, драгоценных камней. Теперь какой-нибудь грубо вылепленный полуразбитый кувшин заставляет археолога дрожать от радости больше, чем массивное золотое украшение, а куча глиняных черепков рассказывает ему о жизни в незапамятные времена полнее, чем фрески. Сейчас археологические раскопки — это тончайшая, почти ювелирная работа, долгий, кропотливый процесс снятия одного слоя земли за другим, сопровождаемый тщательным изучением и тончайшей классификацией всех находок. То, что делали крупнейшие археологи девятнадцатого века — Шлиман в Трое, Эванс на Крите, Картер в Египте, — сегодня, с точки зрения методики современной археологии, представляется почти варварством. Сейчас от археолога требуется не только знание смежных наук — истории, геологии, зоологии, антропологии, но и знакомство с агрономией, со строительным искусством, металлургией, гончарным делом, текстильным производством и т. д. и т. п. Археолог наших дней широко использует и микроскопические анализы и новейшие методы сложных химических и физических исследований. А совсем недавно, немногим больше двадцати лет назад, наука дала в руки археологов новое,

почти волшебное оружие — метод определения возраста находок с помощью радиоактивного углерода.

Все органические вещества содержат углерод. Вполне определенную, хотя и ничтожную его долю (около одной миллионной) составляет радиоактивный изотоп — углерод-14. Подобно всем радиоактивным веществам, он распадается и исчезает; период его полураспада, как установлено, составляет 5730 лет. Это означает, что любое количество углерода-14 наполовину исчезает через 5730 лет, половина оставшегося распадется еще спустя такой же промежуток времени, и так до полного исчезновения.

Пока человек, животное или растение живут, они непрерывно пополняют запасы своего углерода, в том числе и углерода-14, но со смертью начинается уже невозполнимый процесс распада этого изотопа. Значит, подвергнув исследованию кости давным-давно умершего человека, узнав, какая доля радиоактивного углерода-14 сохранилась в них, мы с большой точностью можем определить, когда этот человек умер. Применяя такой же анализ к кусочку найденной при раскопках шерстяной или хлопчатобумажной ткани, деревянному изделию или к остаткам органической краски на глиняном сосуде, мы можем с той же точностью определить время их изготовления. Этот бесценный для археологов метод все шире входит в практику, и ученым уже нет нужды строить догадки о возрасте своих находок, теперь они могут точно установить его.

Мы говорили, что археология, как наука, несмотря на древность своего названия, еще очень молода. Что же касается перуанской археологии, то она еще не вышла из младенческого возраста.

Археологические исследования в этой стране практически начались лишь в двадцатом веке и дали богатейшие результаты, не говоря уже о сенсационном для всей науки открытии древней столицы инков, города Мачу Пикчу, сделанном в 1911 году профессором Йельского университета в Калифорнии Хирамом Бингамом.

Впрочем, назвать эту археологию перуанской можно было лишь потому, что раскопки производились на земле Перу. Увы, руководили ими всегда североамериканцы; правительство страны неохотно отпускало средства на малоприбыльное дело поисков древностей,

а богатые университеты США организовывали одну за другой свои археологические экспедиции в Перу, где сами перуанцы выступали главным образом в роли проводников и землекопов. Только за последние десятилетия в Перу появляется своя, отечественная археология, хотя до сих пор, как и прежде, немало добытых сокровищ древности уплывает из страны, пополняя коллекции университетов и музеев США или богатых частных собраний.

В экскурсии по Мачу Пикчу нас сопровождал главный хранитель этой святыни Перу, известный археолог Мануэль Чавес Бальон. Когда после нескольких часов осмотра этого сказочного города мы, утомленные не столько ходьбой по горам, сколько необыкновенно сильным впечатлением от всего виденного, вернулись к отелю, недавно построенному здесь, на террасе ресторана нас уже ждал накрытый к обеду стол. Зашел разговор об охране исторических памятников и древностей, и наш гид со вздохом пожаловался на то, что многочисленные туристы, среди которых преобладают североамериканцы, нередко бесцеремонно растаскивают находки, обнаруженные в развалинах Мачу Пикчу, а порой и отламывают куски камней от стен города. Мы рассказали, что в СССР есть закон, строго запрещающий вывоз из страны предметов старины и произведений искусства, представляющих национальное достояние, и вспомнили, как несколько лет назад какие-то западногерманские туристы пытались провезти через границу ценные иконы, заделав их в дверцу своей машины, но были с позором разоблачены пограничниками и привлечены к уголовной ответственности. Археолог со вздохом сказал, что в Перу такого закона нет.

За соседним столиком сидела группа североамериканцев, только что вернувшихся с развалин. Одна из туристок, молодая красивая дама, показывала своему спутнику камень оригинальной формы, который она нашла на улицах Мачу Пикчу. Камень явно носил следы обработки. Кто-то из нас, впрочем, без всякого намерения обидеть даму, обратил внимание Бальона на эту находку. Тот взглянул и всполошился.

— Это изделие инков,— уверенно сказал он.— Ценная, интересная находка.

Он тут же встал и подошел к даме. Мы не слышали их разговора, но было видно, что археолог в чем-то убеждал туристку, а она явно отвергала все его доводы, энергично трясла головой, сжимая в руке свою добычу. Потом Бальон ушел и вернулся с полицейским. Спор возобновился, но дама была непоколебима, и полицейский получил такой же отпор. Пожав плечами, археолог вернулся к нам.

— Что я могу сделать? — развел он руками. — Нельзя же силой у женщины отбирать этот камень. Наверное, и полицейский ничего не добьется. Она не отдаст. Они привыкли себя чувствовать здесь хозяевами, — с горечью добавил он.

Нет, несмотря на этот неприятный эпизод, козяном на Мачу Пикчу был все же он, перуанский археолог. Позднее нам пришлось встречаться с другими его собратьями, и мы узнали, что в Перу уже есть свое молодое племя археологов, настоящих энтузиастов, делающих все возможное, чтобы древние клады их родной земли были извлечены на свет и служили отечественной и мировой науке.

Перед ними непочатый край работы. Даже в самой благоприятной для археологии пустынной прибрежной части Перу не раскопано множество древних поселений, не раскрыты десятки увлекательных научных тайн. А если говорить о горных областях страны, там планомерные поиски остатков ранних культур практически еще не начаты. Но в горах обстановка для археологических открытий гораздо сложнее. Там сырой климат, там идут дожди, земля пропитана влагой. В такой земле не многое сохранится от давних времен. И конечно, главной сокровищницей для археологов останется прибрежная пустыня, где почти (или совсем) не бывает дождей. В такой, веками сухой, прокаленной почве, в древних могильниках, отлично сохранились покойники, вплоть до того, что ясно различаешь черты их лица, сохранились даже их одежды и всевозможная утварь. Особенно богатые находки сделаны на юге, в той части прибрежья, которая соседствует с самой безжизненной и безводной на земле чилийской пустыней Атакамой.

Сколько тайн и загадок хранит в себе это пустынное перуанское побережье, — тайн, которые рождают

самые смелые гипотезы и пока еще не могут быть объяснены наукой. Расскажу только об одной.

В южной части побережья, в области Наска, о цветной керамике которой мы уже говорили, есть место, вызывающее полное недоумение и пристальный интерес ученых. В некотором отдалении от моря, среди обычных для этого побережья голых холмов, протянулась странная, ровная как стол полоса земли шириной в полтора-два километра и длиной более шестидесяти километров. Вся окрестность вокруг покрыта светло-желтыми песками, и только эта странная полоса густо усыпана словно дроблеными камешками, которые, видимо, содержат железо и от времени затянулись темной окисью.

Так как дождей тут никогда не бывает, эта местность сохраняет необычайно устойчивый характер. Борозда, проведенная в земле десятки, даже сотни лет назад, выглядит так, будто она сделана сегодня; брошенный редкими проезжими, валяющийся здесь уже два или три года клочок бумаги кажется оставленным совсем недавно, словно время остановилось в этой необыкновенной пустыне.

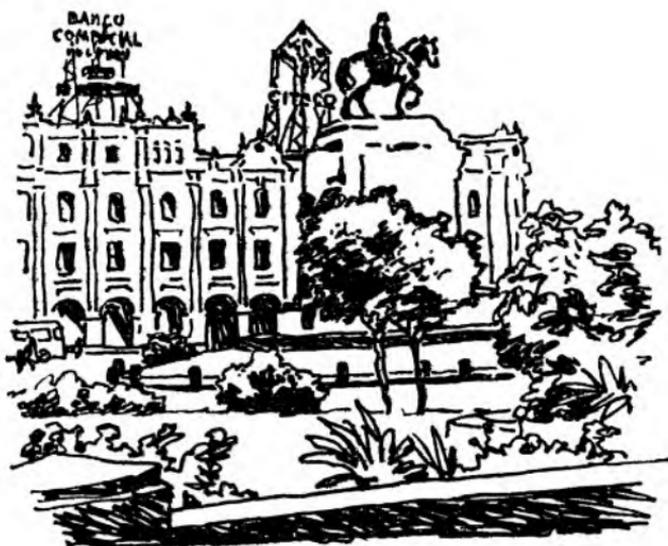
Но самое удивительное заключается в другом. Во многих местах камешки кем-то подобраны и сложены в длинные кучи, а там, где они лежали, на общем темном фоне этой странной местности обнажается светлый песок. Еще тридцать лет назад никто не замечал закономерностей таких обнажений, но в конце сороковых годов ученые решили взглянуть на эту местность с самолета. И тогда перед ними открылась ошеломляющая картина. Светлые линии песка, проложенные на темной равнине, оказались почти идеальными прямыми, и вся местность с птичьего полета представлялась огромным чертежом. Линии то расходятся радиально из одного центра, то пересекают друг друга, то тянутся строго параллельно. Кое-где камешки убраны так, что с самолета видна на земле совершенно правильная трапеция, в других местах различимы гигантские спирали, и вместе с этими геометрическими фигурами сверху видны такие же циклопические изображения каких-то животных и птиц. Одна из этих птиц, как нам рассказывали, изображена в столь огромном масштабе, что клюв ее тянется на два километра.

Что же представляет собой эта таинственная полоса земли, расчерченная, разрисованная, как будто над ней работали великаны — художники и чертежники? Может быть, это древний космодром инопланетных жителей, прилетавших к нам на Землю в незапамятные времена, как это описывают в своих современных романах писатели-фантасты? Или какой-то астрономический календарный полигон древнего народа? Во всяком случае, фигуры животных и птиц, заснятые с самолета, очень напоминают красочные изображения на сосудах культуры Наска.

Можно предположить, что эти огромные фигуры и чертежи предназначались для взоров богов, которые должны были видеть их с небес. Но как удалось выполнить их в таких масштабах? Летательных аппаратов, как известно, в древности не существовало, а поблизости нет ни одной горы, ни одного высокого холма, чтобы с их вершины можно было проверить, как выглядят эти сверхмощные, монументальные произведения искусства.

На все эти вопросы ответов пока нет, хотя вот уже несколько лет там работает археолог-энтузиаст, немецкий ученый Мария Рейхе. Будем надеяться, что ее исследования и растущий интерес к этой загадке других ученых в конце концов помогут науке раскрыть тайну «железной долины» перуанского побережья.

Но довольно говорить о древности, вернемся в сегодняшний день Перу, оставшись на том же тихоокеанском побережье, о котором шла речь,

НА УЛИЦАХ ЛИМЫ

Почти в самой середине этого длинного побережья находится долина небольшой реки Римак. Здесь четыре столетия назад завоеватель Перу Франсиско Писарро основал город, ставший новой столицей страны и получивший свое имя — Лима — от искаженного испанцами индейского названия реки.

Первоначально Лима была построена в отдалении от моря, и с тихоокеанским портом Кальяо ее связывала дорога длиною в два или три десятка километров. Но с течением времени и столица и Кальяо расширялись навстречу друг другу и слились практически в один город. Теперь уже от дальних восточных окраин Лимы, лежащих среди серых холмов подступающей к городу пустыни, и до роскошных тихоокеанских пляжей и полной кораблей гавани едешь все время по тесно застроенным улицам, на которых, наверно, даже сами местные жители не сумеют вам показать, где кончается Лима и начинается Кальяо.

Сейчас Лима — огромный город с двухмиллионным

населением, город очень пестрый и своеобразный. Он раскинулся особенно широко еще и потому, что, пожалуй, большую его часть занимают одно- и двухэтажные особняки с плоскими, как на Востоке, крышами, что придает этим кварталам Лимы сходство с арабскими городами. Эти жилые кварталы отодвинуты подалеке от шумного центра, сюда не достигает бешеный поток уличного движения, и в мирной тишине тут дремлют обсаженные яркими цветами домики, а около них — машины хозяев.

Зато центр Лимы буйно кипит. Поток машин и пешеходов льется по широким солнечным проспектам, обстроенным вполне современными домами, среди которых здесь и там высятся многоэтажные коробки небоскребов, отблескивающие стеклом. У одного такого небоскреба, где помещается министерство просвещения, прямо на тротуаре идет бойкая торговля всякой всячиной — действует небольшая, но шумная толкучка. Босоногие мальчишки с деревянными ящичками и щетками снуют в толпе, опустив лохматые головы, — они смотрят на ботинки, а не на лица прохожих и потом докучливо пристают к вам, если ваша обувь не блестит как зеркало. Сверкают роскошные витрины магазинов золотых и серебряных изделий, которыми издавна славится Перу, бойко работают кафе и ресторанчики, десятки лавчонок торгуют перуанскими сувенирами: тут и маленькие фигурки лам, и глиняные инкские быки, и керамика «под Чавин» или «под Наску» — в стране целая промышленность, занимающаяся подделкой древностей.

На широкой площади, куда вливается проспект, в центре зеленого, с пестрыми клумбами сквера, высится на пьедестале большая конная статуя — этакая разновидность нашего московского Юрия Долгорукого. Это — памятник руководителю борьбы перуанцев за освобождение от испанского господства Сан-Мартину, и площадь названа его именем. Над ней, окруженные кафе, книжными магазинами и лавками сувениров, царят международные авиакомпании, которые высоко вздымают свои вывески и соблазнительными цветными фотографиями в витринах контор зазывают вас в самые разные концы земного шара.

Площадь Сан-Мартина — деловой и торговый

центр, а официальным центром Лимы, как почти в каждом латиноамериканском городе, является площадь Оружия — Пласа де Армас. Там стоит президентский дворец, обнесенный высокой оградой с железными прутьями, в центре которой, у ворот, застыли на часах гвардейцы в белых мундирах, в золотых шлемах с перьями и в красных штанах. Каждый день в час пополудни толпа зевак собирается у дворцовой ограды поглазеть на занятное зрелище смены караула, когда эти гвардейцы, выстроившись цугом и странными рывками высоко вскидывая ноги в лакированных сапогах, с жесткостью заводных кукол обходят обширный двор перед фасадом дворца.

Между площадями Сан-Мартина и Пласа де Армас лежат старые кварталы Лимы с лабиринтами узких улочек, которые приедем кажутся неотличимо похожими одна на другую. Хотя современных зданий и тут предостаточно, но все же в этих кварталах осталось много домов колониальной испанской архитектуры с прелестными внутренними двориками — патио; с красными, потемневшими от времени и копоти черепичными крышами, края которых далеко выступают над стеной дома; со старыми коваными решетками на окнах и, напоминающими скорее беседки, нависшими над улицей деревянными балконами, иногда застекленными, иногда представляющими собой сплошное кружево резного дерева. То это несколько больших или маленьких балконов, то один длинный. Неподалеку от нашего отеля стоял старый дом, занимавший своим фасадом целый квартал, и на всю его длину, от улицы до улицы, тянулся на втором этаже такой «колониальный» балкон.

В Лиме, как в любой другой латиноамериканской столице, множество памятников, начиная от такой же, как у Сан-Мартина, конной статуи Франсиско Писарро. Завоеватель Перу и основатель его новой столицы помещен на главной площади, около президентского дворца, но не в центре ее, а сбоку. Видно, слишком уж обильно обогрены кровью индейцев руки жестокого конкистадора, чтобы предоставить ему самое почетное место даже в городе, который он заложил. А тут получается все как надо — почтили, но умеренно, отодвинув к сторонке.

Другие монументы — пешие и конные статуи, бюсты и головы — обычно изображают каких-то прежних государственных или военных деятелей, имена коих нам были совершенно неизвестны, да и наши друзья-перуанцы не всегда могли объяснить, чем знаменит тот или иной бронзовый сеньор. Но особенно много мы встречали памятников героям перуанско-чилийской войны, происходившей сто лет назад. То этот герой был запечатлен со штыком наперевес, устремленный в атаку, то с поднятой саблей, видимо звал за собой солдат, то с горделивым презрением сжимал шпагу, вероятно ожидая нападения противника. И хотя все мы трое, а особенно я, как военный писатель и ветеран войны, питаем глубокое уважение к героям, эти памятники невольно вызывали другие воспоминания у Нины Булгаковой и у меня. Два года назад, во время поездки по Чили, мы встречали много почти точно таких же памятников в чилийских городах. Они были посвящены той же самой войне с одной разницей — те статуи изображали героических чилийцев, сражавшихся против Перу, а теперь перед нами стояли героические перуанцы, воевавшие против Чили. Все остальное — характер памятников, их стиль, позы фигур и даже, как нам показалось, мундиры бронзовых героев — в обеих странах было почти одинаковым. Поменяй их местами на постаментах — и ровно ничего не изменилось бы. Невольно эта схожесть наводила на невеселые размышления об относительном смысле подобных войн.

Уличное движение в Лиме, как я уже говорил, бешеное. Бурный, словно река в Кордильерах, поток разномастных и разнокалиберных машин несется с той же стремительностью и по широким проспектам и по тесным, как ущелья, старым колониальным улочкам со множеством перекрестков и с густой толпой пешеходов, жмущихся к стенам домов на узких тротуарах. На больших перекрестках, на площадях потоки столь причудливо сплетаются между собой, что просто диву даешься, как той или другой машине удастся несколько секунд спустя вырваться из этого автомобильного вихря. С такой истинно южноамериканской лихостью проскакивают автомобилисты перед носом друг у друга, с таким пронзительным визгом шин выкручивают

на полном ходу правые и левые повороты, что у тебя, даже если ты не сидишь в машине, а стоишь на тротуаре, перехватывает дыхание, как при опасном номере в цирке.

Мы иногда, смеясь, говорили между собой о том, как бы почувствовал себя наш московский автоинспектор, если бы попал на улицы Лимы. Один только внешний вид машин за полчаса довел бы его до инфаркта.

Попробуй-ка поездить у нас по Москве с заметной вмятиной на борту или с ободранной краской — несусыпное око ГАИ прервет твой вояж уже на втором-третьем перекрестке. В западных странах никого не касается облик твоей машины, и на проспектах Парижа или Лондона нередко можно встретить автомобиль, вполне доведенный «до ручки». Но такого количества моторизованных развалин, как на улицах перуанской столицы, мне не доводилось видеть нигде. Я уже не говорю о вмятинах и об ободранной краске — на подобные мелочи тут никто не обращает внимания. Здесь ходят машины деформированные настолько, что их не сразу признаешь за автомобиль, или такие, где за сплошной рыжей ржавчиной, покрывающей их, трудно угадать цвет, в какой они были когда-то окрашены. Здесь никого не удивляет машина с начисто отодраным крылом, с отсутствующей крышкой багажника, с невесть где потерянной дверцей кабины, машина без капота, с бесстыдно обнаженным мотором.

Причем, как правило, подобные машины едут битком набитые людьми — бедность и многосемейность часто совпадают. Здесь в порядке вещей, когда в пятиместной машине едут десять пассажиров, а однажды мы видели обшарпанный «шевроле», где с детьми помещалось минимум пятнадцать человек, и сзади, из-под крышки полуприкрытого багажника, еще торчали наружу две пары босых и грязных детских ног.

Другими достопримечательностями автомобильного парка Лимы являются машины старых марок — эти такие музейные экспонаты, какие мы с вами видим на экране в ранних фильмах Чарли Чаплина. Неуклюже высокие, с нелепо торчащим рулем, с резиновой грушей клаксона, с колесами на спицах, эти продукты зари автомобилизма смешно выделяются среди элегантных, обтекаемых сегодняшних «фордов», «мерседесов» и

«кадиллаков». Но если вы подумаете, что такая машина — свидетельство бедности ее владельца, вы глубоко ошибетесь. Наоборот, она — признак богатства. Эти допотопные машины — новая мода, введенная миллионерами в Соединенных Штатах и уже распространившаяся на другие страны Америки и Европы. Подобно тому как английские лорды щеголяют в потертых, поношенных костюмах, сейчас считается шиком среди богачей иметь старомодную машину. Цены на сохранившиеся автоэкипажи начала века взлетели на головокружительную высоту, и чем старше эти предки нынешних автомобилей, тем дороже за них платят. Само собой разумеется, что ценятся только сами экипажи, моторы же на них ставят вполне современные.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Я уже говорил, что на аэродроме в Лиме мы за каких-нибудь полчаса перезнакомились с таким количеством людей, что удержать в памяти имена и лица не было никакой физической возможности. Человек пятнадцать из тех, кто нас встречал, приехали потом с нами в отель и приняли горячее участие в обсуждении нашей будущей программы. Лишь постепенно из этого потока незнакомых людей выделились те, которые стали нашими главными хозяевами и добрыми друзьями.

Прежде всего это была чета Валькарсель. Серую кепочку и великолепные черные усы Густаво Валькарселя мы заметили еще в аэропорту, как и живые энергичные глаза и очень непосредственный, веселый смех его жены — высокой худощавой Виолеты. Густаво — известный в Перу поэт и активный деятель компартии. Виолета — журналистка и представляет в стра-

не наше агентство печати «Новости», издавая в одной из типографий Лимы ежемесячный иллюстрированный журнал «Панорама», рассказывающий перуанцам о жизни Советского Союза. Журнал еще совсем молодой — его первый номер вышел незадолго до нашего приезда, второй — во время нашего пребывания в стране, а потом, после возвращения в Москву, мы получили еще несколько номеров, свидетельствующих, что это детище АПН и Виолеты уже прочно встало на ноги.

Густаво и Виолету, строго говоря, еще нельзя назвать пожилыми людьми, но у них уже четверо детей, из которых старший — студент и учится у нас в Москве. Он женат тоже на московской студентке родом из Венесуэлы, и у них есть маленький сын. Имя Густаво стало традиционным в семье — так зовут старшего сына и так же, только пока уменьшительно, Густавито, называют внука.

Трех остальных детей Густаво и Виолеты — славных подростков — мы не раз видели, когда приезжали в гости к Валькарселям, в один из множества похожих друг на друга, но очень симпатичных двухэтажных плоскокрыших домиков, какими застроены новые жилые кварталы Лимы. В нескольких комнатах этого дома, с обычными почти для каждой квартиры перуанского интеллигента коллекциями национальных древностей и предметов народного искусства, соседствуют портреты Ленина и Маяковского, фотографии Москвы и всевозможные русские сувениры — Густаво-старший тоже уже побывал у нас в Союзе.

Мы не сразу сблизились с Валькарселями, да и вообще уже в первый день нашего приезда мы поняли, что к проблеме выбора друзей надо подходить осторожно, чтобы никого не обидеть.

Дело в том, что мы оказались «в моде» и пользовались повсюду такой популярностью и таким широким вниманием, на которые вовсе не рассчитывали. Волна всеобщего интереса к Советскому Союзу и к советским людям была как бы реакцией на долгие годы отчуждения и враждебности по отношению к нашей стране, — их намеренно культивировали прежние правители Перу. Этот интерес выражал также поддержку и одобрение народа тем первым шагам, что сделало но-

вое перуанское правительство в сторону сближения с СССР.

С нами хотели встречаться и беседовать рабочие и студенты, наши коллеги — перуанские писатели и артисты, преподаватели и профессора университетов, адвокаты и промышленники. Нас наперерыв зазывали в гости в частные дома, приглашали на обеды и ужины в рестораны. Нас приветливо и гостеприимно встречали в правительственных учреждениях, в том числе и в самых высших. Нами интересовались журналисты, и в первое время в редкой газете не появлялось наших фотографий и статей о нас. И мы не раз чувствовали, что между нашими друзьями порой возникает своего рода ревность из-за желанья установить, так сказать, «монополию» на нас, советских гостей.

Это проявилось в первый же день приезда, когда довольно большая компания собралась у нас в отеле и начался разговор о программе нашего пребывания в Лиме и в Перу вообще. Здесь были и Валькарсели; и председатель пригласившего нас в страну Перуанского общества писателей — уже немолодой и известный литератор Эстебан Павлетич, в больших очках и с топорщащимися, как у моржа, рыжеватыми усами; и представители Перуанской компартии; и журналисты из разных газет; и говорившие по-русски молодые перуанцы, недавно окончившие университет Патриса Лумумбы; и их жены — большей частью чистокровные москвички.

Слушая их споры о нашей будущей программе и наблюдая за новыми знакомыми, мы все больше ощущали эту ревность, сначала забавлявшую, а потом даже встревожившую нас. Чувствовалось, что одни из этих людей связаны между собой какими-то давними дружескими отношениями, другие разделены столь же прочными антипатиями. И, как можно было судить по то и дело возникавшей дискуссии, некоторые предложения к программе делались иной раз исходя не столько из наших прямых интересов, сколько из каких-то более далеких и непонятных нам соображений. И когда, после нескольких часов горячих споров, так и не придя к окончательному согласию, друзья покинули нас до завтра, мы, оставшись втроем, с некото-

рым беспокойством обменялись своими впечатлениями.

Мы вовсе не хотели, чтобы наше пребывание в Перу попытались использовать в своих узких интересах какие-нибудь мелкие группки, которых всегда много среди творческой интеллигенции любой страны, или чтобы мы хоть на момент оказались невольным орудием чьих-то личных честолюбивых намерений. В конце концов, мы еще совсем ничего не знали о сегодняшней жизни этой страны и из-за незнания могли допустить те ошибки и просчеты в отношениях с людьми, которые могли бы помешать успеху нашей миссии.

Она была миссией дружбы и культуры с целями ясными и широкими. Мы хотели познакомиться с самыми разными сторонами жизни перуанского народа, и прежде всего с его культурой, с творческими организациями, с наиболее видными писателями, артистами, художниками, независимо от их партийной принадлежности, политических взглядов и художественного направления. Эта широта целей неизбежно диктовала нам и широту подхода к людям. Мы твердо условились между собой, что будем встречаться со всеми, кто может представить для нас интерес, будем выслушивать все мнения, но судить обо всем самостоятельно, не станем в будущих встречах ни отдавать кому-либо предпочтение, ни обижать кого-то невниманием и никому не позволим ни в какой степени «монополизировать» нас. А уж если близко подружимся с кем-нибудь, то, конечно, руководствуясь исключительно чувствами личной душевной симпатии.

Именно так мы сошлись с Валькарселями. Наш главный «хозяин», президент Перуанского общества писателей Эстебан Павлетич, вскоре заболел и слег в больницу, и мы, как-то вполне естественно, оказались на попечении Виолеты и Густаво. Они были бесконечно предупредительны и заботливы, помогали нам увидеть наиболее важное и значительное в Лиме, организовывали и встречи в столице, и наши поездки по стране, следили, чтобы и в других городах нас опекали и сопровождали интересные и компетентные люди, собирали для нас гостей в своем доме,— словом, делали все, чтобы наше пребывание в Перу было и приятным и полезным.

Они даже постоянно обеспечивали нас машинами. Хотя своего автомобиля у них не было, Густаво и Виолета мобилизовали нескольких своих близких друзей, с которыми вскоре подружились и мы.

Чаще всего на своем маленьком «фиате» приезжала за нами полненькая, круглолицая, всегда заразительно веселая Бети. Изредка вместе с ней появлялся и ее муж Рикардо, симпатичный, полный обаяния человек с худощавым, длинным лицом и умными, пристальными глазами. Их машина, которую почти всегда водила сама Бети, уже была изрядно помята, но это не мешало нашей задорной «шоферисе» продолжать ездить на ней с захватывающей дух лихостью, по временам заставлявшей нас прерывать разговор на полуслове и напряженно замирать в предчувствии, казалось, неизбежного столкновения. Но так только казалось, и за все время наших поездок столкновение произошло лишь однажды, на дороге из Кальяо в Лиму, когда в очередной пробке у светофора нас слегка стукнул сзади какой-то поздно притормозивший автомобилист, впрочем, не причинивший ни себе, ни нам никаких существенных повреждений.

Иногда вместо Бети или вместе с ней приезжал на своем менее потертом и более вместительном автомобиле плотный черноволосый Маноло — профессор философии и права из Лимского университета. Он был необыкновенно скромным, застенчивым и молчаливым человеком и только смотрел на нас преданно и влюбленно. Лишь один раз его словно прорвало во время какой-то из наших поездок в окрестности Лимы, и он долго и горячо объяснялся в любви к нашей стране. Он сказал, что всю жизнь мечтает о поездке в Советский Союз и сейчас возлагает все надежды на объявленный каким-то журналом международный конкурс, посвященный В. И. Ленину; оказаться победителем этого конкурса — значит получить право на бесплатную поездку к нам, в СССР. Таким искренним и сердечным было это желание, так тронуло оно нас до глубины души, что мы до сих пор надеемся на осуществление мечты нашего друга Маноло. Но, увы, судя по тому, что он до сих пор не приехал, победить на конкурсе ему, видимо, не удалось, а поездка к нам на свои средства слишком дорога для бюджета университет-

ского профессора. А потом, уже позже, мы узнали от Валькарселей, что Маноло ради нас пожертвовал своим отдыхом. Университет, где он работал, был на каникулах, и Маноло, как и другие профессора, собирался уехать из Лимы, отдохнуть перед новым учебным годом. Когда он узнал, что приедут советские люди, он изменил свои планы и остался в Лиме, чтобы побыть с нами и помочь нам своим автомобилем.

Вместе с Валькарселями и Бети Маноло обычно провожал нас на лимский аэродром, когда мы улетали в другие города страны. Возвращаясь назад, мы никогда не извещали о времени нашего приезда, чтобы не доставлять нашим друзьям лишних хлопот. Но нам никогда не удавалось прибыть «инкогнито» — Виолета, пользуясь своими журналистскими связями, вовремя получала нужные сведения. И едва наш самолет подруливал к аэропорту Лимы, мы тотчас же видели высокую фигуру Виолеты, круглое смеющееся лицо Бети, застенчивую улыбку Маноло и роскошные черные усы под серым широкополым сомбреро Густаво Валькарсея, которое заменило его скромную кепочку, знакомую нам еще с первой встречи в день нашего приезда в Перу. Это сомбреро затмевало все остальные головные уборы жителей Лимы, явно шло к самоуверенному красивому лицу Густаво и превосходно монтировалось с черными усами, делая его похожим, по нашему мнению, на богатого южноамериканского плантатора или на какого-нибудь экзотического героя голливудского фильма из жизни Латинской Америки.

Часто встречались мы в Лиме с известным перуанским журналистом Хенаро Корнеро Чека. Уже молодой человек, с седой шевелюрой, но подвижный, шумный и веселый, как юноша, он принадлежал к тому, нередкому среди журналистов, типу людей, которые отличаются особой стойкостью своей натуры. Проходя через тяжелые испытания судьбы, такие люди не только не утрачивают веры в жизнь, но как бы еще больше закаляют свой оптимизм и жизнелюбие, и сколько бы ни доставалось им порой бед и несчастий, мизантропия и уныние не властны над ними. А Хенаро прожил жизнь нелегкую и богатую событиями. Он скитался по свету, сидел в тюрьме за политические убеждения и за свое острое перо и порой жестоко нуж-

дался, не имея возможности печататься, как «неблагонадежный». Но, видимо, всегда оставался он жизнерадостным и неунывающим, этаким перуанским Кола Брюньоном, которого никакие жизненные невзгоды не могут сбить с ног.

Хенаро — коренной перуанец, влюбленный в свою страну, хорошо знающий и историю и современную жизнь своего народа, человек, способный часами говорить о родной земле и ее людях. Вместе с тем он латиноамериканец в широком смысле слова, глубоко чувствующий себя гражданином всего своего континента. Судьба помотала его по разным странам Южной и Центральной Америки, и даже в языке его остались наслоения этих странствий — то мексиканские, то колумбийские, то аргентинские словечки и выражения, — так что наша переводчица Нина Булгакова порой с трудом понимала его горячую, быструю речь.

Хенаро обычно забегал к нам в гостиницу «по дороге», куда-то всегда торопясь и заранее объявляя, что пробудет всего десять — пятнадцать минут. Потом начинался разговор, он, увлекаясь, принимался что-то рассказывать, и, когда, спустя полчаса, мы напоминали ему, что он опаздывает, Хенаро отмахивался: «Ничего, еще успею!» — и уходил часа через два или три.

Следует сказать, что точность не входит в число латиноамериканских добродетелей. У Хенаро к этой национальной черте прибавлялся его импульсивный, увлекающийся характер. Помню, однажды он забежал к нам «только на пять минут» и объяснил, что дома его ждет вся семья, собравшаяся по случаю дня рождения его дочери. Отмахиваясь от наших напоминаний об этом семейном торжестве, он просидел полтора часа, а потом, узнав, что мы решили пойти пообедать в какой-нибудь народный ресторан, категорически заявил, что покажет место, где вкусно и дешево кормят, и только тогда отправится домой.

Полчаса он вел нас по лабиринтам узких улочек колониальной Лимы, и, когда мы пришли в ресторан, где он явно был популярным завсегдатаем, Хенаро решил, что сам должен накормить нас обедом и проследить, чтобы все было приготовлено и подано как надо. Когда же мы дружно запротестовали, требуя, чтоб он

немедленно ехал на семейный праздник, Хенаро, смеясь, сказал:

— Вы можете не беспокоиться — мои домашние меня хорошо знают, и они, конечно, давно сели за стол без меня.

Словом, домой он попал с опозданием часа на три, лишь после того, как мы вышли из ресторана.

Хенаро не является членом Перуанской компартии, но он человек глубоко революционных взглядов и твердо верит в социалистическое будущее своей страны.

Как нам говорили, излишняя импульсивность характера порой сказывается на его политических взглядах, и случалось, что в некоторых важных вопросах он занимал путаную и противоречивую позицию. Но большинство тех, кто его знает (а в Лиме у него масса знакомых — людей самых разных), отзывались о нем — вне зависимости от того, разделяют ли они убеждения Хенаро или нет, — как об искреннем человеке и талантливом журналисте.

ХУНТА ГЕНЕРАЛА ХУАНА ВЕЛАСКО АЛЬВАРАДО

Слово «хунта» обычно вызывает у нас, советских людей, совершенно определенные и не весьма приятные представления. В испанском языке это слово имеет очень простой смысл — союз, объединение. Но история, и прежде всего история Латинской Америки, внесла в понятие хунты свое содержание.

В многочисленных странах этого поистине кипящего континента то и дело происходили и происходят государственные перевороты, совершаемые с помощью армии. Как правило, при этом к власти приходит военная верхушка — группа генералов или высших офицеров, вступивших между собой в союз. Это и есть хунта в нашем сегодняшнем понимании слова.

Едва ли не каждая из латиноамериканских стран за свою историю видела не одну такую хунту. В большинстве случаев подобный военный переворот не имел ничего общего с интересами народа, — он был перераспределением власти среди господствующих классов.

А еще чаще он оказывался делом рук монополий Соединенных Штатов, которые ловко использовали военную верхушку страны для упрочения своих экономических позиций, для усиления влияния своего капитала. Не раз марионетки в генеральских и полковничьих мундирах сменяли друг друга, как только возникала реальная угроза для интересов какой-нибудь всемогущей в этой стране североамериканской «компании», как только директора такой «компании» решали, что «нужна более сильная рука», чтобы подавить недовольство народа, погасить стремление прогрессивных кругов к независимой национальной политике. Неудивительно, что слово «хунта» для нас невольно связывалось с представлением о черной реакции, о терроре, о ликвидации демократических завоеваний народа.

Самым отвратительным прообразом подобной антинародной, жестокой и кровавой хунты стала сегодня для всех людей мира кучка палачей в военных мундирах чилийской армии во главе с генералом Аугусто Пиночетом. Предавшая и продавшая законное правительство своей страны, клика Пиночета заставила армию Чили покрыть позором и запятнать кровью народа свои знамена. Убийство избранного и любимого народом президента Сальвадора Альенде, массовый террор, казни тысяч чилийских патриотов, зверские пытки в военных застенках — все это невольно воскресило в памяти человечества страшные преступления гитлеровского фашизма. Захватив власть, чилийская хунта тотчас же принялась ликвидировать все демократические преобразования, осуществленные правительством Народного единства, и снова отдала богатства страны в руки североамериканских монополий, показав себя послушным слугой чужеземных империалистов, по указке и под руководством которых был совершен военный переворот. Хунта Пиночета отбросила Чили далеко назад и стала одним из наиболее реакционных режимов в сегодняшней Латинской Америке.

Как известно, в наши дни слово «хунта» вошло в практический обиход и на Европейском континенте. Хунта черных полковников, которая в апреле 1967 года совершила государственный переворот в Греции,

мало чем отличалась от своих самых худших латиноамериканских предшественников и представляла собой один из ударных отрядов неофашизма в Европе. Лишь упорная борьба греческого народа и широкая солидарность международной прогрессивной общечеловечности привели к ее падению в 1974 году.

И все же, несмотря на эти примеры, могут быть случаи, когда военный переворот при определенных условиях окажется шагом вперед в развитии той или иной страны и военная хунта будет более прогрессивной, чем свергнутое ею правительство. Так случилось недавно в Португалии, много лет жившей под жестоким игом фашистской диктатуры Салазара. Так произошло в 1968 году и в Перу.

Днем рождения перуанской национальной армии считается 9 декабря 1824 года, когда в битве при Айякучо отряды патриотов под командованием маршала Сукре разбили испанские войска и тем самым окончательно утвердили независимость Перу. Возникшая в огне освободительной борьбы против колонизаторов, эта армия и впоследствии не раз играла прогрессивную демократическую и революционную роль в истории своей страны. Опираясь на армию, генерал Рамон Кастилья в 1854 году провозгласил отмену рабства негров и подушной подати индейцев и провел важные прогрессивные преобразования в Перу. Именно армия свергла реакционные олигархические правительства в 1919 и в 1930 году. Лучшие представители вооруженных сил нередко возглавляли революционные выступления перуанских крестьян. И хотя правящая олигархия всячески старалась оторвать армию от народа, выдвигая лозунг «аполитичности вооруженных сил» и в то же время ловко используя их как свое орудие в борьбе за власть, все же в армейской среде никогда не угасал революционный патриотический дух и было немало людей, дороживших национальным достоинством и суверенитетом своей родины и глубоко возмущенных политикой олигархических правительств, которые беззастенчиво продавали богатства страны иностранным монополиям и попирали честь и достоинство перуанского народа.

Президент Фернандо Белаунде, правивший Перу до 1968 года, был по профессии архитектором. В одном из

домов Лимы нам встретилась его фотография — поясной портрет человека с надменным холеным лицом, даже на вид жестокого и деспотичного. За внешне демократическим фасадом своего режима этот архитектор строил свою политику государства, исходя из интересов североамериканского капитала, давно прибравшего к рукам самые важные отрасли перуанской экономики и главные естественные богатства страны. Компании, директораты которых заседали в Нью-Йорке или Вашингтоне, получали при нем все новые привилегии и поблажки, а всякое проявление недовольства со стороны рабочих или до предела обнищавших крестьян беспощадно подавлялось полицией и войсками. Но недовольство это росло. Не только в беднейших классах, а и среди передовой интеллигенции Перу и в армейском офицерстве все больше крепло сознание того, что дальше так жить нельзя. Пресмыкательство правителей перед своими североамериканскими хозяевами порождало у перуанцев чувство национального унижения, а экономика страны грозила зайти в тупик и требовала безотлагательных и радикальных реформ. Случилось так, что практическим выразителем этих чаяний и стремлений народа стала армия, в руках которой были силы и средства для того, чтобы изменить судьбы Перу. Так возникла революционная хунта во главе с генералом Хуаном Веласко Альварадо.

Переворот был произведен в полном соответствии с обычными латиноамериканскими традициями. Октябрьской ночью 1968 года президентский дворец в Лиме и другие правительственные здания были окружены танками и войсками. Господина президента разбудила группа явившихся к нему генералов, которые с вежливой настоятельностью предложили ему одеться и сесть в ожидавшую у дверей машину. Белаунде под охраной был доставлен в аэропорт и посажен в первый же самолет, вылетавший за пределы страны. А народ наутро из газет узнал, что к власти пришла хунта генерала Веласко Альварадо.

Что же, это был не первый переворот и не первая хунта в истории Перу. Народ уже привык к тому, что такая смена власти или совсем не сказывается на его судьбе, или изменяет ее только к худшему. Новое правительство было встречено с настороженным любо-

пытством, смешанным с некоторой тревогой — многие ждали, что начнутся аресты, поход против прогрессивных партий и организаций, обычно сопровождавшие прежние перевороты. Но первые же шаги правительства Веласко Альварado вызвали радостное удивление перуанцев, сочувственный, а потом и восторженный интерес в других странах Латинской Америки и ошеломленную растерянность у тех, кто за много лет привык негласно диктовать свою волю правителям Перу.

Началось с нефти. В северной части страны находятся богатые нефтяные месторождения. Перу занимает четвертое место по производству нефти в Латинской Америке. Однако разработка нефтяных источников уже пятьдесят лет находилась в руках мощной североамериканской «Интернейшнл петролеум компани», филиала всемогущей «Стандард ойл», и условия, предоставленные прежними правительствами Перу этой компании, были такими, что все доходы от прибыльного предприятия практически уплывали на север — в США. Происходил неприкрытый грабеж, и «ИПК», как ее называли, даже не удосужилась заплатить Перу огромный свой долг, накопившийся за время использования источников.

9 октября 1968 года новое перуанское правительство объявило о национализации перуанской нефти и имущества «ИПК». Компании было предъявлено требование уплатить Перу свой давний долг в 700 миллионов долларов, иначе она будет лишена прав на дальнейшую эксплуатацию нефтяных месторождений.

С горячим энтузиазмом народ встретил этот решительный шаг правительства. Раболепие прежних президентов и министров перед североамериканскими боссами вызывали справедливый гнев у всех, кто дорожил национальной гордостью гражданина Перу. И 9 октября вошло с тех пор в перуанский календарь как День Национального Достоинства — важная дата в новой суверенной истории страны. А на автомобильных дорогах Перу, над бензозаправочными станциями, к великому удовольствию перуанцев, вместо опустылевших букв «ИПК» появилась вывеска уже национальной компании «Петроперу».

В Соединенных Штатах все это было воспринято с замешательством и раздражением. Ведь «родным от-

цом» «ИПК» была могущественная «Стандард ойл», одна из тех компаний, хозяева которых, как это уже случилось в истории, могли прийти к президенту и сказать: «Спасай мои деньги!» Со страниц газет США раздалось недовольное ворчанье и сердитые призывы оказать политическое и экономическое давление на новое перуанское правительство.

Но в это время разразился еще один скандал. Вслед за нефтью встал вопрос о рыбе.

Воды Тихого океана, омывающие берега Перу, полны рыбы, и рыболовство — одна из ведущих отраслей в экономике страны. Но и эти богатства всегда уплывали туда же, на север Американского континента. Мощные рыболовные суда США беззастенчиво вторгались в прибрежные воды Перу целыми флотилиями, уверенные в своей безнаказанности, и возвращались домой нагруженные драгоценной пиратской добычей.

Военно-морской флот Перу получил приказ действовать. Перуанские военные корабли стали задерживать «рыболовных пиратов» и препровождать их в порты Перу, где владельцы этих судов подвергались штрафам. Такие меры вызвали еще большее раздражение в Вашингтоне и Нью-Йорке и восторженное одобрение перуанского народа.

Все прежние правительства Перу, верные сателлиты США в своей внешней политике, принимали активное участие в «холодной войне», провозглашенной Гарри Трумэном, и исповедовали ярый антикоммунизм. И как новый вызов всевластию США, как новое утверждение суверенитета и национального достоинства страны было воспринято и в Перу и на всем Южноамериканском континенте сообщение о том, что правительство Веласко Альварадо решило установить торговые и дипломатические отношения с Советским Союзом и другими государствами социалистического лагеря.

Я уже говорил о том, какая трогательная, горячая встреча ожидала нас в аэропорту Лимы. Тот факт, что среди встречавших друзей оказался и представитель канцелярии президента, свидетельствовал о любезном внимании правительства к нашей делегации. Должен сказать, что за время пребывания в Перу мы не раз имели возможность убедиться в этом искреннем и гостеприимном внимании.

На следующий день после нашего приезда Эстебан Павлетич повел нас в министерство иностранных дел, где нам предстояло встретиться с директором департамента культуры сеньором Аугусто Морелли.

Министерство находится на одной из узких центральных улочек старой Лимы, во дворце Торре Тагле, построенном в восемнадцатом веке и считающемся классическим образцом резиденции испанского дворянства времен расцвета колоний. В этом здании с великолепным фасадом, украшенным резными балконами, с просторным внутренним двором, выложенным мраморными плитами, с нависающей над ним замкнутой галереей второго этажа, где тонкие стройные колонны поддерживают узорчатые каменные арки, причудливо и вполне органично смешались андалузский, мавританский и креольский архитектурный стили. В полутемных покоях дворца, стены которых затянуты старинным шелком с золотыми разводами, висят полотна Мурильо и Ван Дейка, а внизу во дворе, напоминая о славе прежних владельцев, стоит изящная парадная карета маркизов Торре Тагле с ярким гербом на дверце, увенчанной короной, что свидетельствует об особой родовитости этой семьи, ведущей свое происхождение от каких-то давних королей.

Зато в помещениях первого этажа все было вполне современно — стучали пишущие машинки, пробегали служащие с бумагами: канцелярия министерства жила своей жизнью, как-то мало гармонирующей с этим старым дворцом. Но директор департамента культуры сеньор Морелли принял нас с любезной предупредительностью, вполне отвечавшей нашему представлению о староиспанской вежливости. Как рассказал нам Эстебан, сеньор Морелли находился в этой должности последние дни — он получил новое назначение и готовился выехать в Лиссабон в качестве посла Перу в Португалии. Тем не менее он уделил нам немало времени, подробно обсудил программу нашего пребывания в стране, дал свои советы о том, где стоит побывать, и снабдил нас целой библиотекой красочных проспектов, касающихся всех перуанских достопримечательностей. Потом он предложил осмотреть дворец и, препоручив нас одному из своих чиновников, исчез, пообещав скоро вернуться.

Пока мы ходили по торжественно-мрачноватым покоям маркизов, любясь картинами и старинной мебелью, сеньор Морелли появился снова и объявил, что сейчас нас примет министр иностранных дел генерал Эдгардо Меркадо Харрин. Видимо, он исчезал, чтобы организовать эту встречу.

Откуда-то набежали фоторепортеры, и, озаряемые вспышками блицев, мы вошли в приемную министра, где нас приветливо встретил сам генерал Харрин — невысокий, чуть начинающий седеть человек в светлом мундире с двумя рядами орденских планок на груди. Мы воспользовались этим свиданием, чтобы еще раз поблагодарить перуанское правительство за предоставленную возможность посетить страну, и выразили надежду на то, что «с легкой руки» нашей делегации культурные связи между Перу и Советским Союзом получат широкое развитие.

Переводя эту мою фразу, Нина Булгакова невольно усмехнулась и старательно заменила выражение «легкая рука» на «счастливую руку». Мы оба вспомнили забавный случай, происшедший с нами год назад, когда мы вместе были в столице Колумбии городе Боготе. На одном из официальных приемов я, произнося обычную приветственную речь, употребил то же самое выражение, и Булгакова перевела его на испанский дословно: «легкая рука». Присутствующие выслушали все это вполне невозмутимо, но когда мы возвращались в отель, наш друг, ныне покойный колумбийский поэт и писатель Хорхе Саломеа, сопровождавший нас на прием, смеясь объяснил, что в Южной Америке слова «легкая рука» имеют иной, чем у нас, смысл. Так говорят тут о ворах-карманниках, а в том значении, в каком эта фраза употребляется у нас, ее следует перевести как «счастливую руку». Урок был усвоен, и невольная ошибка уже никогда не повторялась нами.

Генерал Харрин со своей стороны выразил надежду на широкое развитие культурных связей между нашими странами и пожелал нам успешного путешествия по Перу. Наша встреча была короткой, но достаточно сердечной, и на другой день все крупные газеты перуанской столицы поместили сообщения о ней и фотографии нашей делегации с министром.

Вернувшись после этого в кабинет сеньора Морел-

ли, мы обратились к нему с просьбой выяснить возможность нашей встречи с президентом, чтобы задать ему несколько вопросов относительно нынешней жизни Перу и перспектив отношений между нашими странами. Сеньор Морелли обещал запросить канцелярию президента и предложил нам пока задать эти вопросы в письменной форме, что мы тут же и сделали.

На другой день в сопровождении Виолеты Валькарсель мы сделали еще один официальный визит — к министру образования генералу Аррисуэньо. Министерство образования помещается в новом стеклобетонном высотном здании на одной из широких центральных авенид (проспектов) Лимы. Просторный вестибюль был полон народу, у каждого из многочисленных лифтов стояла длинная очередь, и среди посетителей явно преобладала молодежь, — по-видимому, учителя и студенты. Нас привели к какому-то особому лифту, обслуживавшему только посетителей министра; мы поднялись наверх в приемную, где тесно сидели ожидающие, и спустя полчаса, когда генерал освободился, были приглашены в его кабинет.

Вместе с министром нас принимал директор департамента культуры — очень известный перуанский поэт Сесар Миро. В ответ на наши вопросы генерал вкратце рассказал о проблемах, стоящих перед народным образованием. В Перу существует закон об обязательном пятилетнем начальном образовании при бесплатном обучении. Однако процент неграмотных в стране очень высок. Министр сказал нам, что в горных районах Кордильер и в сельве неграмотны до 40 процентов населения, но многие другие авторитетные перуанцы впоследствии говорили, что эта цифра чересчур оптимистична и дело обстоит значительно хуже. Официальная статистика зачисляет в разряд грамотных тех детей, которые только были записаны в школу, но не посещали ее или учились совсем недолго.

По словам министра, более или менее благополучно в стране с университетским и вообще высшим образованием. Но зато в области среднего образования предстоит решить очень нелегкие задачи. Новое правительство намечает широкую программу индустриализации, энергичного использования богатых природных ресурсов страны, и для этого нужны будут большие отряды

специалистов со средним техническим образованием, острую нехватку которых испытывает Перу. Особенно необходимы стране специалисты в области рыболовства, горного дела, металлургии. Министерство создает сейчас во всех районах страны сеть технических училищ — колледжей, готовящих таких специалистов.

Перу — страна многоязычная, со множеством наречий и диалектов, главными из которых являются языки кечуа и аймара. Мы поинтересовались, учитывается ли эта многоязычность в школьном образовании. Но оказалось, что преподавание во всех школах ведется только на государственном — испанском — языке.

— Мы, перуанцы, — единая нация, — сказал министр. — И мы хотим, чтобы у нас был единый язык.

По его словам, в стране есть такие зоны, где на сравнительно небольшом пространстве люди говорят на сорока языках, — нечто вроде нашего пестроязычного Дагестана. Даже в наиболее развитых индейских языках Перу, таких, как кечуа и аймара, существует множество наречий, настолько различных, что люди, говорящие на них, не понимают друг друга.

Директор департамента культуры поэт Сесар Миро, невысокий, седой, но еще очень моложавый человек с изящной фигурой тореро и тонким аристократическим лицом, познакомил нас с проблемами, которые приходится решать его ведомству. В министерстве созданы управление по распространению культуры и управление художественными школами. Такие школы — музыкальные, изящных искусств, фольклорных танцев — работают во всех провинциях страны. В Перу великолепные и разнообразные народные ремесла, ведущие начало из глубокой древности: тончайшие изделия из золота, серебра, меди, чудесные шерстяные ткани, резьба по дереву и т. д. и т. п. Чтобы способствовать их сохранению и развитию, по всей стране создано более ста центров народного ремесла, которыми также руководит департамент Сесара Миро.

Что же касается распространения культуры, то здесь главными очагами стали так называемые Дома культуры. Министерство собирается создать такие Дома во всех районах страны.

Во время нашей поездки в Перу мы могли убедиться, какую важную роль играют эти Дома в куль-

турной жизни страны. Для них обычно отводят достаточно просторные, хорошие здания. Там работает библиотека, есть залы для лекций и демонстрации кинофильмов, занимаются кружки художественной самодеятельности, иногда даже создается театр. В Домах культуры устраивают концерты, выставки картин, фотографий, изделий народного искусства. И если руководитель Дома культуры человек энергичный и инициативный, такой Дом становится настоящим центром просвещения, привлекает множество посетителей и начинает играть заметную роль в жизни города и провинции, успешно конкурируя с коммерческими кинотеатрами, на рекламных которых преобладают голливудские «секс-бомбы» и ковбои с пистолетами.

Вечером того дня, когда мы были в министерстве просвещения, в городском Доме культуры Лимы состоялся большой концерт народных танцев Перу. Сесар Миро пригласил нас прийти, и мы оказались почетными гостями на этом концерте.

Дом культуры занимает один из старых колониальных дворцов в центральных кварталах Лимы. Концерт происходил в патио — четырехугольном внутреннем дворике, где зрители сидели с трех сторон под нависающей галереей второго этажа, тоже заполненной посетителями. О нашем приходе было объявлено присутствующим под их дружные аплодисменты, и Сесар Миро, открывая концерт, обратился к нам с любезными словами приветия. Нас усадили на почетные места в первом ряду, и концерт начался.

Зрелище было необыкновенно красочным и экзотичным. В тот вечер съехались в Лиму показать свое искусство танцевальные коллективы из всех провинций страны. Даже мы, представители такого многонационального государства, как Советский Союз, привыкшие к пестроте искусства наших народов, были поражены разнообразием красочных костюмов, музыкальных ритмов и характера танцев, показанных нам.

Поистине фантастическими были одежды и украшения танцоров — то какие-то оранжевые хитоны с поясами из ракушек и странные головные уборы в виде вышитой ленты с жемчужными наушниками; то полосатые пестротканые пончо — шерстяные накидки без рукавов — и плоские шляпы, по форме напомина-

ющие поставленную на голову глубокую тарелку; то костюмы, украшенные разноцветной бахромой, блестками и даже кусочками зеркала, а на икрах ног — ленты, увешанные звонко гремящими бубенчиками. На плясунах нередко были парики, а иногда маски, то закрывающие лишь часть лица, то надевающиеся прямо на голову, ярко размалеванные, а по выражению то смешные, то свирепые. Бывало, что пляска сопровождалась пением, бывало, что танцоры разом вскрикивали в такт музыке или один из них вдруг пронзительно взвизгивал — получалось что-то похожее на лихой присвист наших плясунов. Музыкальные инструменты выглядели так же необычно, как костюмы: странная маленькая гитара — чаранга, громоздкий дощатый ящик с натянутыми струнами, которые и пилят смычком и дергают, — нечто среднее между арфой и контрабасом, какая-то дудка со звучанием пастушеской свирели, большой барабан вроде узбекского бубна.

И ритмы и характер танцев все время менялись. То это было неторопливое, однообразное притопывание четырех стариков в седых париках и с накладными бородами; то неистовые большие прыжки полуголых мужчин, украшенных яркими перьями тропических птиц и воинственно потрясающих копытами, — танец индейцев сельвы. Иногда танец отображал какой-то трудовой процесс, например жатву: восемь мужчин с серпами в руках ритмично повторяли движения жнецов. Очень интересным показался нам танец пастухов из высокогорного департамента страны — Пуно, где по лугам на склонах Кордильер бродят многотысячные стада лам. Он шел в спокойном четком ритме, и плавные движения танцоров в богатых пончо с аппликациями ламы, в украшениях из жемчуга и блестящих камешков были исполнены особого горделивого достоинства — недаром этот департамент по преданию считается родиной детей Солнца — первых Инков. А одна из плясок — ее привезли танцоры департамента Уануко — имела остросоциальный, даже антиколониалистический характер. Под звуки барабана (причем барабанщик одной рукой гулко отбивал ритм, а другой держал у рта свирель, наигрывая на ней) плясало десятка полтора мужчин в оранжево-зеленых штанах с бубенцами на ногах. Они изображали какую-то труд-

ную работу — тяжело притопывали и низко наклонялись, как бы под навьюченным на них грузом. Среди танцующих вертелся человек в современной одежде, с белым пробковым шлемом на голове, вооруженный хлыстом и дубинкой. Он представлял колониалиста-надсмотрщика и делал вид, что подгоняет работающих. Но у «работников» был свой защитник — человек в ярко-алой шелковой косынке, завязанной по-женски под подбородком, и в таком же алом фартуке. В руках он держал шкуру козленка с рогами и, то и дело бросаясь к надсмотрщику, взмахивал этой шкурой, отгоняя его. По-видимому, танцор олицетворял дух свободы и сопротивления, живущий в народе. Весь танец, диковатый, исполняемый в буйном напряженном ритме, по содержанию сводился к борьбе этих двух людей. В конце концов человек со шкурой и рогами козленка повергал угнетателя наземь, и того с торжествующими криками утаскивали прочь.

Особое, странное чувство испытал я в тот вечер. Все это зрелище: и причудливые костюмы, и смуглые индейские лица танцоров, и тревожно-нервный, порой до раздражения однообразный ритм музыки с непривычным звучанием невиданных инструментов, и своеобразные фигуры танца — создавало такое ощущение, будто на тебя с этой импровизированной сцены повеяло давней, незапамятной стариной загадочного Южноамериканского континента, его таинственной древней историей, не оставившей нам никаких письменных свидетельств и лишь иногда смутно проблескивающей то в красочных рисунках на старой керамике, то в величии развалин заросшего лесом храма, то вот в этой музыке, в этих плясках, впитавших в себя многовековые традиции народов и племен, давно исчезнувших с лица земли. И очень захотелось, чтобы мы однажды увидели эти красочные перуанские пляски на сценах Москвы и других советских городов.

Кстати, один из вопросов, которые мы письменно задали президенту Перу генералу Веласко Альварадо, касался как раз будущих культурных связей между нашими странами. Когда мы вернулись в Лиму после поездки по провинциям, нас уже ждали ответы президента. «Я считаю, — писал он, — что чем более глубоким является знакомство народов друг с другом через

их культуру, тем легче им взаимно понять, оценить и уважать друг друга. В силу этого крайне важно, чтобы торговые отношения, установленные между нами, были бы дополнены культурным, научным и техническим обменом, с тем чтобы социалистические страны, и в особенности Советский Союз, ближе узнали перуанский народ, его глубокую любовь к демократии, миру, свободе, справедливости и независимости». Президент оценивал как «исключительно благоприятные» перспективы взаимоотношений между нашими странами и в своих ответах нам вкратце говорил о проблемах, стоящих перед новым правительством Перу.

Вместе с текстом ответов из канцелярии президента нам передали, что глава республики постарается лично принять нас при первой возможности. И теперь, почти ежедневно проходя или проезжая мимо президентского дворца, у ворот которого вытянулись гвардейцы, мы вспоминали о предстоящем визите туда.

Но попали мы во дворец совершенно неожиданно для себя. Однажды утром наши друзья Виолета и Густаво Валькарсели в сопровождении верного Маноло, как обычно, приехали за нами в отель. Мы собирались через несколько дней улететь в район сельвы — в город Икитос на Амазонке — и должны были заехать в авиакомпанию за билетами. Потом предстояло посетить какой-то музей, а оттуда съездить в порт Кальяо, где нам всем хотелось посмотреть место, от которого начал свое плавание через Тихий океан Тур Хейердал на знаменитом «Кон-Тики». Словом, программа на этот день была вполне вольной, никаких официальных встреч не ожидалось, и, так как в Лиме стояла жара, доходившая до тридцати градусов, мы, посоветовавшись с друзьями, решили одеться посвободнее. Роберт надел довольно легкомысленные брюки пляжного типа и полосатые матерчатые туфли, а я с удовольствием сбросил белую сорочку с галстуком и заменил ее цветной рубашкой навыпуск и с открытым воротом.

И вдруг в конторе авиакомпании Густаво вспомнил: ему необходимо заехать во дворец и повидаться с начальником отдела культуры при канцелярии президента. Заодно он решил познакомить нас с этим сеньором. Мы дружно запротестовали, заявив, что одеты совсем «не по протоколу», но Густаво со своей не-

изменной самоуверенностью безапелляционно отверг наши возражения. «Это будет пятиминутный и совершенно неофициальный визит», — объяснил он.

Все обернулось иначе. Когда мы вошли во дворец через предназначенный для обычных посетителей боковой вход, у столика, где выдавали пропуска, густо толпился народ. С той же неотразимой самоуверенностью Густаво пробрался сквозь толпу, что-то объяснил офицеру, сидящему за столом, после чего, к нашему смущению, глаза всех посетителей с любопытством обратились на нас. Офицер стал куда-то звонить, потом взял наши паспорта и выдал взамен белые карточки, обернутые в целлофан, которые надо было укрепить у себя на груди. После этого невозмутимый Густаво повел нас наверх по широкой лестнице мимо часовых.

Мы только стали подниматься, как навстречу нам, любезно улыбаясь, поспешил спуститься высокий элегантный капитан. Представившись, он сообщил, что нас ждет начальник канцелярии президента. Укоризненные взгляды, обращенные на Густаво, не произвели на него впечатления. Нас провели в приемную, полную таких же вылощенных военных, и через пять минут пригласили в кабинет начальника канцелярии, представительного, начинающего сесть полковника, встретившего нас с отменной и церемонной вежливостью. Он осведомился, довольны ли мы пребыванием в Перу, и предложил осмотреть дворец. Мы объяснили, что попали сюда неожиданно, извинились за свои «непротокольные» костюмы и с радостью приняли его предложение. Молодой подполковник с темной щеточкой усов — один из ответственных работников канцелярии — повел нас по анфиладам дворцовых залов.

Одна за другой загорались хрустальные люстры, озаряя затененные от дневного света ставнями роскошные покои с узорными шелковыми обоями, с золоченой лепкой стен и потолков, с мраморными колоннами, со стильной дворцовой мебелью, с полотнами старых мастеров. Залы для приемов послов, для торжественных правительственных приемов, для заседаний кабинета министров, пышные лестницы, уютные салоны...

Пока мы ходили по дворцу, появились откуда-то журналист и фотограф с блицем, уже узнавшие о нашем посещении. Фотограф решил снять нас в одном из

залов, но мы категорически запротестовали. И только когда он поклялся, что не даст этого снимка в печать, а подполковник поручился за него, мы сфотографировались с ним на память и впоследствии получили этот снимок в пакете из канцелярии. Фоторепортер и подполковник сдержали слово, и снимок не появился ни в одной из газет — они ограничились информационной заметкой о нашем визите во дворец.

Пробродив почти час по дворцовым помещениям, мы в сопровождении подполковника вернулись в то крыло, где находилась канцелярия, и, пока Густаво беседовал по своим делам с начальником отдела культуры, разговорились с нашим гидом.

Узнав, что я бывший офицер-фронтовик и ношу такое же самое воинское звание, хотя и нахожусь давно в запасе, подполковник стал расспрашивать меня о Великой Отечественной войне. Он был поражен, когда я назвал ему цифру в 20 миллионов человек — тяжкую цену нашей победы над фашизмом. Вообще я не раз видел, как удивленно поднимают брови даже очень образованные и интеллигентные перуанцы, слушая наши рассказы о войне против гитлеризма. Враждебная Советскому Союзу пропаганда на протяжении послевоенных лет или замалчивала нашу роль в разгроме германского фашизма, или изображала дело так, будто СССР только помогал Соединенным Штатам и Англии победить Гитлера. Тут так привыкли считать эту победу делом США, что рассказ об истинном соотношении усилий во второй мировой войне вызывает у людей искреннее удивление, а порой и недоверие.

Потом подполковник стал рассказывать о том, как армия пришла к власти, и о задачах, которые приходится сейчас решать новому правительству Перу.

— Поверьте, армия взяла власть в свои руки не ради самой власти, — говорил он. — Просто в рядах ее нашлись люди, которым дороги национальное достоинство и суверенитет нашего народа и которые понимают, что Перу остро необходимы перемены в политике, экономике и культуре. Я вас уверяю: это не обычная военная хунта, и мир скоро убедится в этом.

Прощаясь с подполковником, мы попросили его напомнить начальнику канцелярии о нашем желании поговорить с президентом. Он обещал это сделать и, ви-

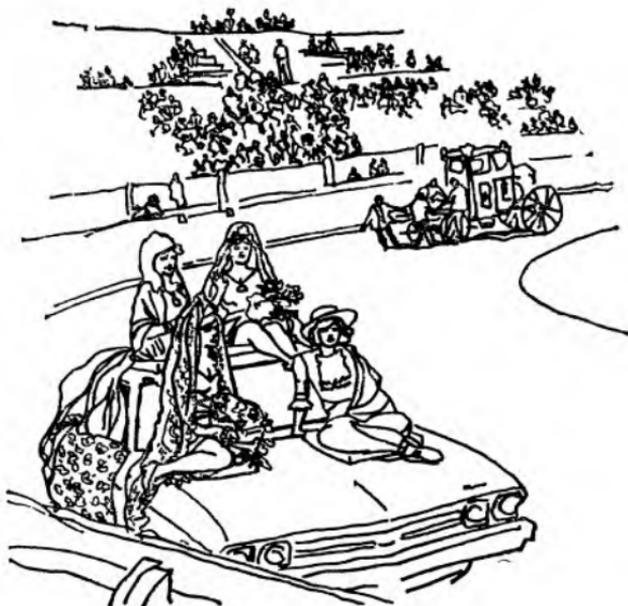
димо, выполнил обещание. Но, к сожалению, встретиться с генералом Веласко Альварадо нам так и не довелось. Спустя несколько дней мы ранним утром улетели на самолете в Икитос. А через два часа после отлета, когда мы сквозь самолетные оконца любовались заоблачными снежными вершинами Кордильер, в Лиме нас стали разыскивать из канцелярии президента — генерал Веласко Альварадо выразил желание принять нас. Мы с огорчением узнали об этом, когда вернулись в Лиму. Прием перенесли на следующую неделю, но в тот день, в связи с переменами в составе кабинета, президенту пришлось приводить к присяге новых министров, и вплоть до нашего отъезда он так и не смог выбрать времени для встречи.

Уже гораздо позднее, после возвращения на родину, мне не раз приходили на память слова подполковника из канцелярии президента о том, что правительство генерала Веласко Альварадо — это не обычная военная хунта, каких так много было в истории всех латиноамериканских стран. Дальнейшие шаги нового перуанского правительства подтверждали это.

Когда в том же 1969 году Нельсон Рокфеллер, как личный представитель президента Никсона, отправился в длительный вояж по Латинской Америке, чтобы на местах выяснить политическую и экономическую обстановку и повлиять на правительства, Перу бросило новый вызов США и отказалось выдать Рокфеллеру разрешение на въезд в страну. Значение этого шага будет особенно понятным, если вспомнить, что Нельсон Рокфеллер — один из главных акционеров всемогущей «Стандард ойл», дочерним предприятием которого считается национализированная перуанцами «Интернейшнл петролеум компани». Примерно тогда же произошло и другое событие — правительство выслало из Перу находившуюся в стране военную миссию США. А потом был опубликован закон о проведении в стране аграрной реформы, которая должна наконец наделить землей неимущее крестьянство. И когда правительство принялось энергично осуществлять эту долгожданную реформу, стало ясно, что не только во внешней, но и во внутренней политике хунта генерала Веласко Альварадо идет на кардинальные решения, о которых давно мечтал народ.

Мы, советские люди, с особым чувством относимся к социалистической Кубе — стране, прорвавшей фронт империализма в западном полушарии и вступившей на новый путь развития. Значение кубинской революции, славного примера Кубы для всех народов Центральной и Южной Америки очень велико. Мне не раз приходилось видеть во время поездок по латиноамериканским странам, каким авторитетом и какой любовью пользуется там новая Куба, особенно среди простого народа. Но я убеждался и в другом — многие государства этого континента не готовы сейчас последовать за Кубой по социалистическому пути. Социалистическую революцию, как известно, нельзя просто экспортировать, пересадить на неподготовленную для нее почву. И в этом смысле Куба остается вдохновляющим примером для других стран Латинской Америки, но примером не столько для немедленного подражания, сколько на более или менее близкое будущее.

Зато события, происходящие в Перу, зовут его соседей к таким же решительным и безотлагательным действиям сегодня, сейчас. Все эти страны тоже опутаны золотыми путями североамериканских монополий, они тоже подвергаются постоянному давлению из Вашингтона и Нью-Йорка. Их естественные богатства так же беззастенчиво эксплуатируются чужеземными компаниями. Их суверенитет так же часто попирается, и национальное достоинство народа подвергается унижению. Неудивительно, что вызов, брошенный новым правительством и народом Перу всевластному империализму США, нашел сочувственный отклик во всех странах Латинской Америки. Недаром под прямым воздействием перуанского примера многочисленные политические события произошли за последнее время и в некоторых других латиноамериканских странах. Знамя борьбы за национальное достоинство и суверенитет, за переустройство страны, поднятое на земле древнего Перу военной хунтой генерала Веласко Альваро, играет ныне в жизни Латинской Америки важную прогрессивную роль. Будем надеяться, что и дальнейшая политика этого правительства оправдает ожидания, которые возлагает на него двенадцатимиллионный перуанский народ и миллионы людей в других странах этого кипящего континента.

БУДНИ ГОСТЕЙ СТОЛИЦЫ

Будни гостей, приезжающих в другую страну, всегда похожи на непрерывный праздник. Ежедневные новые знакомства и встречи, званые обеды и ужины, достопримечательности, музеи, развлечения... Всего этого обычно бывает так много, что обилие впечатлений скоро начинает утомлять и праздник постепенно превращается в довольно трудную работу. Приходится слишком много есть, пить и разговаривать, слишком мало спать и почти не отдыхать, так что порой по несколько дней не можешь дорваться даже до своей записной книжки, лежащей в кармане. И все же — если вы только не совсем закоренело равнодушный человек — естественные любопытство и любознательность, желание увидеть, понять и узнать помогают преодолеть тяготы этой «гостевой работы», махнуть рукой на усталость и отложить все мысли об отдыхе до возвращения домой.

Как всякая столица, Лима предлагает своим гостям

богате́йший выбор возможностей. Тут сотни памятников архитектуры, великолепные дворцы и церкви, разнообразные музеи, театры, концертные залы, бесчисленные рестораны и народные кабачки, каждый в своем стиле и со своей чем-то отличающейся кухней. Выбрать из этого изобилия не так легко, и, конечно, выбор зависит от склонностей и интересов приезжего. Один, любитель зодчества, проводит долгие часы в торжественной тишине пышных и полутемных католических соборов, другой не выходит из картинных галерей, погрузившись в созерцание полотен древних живописцев, третьему особую пищу для ума и фантазии дают музейные витрины, четвертый, наоборот, ненавидит музеи и весь день разгуливает по улицам города, предпочитая наблюдать сегодняшнюю живую жизнь незнакомого города.

У нас троих, видимо, не было специальных склонностей, или, может быть, в молчаливом согласии друг с другом мы решили не проявлять их. Нам всем хотелось возможно шире увидеть, узнать и понять Перу и его народ. Сознывая ограниченность наших возможностей, втиснутых в прокрустово ложе месячного пребывания в стране, мы желали попробовать всего понемногу: посетить три-четыре музея, побывать в нескольких храмах и дворцах, повидать наиболее интересные памятники старины, побродить не спеша по улицам и проспектам перуанских городов, постоять у витрин магазинов с типичными местными изделиями, пообедать в каком-нибудь занятом народном ресторане.

Даже эти скромные наши желания нелегко было осуществить в Лиме: наша программа оказалась уплотненной до предела. Каждый день происходили важные встречи — то с министрами, то в Ассоциации писателей, то в организации журналистов... Все это дополнялось пресс-конференциями, интервью с корреспондентами газет и журналов, а главное — публичными выступлениями, где мы отвечали на многочисленные вопросы перуанцев о нашей стране, после чего Роберт Рождественский обычно читал свои стихи, а Нина Булгакова — переводы их на испанский язык, заранее приготовленные ею.

И каждый день мы бывали где-нибудь в гостях.

Приглашений было столько, что большинством из них нам так и не пришлось воспользоваться. Устраивали в нашу честь многолюдный прием у себя дома Виолета и Густаво Валькарсели. Приезжал за нами и вез нас обедать в свой дом адвокат крупной строительной фирмы, жена которого несколько лет назад побывала с делегацией женщин в Советском Союзе и привезла оттуда такие впечатления, что с тех пор в этой семье установился трогательный культ нашей страны, и три веселые и славные девочки — дочери хозяев — мечтают теперь поехать учиться в СССР. Был обед в доме президента недавно созданного «Общества дружбы Перу — СССР», известного врача Асунсьона Кабальеро Мендеса. Был вечер в доме фабриканта и коллекционера абстрактной живописи Поля Гринстайна, который собрал для встречи с нами видных журналистов, издателей, писателей и художников Лимы. Было еще множество других таких же встреч, обедов и ужинов в частных домах, с сердечным радушием распахнувших перед нами свои двери.

А то просто случалось, что вечером приезжают наши постоянные спутники — Виолета с Густаво, Бети с Рикардо и Маноло — и везут нас ужинать в какой-нибудь староиспанский ресторан, где на стене пучит стеклянные глаза голова огромного быка, а рядом развешаны шпаги, алые плащи тореро, бандерильи и прочие принадлежности корриды, вперемежку со старыми афишами, извещавшими о выступлениях прославленных матадоров. Впрочем, о корриде у нас еще пойдет речь.

И все же, несмотря на такой «светский» образ нашей жизни в Лиме, мы успели кое-где побывать. В том числе еще в двух музеях, кроме антрополого-археологического, о котором я уже рассказывал.

Во всех странах этого района Южной Америки вы обязательно встретите так называемые музеи золота. И для давних, еще доинкских, культур и особенно для эпохи господства инков характерно великолепное искусство обработки золота, серебра и драгоценных камней. Сохранившиеся с тех далеких времен ювелирные изделия составляют сейчас экспонаты и государственных музеев, и частных коллекций, которые их владельцы тоже выставляют для всеобщего обозрения.

Мы видели такие музеи в Колумбии, в Эквадоре и в Перу.

Очень богат, например, государственный музей золота в столице Колумбии Боготе. Он помещается в подвале большого банка в центре города, и туда приходишь с замиранием сердца, не столько из уважения к ценности собранных там предметов, сколько оттого, как их охраняют. Ты спускаешься по лестнице мимо нескольких постов полиции. Дюжие молодчики, вооруженные большими деревянными дубинами и пистолетами в открытых кобурах, внимательно общаривают взглядом каждого посетителя и постоянно находятся в напряженной «готовности номер один». Дверь самого подвала — стальная, бронированная, по крайней мере полуметровой толщины, запирающаяся, как двери сейфов. Перед ней еще один пост из двух полицейских, так же настороженно следящих за визитерами. Внутри, в единственном зале этого музея, еще один охранник, не менее зоркий. И хотя на витринах лежат подлинные чудеса ювелирного искусства, испытываешь какое-то душевное облегчение, выбравшись наружу из этого, охраняемого как тюрьма, подвала. Что подделаешь, ценности, хранящиеся там, действительно огромны, а бандитизм в Колумбии развит необычайно.

В Лиме тоже есть государственный золотой музей, но друзья повезли нас посмотреть одну из богатейших частных коллекций, принадлежащую какому-то перуанскому богачу японского происхождения. В залах этого частного музея, пожалуй, не уступающего государственной сокровищнице, которую мы видели в Колумбии, к нашему удивлению, не было ни полицейских постов, ни другой бросающейся в глаза охраны. Друзья объяснили нам, что стражу тут заменяет новейшая техника, которая не менее зорко бережет эти золотые клады с помощью фотоэлементов и электронных устройств.

Тут были и массивные золотые изделия, и тончайшее золотое кружево всевозможных украшений, и золото, усыпанное обработанными драгоценными камнями, главным образом изумрудами. Диву даешься, как народы, не знавшие ни железа, ни стали, ухитрялись не только выполнять кропотливую работу на золоте и серебре, но придавать особые формы изумрудам —

камням исключительной твердости. Это так и остается неразгаданной для науки загадкой.

Признаюсь, я всегда был равнодушен к драгоценным металлам и камням как таковым. Только искусство ювелира, мастерство в обработке этих драгоценностей, интересует меня. То, что было выставлено в витринах музея, поражало совершенством обработки, фантазией и талантом мастеров. И невольно думалось о том, сколько же таких или еще более изящных творений древних ювелиров навсегда и безвозвратно погибло для человечества. Ведь испанские завоеватели, выманивая или отнимая золотые и серебряные изделия у индейцев, грабя инкские храмы, где хранились подобные сокровища, вовсе не заботились о том, чтобы их сберечь. Их интересовало золото само по себе, и они переплавляли в слитки и чеканные изображения солнца, и тончайшие узорные украшения, и древние кубки и вазы.

Не менее интересным оказалось для нас посещение другого музея. Он находится при большой городской больнице для бедных, и в пяти или шести его комнатах собраны экспонаты медицинского, антропологического и археологического характера. Называется он патологоанатомическим.

Инки были искусными медиками и превосходными хирургами. Врач, лечащий или оперирующий больного,— довольно частая тема в древней скульптуре и керамике Перу. Даже такая сложная операция, как трепанация черепа, была не только доступной для инкских врачей, но и очень распространенной в их практике — оружием воинов того времени служили тяжелые дубинки, палицы, пращи, и типичным ранением оказывался пролом черепа. Врачи выпиливали поврежденную часть черепной кости, осторожно удаляли из мозга осколки и прикрывали отверстие золотой пластинкой. Множество трепанированных черепов, хранящихся в музее, свидетельствуют, что после такой операции пациент жил еще долгие годы. Тут же выставлены и найденные при раскопках хирургические инструменты инков — на вид грубоватые ножи, какой-то зубчатый металлический круг... Нам рассказали, что год назад один из видных хирургов Лимы решил испытать эти древние инструменты и только с их по-

мощью трепанировал череп очередного пациента. Операция, говорят, была вполне успешной, но выполнялась она, видимо, под лозунгом «победителей не судят», так как трудно предположить, что при этом врач заручился согласием самого больного.

В коридоре на застекленном стенде горкой лежали зерна маиса (кукурузы), фасоли и несколько картофелин. Нам объяснили, что эти зерна и картофель находились в могильнике, недавно раскопанном на побережье. Их возраст — полторы или две тысячи лет. Руководители музея с энтузиазмом рассказали об опыте, который они провели. Часть этих зерен и картофеля в прошлом году посадили в землю. И почва разбудила жизненные силы, дремавшие двадцать веков, — кукуруза, бобы и картофель дали урожай. Но первое потомство оказалось патологически деформированным — и маис, и фасоль, и картошка резко отличались по своим качествам от своих современных собратьев. Зато когда этот урожай собрали и посадили снова, второе потомство было уже совсем нормальным. По мнению ученых, патологичность первого урожая говорит о том, что либо в давние времена эти культуры отличались от нынешних, либо за время многовековой спячки в зернах и картофеле произошли какие-то мутации. Возможно, дальнейшие исследования помогут решить эту проблему.

«Гвоздем» музейной экспозиции были выставленные в одном из залов камни со странными рисунками, выцарапанными на их поверхности. Эти рисунки изображали древних доисторических животных, водившихся на земле в незапамятные времена, когда человека, по заключениям ученых, еще не существовало. Сопровождавший нас профессор рассказал нам загадочную историю этой аномалии.

В южной части тихоокеанского побережья, за городом Икой, года два тому назад во время землетрясения произошел обвал или оползень. Вскоре на месте обвала стали находить камни с этими рисунками. Спрашивается: кто мог рисовать допотопных животных, если тогда наша планета еще не была населена людьми? Мало того — на некоторых рисунках вместе с допотопными животными изображено странное человекообразное существо, стоящее на двух но-

гах. В одном или двух случаях оно нарисовано с хвостом и с явно звериной мордой. На других рисунках можно было уже разглядеть у него некое подобие человеческого лица и хвост у этого существа отсутствовал.

Признаюсь, мы были крайне заинтригованы этими рисунками и рассказом профессора. Несколько дней таинственные камни тревожили наше воображение. А потом там же, в Лиме, мы попали в гости к известной перуанской оперной певице и в ее доме встретились с двумя учеными, археологами. Когда мы сказали им об этих разрисованных камнях, оба засмеялись и в один голос заявили, что рисунки — бессовестная подделка. Их якобы делают два молодых зубных врача или зубных техника, живущие в городе Ике. С помощью бормашины они вырезают эти рисунки на старых камнях и сбывают их как найденные на месте обвала.

Мы испытали немалое разочарование. Но возникал недоуменный вопрос: как могли руководители солидного патологоанатомического музея стать жертвой такой мистификации? Ведь у науки в распоряжении есть сейчас методы исследований, которые с бесспорностью способны доказать, подделка это или нет. Почему же тогда рисунки попали в экспозицию? Археологи только пожимали плечами в ответ. Так и осталось для нас все это загадкой. Впрочем, я уже говорил, что в Перу многие специализируются на изготовлении всевозможных подделок под древности, и вполне допустимо, что разрисованные камни относятся к этой же категории изделий — приманке, на которую ловят доверчивых и богатых простаков из числа любителей всяких диковинок.

Рассказывая о том, что мы видели в Лиме, нельзя обойти молчанием корриду, или, как у нас ее принято называть, «бой быков», — национальный спорт испанцев, когда-то завезенный ими в свои колонии и до сего времени остающийся любимым зрелищем во многих латиноамериканских странах. Зима не сезон для корриды, но случилось так, что во время нашего пребывания в Лиме туда на гастроли приехали два известных тореро из Испании, и улицы столицы запестрели афишами, извещавшими об их выступлении. Молодой те-

атральный режиссер, с которым мы недавно познакомились, пригласил нас на это зрелище, и мы с интересом приняли его приглашение.

Для моих спутников коррида была новинкой, а я уже несколько раз видел ее, когда в 1965 году в составе группы советских туристов побывал в Испании, стране, оставившей в моей памяти необыкновенно яркие впечатления. В Мадриде мне даже довелось присутствовать на большой национальной корриде, которую удостоил своим посещением сам «каудильо».

Как известно, отношение к этому виду спорта у иностранцев самое разное. Одни, как, например, Эрнест Хемингуэй, восторженно отзываются о нем, другие считают корриду отвратительным и почти безнравственным зрелищем. На меня коррида производит сложное впечатление, и я не могу примкнуть ни к ее горячим поклонникам, ни к яростным противникам. Хочу только повторить фразу, которую я часто слышал в Испании: «Нельзя понять национального характера испанца, если не побываешь на корриде».

Я не принадлежу к числу «сумасшедших болельщиков» спорта, которых так много повсюду в наше время. Больше того, рискуя вызвать неудовольствие наших великолепных спортсменов, я скажу, что нынешнее повальное увлечение людей футболом или хоккеем кажется мне доходящим порой до уродства, и, по моему, с ростом культуры нашего общества мы найдем себе другие, более интеллектуальные занятия, оставаясь, впрочем, в разумных пределах любителями самых разных видов спорта.

Но стоит мне попасть на стадион во время футбольного или хоккейного матча — и темперамент не позволяет мне остаться равнодушным к борьбе, происходящей на травяном или ледяном поле. Я начинаю «болеть» вместе с другими зрителями, переживать каждую острую комбинацию, каждый гол и, когда выхожу по окончании матча со стадиона, чувствую себя и возбужденным и усталым от испытанного за эти часы волнения.

То, что я испытал на корриде, не может идти ни в какое сравнение с переживаниями на самой острой

футбольной или хоккейной игре. После трехчасовой корриды в Мадриде, выходя с «пласа де торос» (стадион для корриды), я чувствовал себя так, словно все эти часы таскал пятипудовые мешки на десятый этаж. Почти не спадавшее острейшее напряжение этого зрелища было изнуряющим, обессиливающим.

С первых же моментов, когда открываются ворота и на арену вырывается бык — несколько сот килограммов стремительного бешенства, черная мускулистая туша, увенчанная торчащими, как кривые кинжалы, рогами — и когда навстречу ему выходит человек, ты не только понимаешь разумом, но ощущаешь всем организмом смертельную опасность предстоящей борьбы. Ты уже знаешь: это будет не просто игра, но игра со смертью.

В Испании нам рассказывали, что у каждого тореро в его артистической уборной оборудована маленькая часовенка и перед выходом на арену он, как примерный католик, истово молится, причем на эту молитву в виде особой чести допускаются иногда его близкие друзья или почетные гости. Он не только просит у бога послать ему успех, но и молится «на всякий случай» — ведь каждый раз она может оказаться последней, эта молитва. Помню, однажды на мадридской «пласа де торос» Карабанчель, сидя в первом ряду, у самого барьера, я наблюдал за молодым тореро, готовившимся выйти на арену. Парень уже не раз выступал в качестве матадора (так называется тореро, который в данном бою убивает быка), но он был заметно бледен, движения его отличались нервной порывистостью и рука, державшая плащ, дрожала. Удивляться этому волнению не приходится — один неверный шаг, одно неловкое движение могут стоить ему жизни.

Чаще всего бык ранит тореро в область живота. В прежние времена такое ранение обычно оказывалось смертельным. Если даже рог не повредил жизненно важного органа, в ране, как ни чистили ее врачи, развивалось заражение крови, от которого погибал матадор. И только около сорока лет назад, когда Флеминг открыл пенициллин, положение резко изменилось и смерть от заражения раны для тореро стала редкостью. Поэтому имя Флеминга окружено в среде тореро особым ореолом. Говорят, они поставили ему на свои

средства прекрасный памятник, а вдова ученого, которая еще несколько лет назад была жива, приезжая в Испанию, становилась почетной гостьей ассоциации тореро — они содержали ее на свой счет, устраивали специально в ее честь корриду и т. д. Надо сказать, что знаменитые тореро — одни из самых богатых людей в Испании, они получают баснословные деньги за каждый выход на арену.

В Мадриде мы познакомились и подружились с Луисом Мигелем Домингином, который в недавнем прошлом считался лучшим тореро Испании, был другом Хемингуэя и до сих пор остается необыкновенно популярным человеком в стране. Его искусство и слава матадора принесли ему богатство, он стал миллионером и теперь, хотя и не выступает сам в корридах, владеет несколькими «пласа де торос» и тренирует молодых тореро. Его знает в лицо едва ли не каждый испанский мальчишка, несмотря на то что на аренах уже гремят другие имена. Мне говорили, что испанцы до сих пор вспоминают дерзкий фокус, который одним из первых ввел в практику тореро Домингин. В самый разгар опасной игры, в тот момент, когда животное, пригнув голову, готовится кинуться на матадора, Домингин вдруг поворачивался спиной к быку и, опустившись на одно колено, отвечивал зрителям церемонный поклон, вызывавший на трибунах восторженный рев и бурю рукоплесканий.

Однажды я спросил у него об этом трюке. Домингин усмехнулся в ответ.

— Просто зрители не разбираются в психологии быка так, как я, — сказал он небрежно. — Я точно знаю, что в этот момент он не кинется на меня.

Не могу судить, как там дело обстоит с бычьей психологией, но должен признаться, что, когда я в первый раз попал на корриду, мои симпатии вначале невольно оказались на стороне животного.

Вырвавшись на арену из тесного загона, бык останавливается, ошеломленный широтой открывшегося перед ним пространства. И в это время из-за дощатого щита, прикрывающего один из выходов на арену, появляется помощник тореро и взмахивает своим малиновым плащом. Бык стремглав кидается туда, но человек прячется за щит, а неподалеку выбегает из-за

такого же щита другой помощник и тоже машет плащом, отвлекая животное на себя. Бык бросается то в одну, то в другую сторону, но противник всякий раз ловко ускользает от него.

Потом слышится трубный сигнал, и на арену выезжают верхом два пикадора. Лошади у них старые, с завязанными глазами, чтобы они не видели быка, и у каждой один бок прикрыт толстым стеганым матом. Помощники тореро приманивают быка поближе к пикадору, и наконец, заметив его, бык кидается вперед и остервенело бодает защищенный бок коня, стараясь поднять лошадь на рога. А человек, с трудом удерживающийся в седле, между тем своей длинной пикой наносит ему рану в спину около лопатки — по правилам корриды бык должен потерять часть крови, прежде чем в игру вступит матадор.

Снова звучат трубы, и помощники тореро, размахивая плащами у самой морды быка, оттягивают его на себя, мотают от одного щита к другому. Пикадоры уезжают, а на арене появляются два человека, у которых в каждой руке по короткому дротику, украшенному цветными лентами, — так называемая бандерилья. Сначала один, а потом другой, они кричат на быка, топают ногой, вызывая его на нападение. Бык принимает вызов и несется на обидчика. А тот, вместо того чтобы прятаться, высоко подняв руки с бандерильями, сам бежит навстречу атакующему животному и в последние мгновение, изогнувшись и вильнув в сторону от страшных рогов, всаживает обе бандерильи в шею быка и стремительно убегает. Бывает, что это не получается у него с первого раза, и бандерильерос повторяют свой бросок дважды, а то и трижды, но тогда публика на трибунах шумит и презрительными возгласами выражает свое неодобрение.

Может быть, потому, что все это время на арене находится много людей, которые дразнят, обманывают и ранят одного-единственного быка, у вас, как у зрителя, возникает ощущение несправедливого неравенства борьбы. Вам становится жалко быка, обидно за него, и появляется раздражение против его мучителей. Я несколько раз ловил себя на том, что мысленно подбадриваю животное: «А ну-ка, дай им как следует! Покажи им, на что ты способен, раз они тебя дразнят!»

Но все эти мысли исчезают, как только, после бан-дерильерос, на арену выходит, уже один на один против быка, матадор. Он не убегает, не прячется. Стройный и легкий, необыкновенно статный особой изящной статью тореро, с гибкой фигурой, затянутой в пестро расшитый камзол, он идет прямо к быку и, остановившись в трех-четыре шагах от него, поводит и подергивает своим алым плащом, не спуская взгляда с нали-тых кровью глаз животного.

Бык гневно роет копытом песок, бык угрожающе ревет и вдруг, выставив смертоносные рога, несется на человека. А тот едва заметным движением, изгибаясь в талии, уклоняется в сторону и, подставив рогам плащ, пропускает под рукой эту массивную тушу, так что острый кончик рога пролетает в каком-нибудь сан-тиметре от его бедра или груди, а бок быка чуть задевает камзол матадора, иногда оставляя на нем кровь из раны, нанесенной пикадором. И вместе с плащом, подброшенным на лету ударом рогов, матадор повора-чивается вслед за проскочившим мимо него животным и стоит, готовый к новой атаке.

И ты, зритель, уже не можешь быть союзником бы-ка, ты бесповоротно переходишь на сторону человека. Исчезло несправедливое численное превосходство лю-дей на арене, и теперь это — опасный поединок чело-века со зверем. Теперь он идет «на равных»: страшная злая энергия быка — тяжелая масса его туши, помно-женная на квадрат скорости его свирепых бросков,— энергия, как бы сосредоточенная на острых концах изогнутых рогов, противостоит мужеству, ловкости, хладнокровию и зоркости матадора. Это борьба воли и разума человека со слепой и бешеной яростью зверя. Конечно, ты заранее знаешь, что бык будет убит, но тебе ведь еще неизвестно, чем обернется судьба мата-дора,— он как бы покупает право убить зверя ценой смертельного риска для себя, ставя на карту свою жизнь. Так охотник на льва или на медведя, поднимая ружье, знает, какая опасность грозит ему в случае про-маха. И напряжение, которое ты уже испытывал в на-чале корриды, теперь достигает своей кульминации и не ослабевает вплоть до удара шпаги матадора, сра-жающего быка.

Пусть извинит меня читатель, что, описывая кор-

риду, я из Лимы на время перенесся в Испанию. Правда и ход корриды везде одинаковы, а зрелище в Мадриде было более внушительным и памятным для меня, да и хотелось дать представление о том, что переживает неискушенный зритель, впервые оказываясь на трибунах «пласа де торос».

Коррида, которую мы видели в Лиме, была значительно скромнее. Называлась она «новильядой», потому что на арену в тот день выпускали не быков, а бычков (слово «новилью» означает — телок или бычок). Но из этого вовсе не следует, что поединок с животным был неопасным — каждый такой «бычок» тоже весил несколько центнеров, по размерам лишь ненамного уступал взрослому быку и нападал на тореро не менее свирепо. А сами тореро из Лимы, по сравнению со «звездами арены», которых я видел в Мадриде, явно были менее опытными, и только один из них — приезжий гость Ортега — выделялся среди матадоров.

Невысокий седой человек лет сорока пяти — пятидесяти, Ортега давно перевалил за критический возраст тореро. Говорят, он был когда-то знаменит в Мадриде, но теперь выступал лишь в провинции и не часто. Сначала казалось странным видеть такого пожилого тореро на арене, словно старый актер играл молодого героя, но искусство Ортеги, его опыт постепенно уравновесили это впечатление. Публика не раз громкими аплодисментами и криками одобряла удачное, точное движение матадора, смелость и хладнокровие, с каким он встречал бешеные броски быка. А когда точным ударом шпаги он свалил зверя на песок, зрители, все как один, замахали носовыми платками, требуя, чтобы Ортеге вручили особую награду за хорошо проведенный бой — ухо сраженного им быка, что и было выполнено.

Завсегдатаи корриды, подобно нашим закоренелым болельщикам футбола или хоккея, являются тончайшими знатоками всех правил этого спорта, правил, до тонкости разработанных и изощренных, которые, как нам говорили, занимают десять томов специальной «Энциклопедии корриды», издаваемой в Испании. Они чутко реагируют на все перипетии борьбы, идущей на арене, щедры на аплодисменты и на возгласы одобрения, но

беспощадны к малейшей ошибке, к неловкости, к любому неверному движению тореро. А уж если, боже упаси, они заметят малодушие, трусость у кого-нибудь из участников корриды — это вызывает бурю гнева на трибунах. Во время боя на мадридской «пласа де торос» два бандерильерос трижды пытались всадить в шею быка свои бандерильи, но всегда терпели неудачу: они явно боялись и чересчур уж далеко обегали рога — вонзить дротики в шкуру животного с такого расстояния не удавалось. После первого промаха стадион глухо загудел, после второго шум усилился, а когда и третья попытка окончилась провалом, трибуны неистово заревели: «Труссы! Негодяи! Вон отсюда!» — и бандерильерос как ветром сдуло с арены.

Искушенный зритель корриды так же тонко разбирается в быках и придирчиво оценивает все качества каждого животного, выпущенного на арену. Там же, в Мадриде, на четвертом или пятом бое (всего их было шесть) публике не понравился очередной бык. Для нас, невежественных новичков, он ничем не отличался от других своих предшественников, но, как только помощники тореро стали гонять его по арене, трибуны загалдели и стали громко что-то скандировать.

— Они требуют, чтобы судья сменил быка, — объяснил переводчик в ответ на наши недоуменные вопросы.

— Почему его надо сменить?

— Плохой бык. Он не годится.

— Почему не годится?

— Это долго объяснять — вы не поймете. Плохой бык. Народ сразу увидел.

Видно, судье пришлось уважить волю народа. Коррида была остановлена, помощники тореро попрытались за щитами, и бык стоял, недоуменно озираясь. Снова открыли ворота, через которые он вбежал.

Но у всех нас возник вопрос: как же удалят быка с арены? Попробуй-ка загни разъяренное могучее животное в эти ворота! Не убивать же его, забракотанно-го для поединка с матадором.

И вдруг на другом конце арены открылись вторые ворота, и оттуда на круглое желтое поле «пласа де торос» выбежали три коровы. Не задерживаясь, они рысцой пересекли арену и скрылись в тех воротах, от-

куда выпускают быков. И забракованный бык, повинаясь зову крови, тотчас же потрусил туда вслед за ними. Все было решено гениально просто.

Но вернемся окончательно на лимскую «пласа де торос», кстати говоря одну из старейших в Латинской Америке. Повторяю, коррида, которую мы видели там, по своему ходу ничем не отличалась от мадридской, и только началась она совсем по-другому. И заметьте — началась точно в назначенное время, минута в минуту.

Я не случайно упоминаю об этом, ибо точность и пунктуальность, как я уже говорил, совершенно не присущи латиноамериканцам. Назначив деловое свидание, они могут опоздать на час и больше. Конференции, собрания, заседания начинаются, как правило, гораздо позже, чем было объявлено. Тут даже есть такой термин — «латиноамериканское время»; и если один перуанец приглашает другого в гости на определенный час, приглашенный полшутя-полусерьезно спрашивает хозяина: по латиноамериканскому или по точному времени?

Только одно мероприятие в Латинской Америке начинается с неизменной и абсолютной точностью — коррида. Такова уж незыблемая традиция, и она никогда не бывает нарушена. В тот день также зрелище началось, как только стрелки часов над воротами «пласа де торос» показали четыре ноль-ноль.

Но, к нашему удивлению, сначала вместо тореро и быков на арену стадиона медленно выехали три больших легковых автомобиля. Прямо на крыше первого, в пестром цветастом платье, поджав ноги, сидела белозубо улыбающаяся смуглая, черноволосая красавица. Это была «мисс Перу — 68» — перуанская королева красоты 1968 года. Она действительно была дивно хороша и, прижав одной рукой к груди букет ярких цветов, высоко поднимала другую, приветствуя зрителей, отвечавших ей восторженными овациями.

На крышах двух других машин по двое или по трое сидели красивейшие девушки Лимы в кружевных испанских мантильях, с высокими костяными гребнями в волосах. И, замыкая эту автоколонну красавиц, выехала на круглое поле старинная карета, сохранившаяся в какой-то знатной семье с давних колониальных

времен. Лошадей не было, а, впрягшись в дышло, карету тащили служители стадиона в красных ливреях. Передние колеса этого древнего экипажа, глубоко увязая в песке, выписывали такие отчаянные восьмерки, что казалось, они вот-вот отвалятся и карета опрокинется набок. Служители выбивались из сил, таща ее и стараясь удержать разболтавшиеся колеса, а на козлах вместо кучера сидела еще одна красавица в широкополом черном сомбреро и заразительно хохотала.

Автомобильно-каретная процессия не спеша объехала вокруг всего стадиона, провожаемая веселым смехом, солеными шуточками, которыми зрители обменивались с красавицами, и снова исчезла за воротами. И теперь уже, как положено, на арену вышла процессия всех участников будущей корриды, включая пикадоров на лошадях. Они остановились против ложи алькальда (мэра) города, приветствовали его глубоким почтительным поклоном и, получив от него сигнал, разрешающий начать бой, с неторопливым достоинством обошли всю арену.

А потом выбежал первый бык, и дальше все было так, как я рассказал выше.

Могу заключить только одним советом моим читателям. Если кому-нибудь из вас случится побывать в Испании, в Перу или в других странах, где действуют «пласа де торос», обязательно посмотрите корриду. Посмотрите хотя бы раз, как бы вы потом ни отнеслись к этому зрелищу. Посмотрите уже потому, что этот опасный и своеобразный вид спорта, как и реакция его болельщиков, даст вам возможность шире и глубже почувствовать характер и темперамент народа, в гости к которому вы приехали.

И второй совет. Не называйте корриду совершенно бессмысленным термином, издавна почему-то укоренившимся в нашем языке, — «бой быков». Это выражение нелепо — быки не бьются между собой. Уж лучше, как мы это делаем в других случаях, позаимствовать слово из чужого языка и называть корриду корридой.

КОЛЛЕГИ

Как говорится, делу — время, потехе — час. Мы приехали в Перу не туристами, а в качестве делегации советских писателей, и дни, проведенные нами в Лиме, были заполнены больше всего встречами и беседами с нашими коллегами — перуанскими деятелями литературы и искусства — и переговорами с писательскими организациями страны.

Перуанское общество писателей во главе с Эстебаном Павлетичем, пригласившее нас сюда, объединяет группу известных литераторов. Но мы вскоре выяснили, что самой крупной и авторитетной организацией считается АНЭА — Национальная ассоциация писателей и артистов Перу. Это творческий союз художественной интеллигенции, основанный еще тридцать лет назад. В нем состоит более тысячи литераторов, композиторов, художников, актеров, и он пользуется помощью и финансовой поддержкой правительства. Много лет АНЭА возглавлял недавно умерший крупный

перуанский поэт Сиро Аллегрия. После его смерти президентом ассоциации был избран видный прозаик генерал Эрнандес.

Естественно, что мы захотели установить прочный контакт с этой организацией, и Густаво Валькарсель договорился о встрече с группой членов правления АНЭА. Она состоялась на третий или четвертый день после нашего приезда в Лиму и началась, как мне помнится, в несколько прохладной атмосфере.

В большом кабинете с длинным заседательским столом нас приняли вице-президент ассоциации Хорхе Харрисон и ее секретарь и казначей Роса Эрнандо.

Роса — крупная, полная дама среднего возраста с румяным добрым лицом гостеприимной хозяйки большого дома — известный литератор и журналист, пишущий на сельскохозяйственные темы, а также основатель и редактор журнала, освещающего проблемы земледелия. Хорхе — высокий красивый мужчина лет сорока, в глазах которого была та поволока, что, говорят, производит неотразимое впечатление на женщин, но в обычном общении становится своего рода препятствием, словно мешая тебе угадать истинный характер собеседника за таким, слегка затуманенным взглядом.

Пришли еще пять или шесть членов правления, и постепенно стал завязываться разговор. Наши хозяева были вполне вежливы, но как-то чересчур «по-дипломатически», и мы все время ощущали за этой вежливостью легкий холодок, словно неослабевающую недоверчивую настороженность, уже начинавшую раздражать нас. Хорхе даже позволил себе иронический выпад (во всяком случае, так это прозвучало в переводе), сказав, что, как ему известно, советская литература не создала ничего значительного. Пропустить мимо ушей подобное несправедливое и оскорбительное замечание мы не могли, и я тоже подчеркнуто иронически спросил: какие книги советских писателей читал сеньор Харрисон? И когда, замявшись, он не смог привести ни одного названия, мне только осталось тем же тоном добавить, что вряд ли следует высказывать категорическое суждение о литературе, о которой не имеешь ни малейшего представления.

Такой обмен колкостями тоже не способствовал «утеплению» нашего разговора, и бог весть куда бы мы зашли, если бы в этот момент в комнате не появился невысокий, необыкновенно аккуратный старичок с галстуком-бабочкой, с умным, интеллигентным лицом пожилого актера, во всем облике которого было что-то старомодное и вместе с тем очень приятное и располагающее к нему.

Нас познакомили. Это был писатель и ученый, известный врач и социолог профессор Уго Пеше, старый коммунист, один из тех, кто тридцать с лишним лет назад основал АНЭА. Его появление как бы разрядило обстановку, нас пригласили за стол, и профессор стал рассказывать историю возникновения ассоциации.

Эта история неразрывно связана с именем Хосе Карлоса Мариатеги, выдающегося общественного и литературного деятеля Перу двадцатых годов. Первый последовательный перуанский марксист, Мариатеги в 1928 году основал в стране социалистическую партию, принявшую линию III Интернационала и впоследствии ставшую Перуанской компартией. Он способствовал также развитию прогрессивных тенденций в перуанской литературе, и основанный им журнал «Амауте» стал центром, объединившим передовых левых писателей и политических деятелей. Мариатеги встречался с А. М. Горьким, он был другом В. В. Маяковского и с горячим интересом следил за хозяйственными и культурными успехами Советского Союза. Тяжелая болезнь рано свела его в могилу, но его друзья и соратники, среди которых был и Уго Пеше, продолжали работу Мариатеги в литературе и восемь лет спустя после его смерти создали АНЭА как свободное, внепартийное объединение художественной интеллигенции, где, однако, всегда преобладали прогрессивные элементы. Сейчас членами ассоциации являются такие известные современные деятели культуры Перу, как прозаик Хосе Мария Аргедас, наш друг поэт Густаво Валькарсель, скульптор Канья, художник Эседа, актриса Люсия Ирурита и многие другие.

Уго Пеше рассказывал обо всем неторопливо и обстоятельно, в манере опытного лектора; мы иногда задавали вопросы, и мало-помалу за столом завязался живой и непринужденный разговор, в котором посте-

пенно растаял ледок настороженности и сдержанности вокруг нас. Начались шутки, послышался смех, и когда мы расставались с нашими хозяевами, от их прежней холодной вежливости не осталось и следа. В следующий раз Хорхе и Роса встретили нас уже как старых и добрых знакомых, и с тех пор они прилагали все усилия, чтобы помочь нам познакомиться с широким кругом творческой интеллигенции Лимы. Именно АНЭА организовала для нас в своем зале одну из самых представительных пресс-конференций, а потом многолюдную встречу со своим активом, где мы отвечали на вопросы о нашей стране и где нам в заключение вечера были торжественно вручены дипломы почетных членов ассоциации. Словом, с руководителями и активом АНЭА у нас завязалась прочная дружба, которую мы поддерживаем и сейчас, обмениваясь письмами с Хорхе и Росой.

Надо сказать, что известный холодок и настороженность мы при первом знакомстве встречали не только в АНЭА, но бывало это и в других местах. И так же как там, этот холодок быстро развеивался, уступая место сердечной непринужденности и искренним дружеским контактам. Мы поняли причину этого лишь позднее, когда на одной из встреч кто-то из наших коллег-литераторов простодушно воскликнул, обращаясь к нам:

— Мы думали, что вы все одинаковые, а вы оказались такими разными и непохожими на тех, какими мы вас воображали!

Многолетняя антикоммунистическая и антисоветская пропаганда, которую всегда вела реакционная перуанская пресса при полном одобрении прежних правительств, оказывала свое влияние даже на умных, интеллигентных и, казалось бы, вполне самостоятельно мыслящих людей. Наши достижения замалчивались, наши недостатки и ошибки раздувались до гиперболических размеров, и газеты не брезговали самым беспардонным враньем о Советском Союзе, действуя по известному правилу: «Клевеци, клевеци — что-нибудь и останется!» Нас, советских людей, изображали как мрачных фанатиков, одержимых навязчивой идеей ниспровержения всех иных порядков на земле, как разрушителей всех моральных усто-

ев человечества. Конечно, наиболее образованные и умные люди отвергали крайности этой оголтелой пропаганды, но она и для них не проходила бесследно и за много лет оставила свой отпечаток в сознании. Когда стало известно о приезде нашей делегации, видимо, многие перуанские интеллигенты вообразили, что они увидят перед собой этаких железобетонных догматиков, тупых и узколобых, которые не могут говорить ни о чем ином, кроме необходимости свержения буржуазного строя, и будут настойчиво и однообразно агитировать за коммунизм. Отсюда и возникала та недоверчивая настороженность, с какой нередко встречали нас при первом знакомстве, уже вскоре сменявшаяся радостным удивлением: «А они совсем не такие, как нам их описывали!»

Мы были такими же интеллигентами, как они, вполне современными, начиная с одежды и кончая кругом интересов и уровнем знаний. Мы готовы были «на равных» обсуждать с ними любые вопросы и проблемы, доступные нынешнему среднеинтеллигентному человеку. Мы говорили на языке культуры и дружбы, понятном и привычном для них. Мы даже объяснялись не только на своем родном языке, но и на других языках, знакомых им. Нина Булгакова совершенно свободно владела испанским, Роберт Рождественский знал немецкий, я — английский, немного французский и с грехом пополам понимал испанскую речь. Булгакова удивляла их знанием латиноамериканской литературы, Роберт с неизменным успехом читал свои стихи, тоже вполне современные по форме и близкие слушателям по мысли и чувству. И главное, все мы трое — люди, действительно совершенно непохожие один на другого и по характеру и по темпераменту, — обладали развитым чувством юмора, любили веселье, смех, не упускали возможности сострить и непринужденно реагировали на каждую шутку наших собеседников. А смех и шутка особенно сближают людей.

Как можно было заметить, перуанцев на встречах с нами подкупало и то, что мы не избегали никаких «острых» вопросов и с полной откровенностью и искренностью старались удовлетворить любопытство своих слушателей, каких бы сторон нашей жизни или истории они ни касались. И проблемы «культы лично-

сти», и споры вокруг «Доктора Живаго» Бориса Пастернака, и пресловутое «дело Даниэля и Синявского» — все было предметом нашего откровенного разговора на этих встречах, и мы стремились с исчерпывающей полнотой объяснить перуанским друзьям существо каждого из этих вопросов, запутанных и искаженных враждебной пропагандой, и изложить нашу позицию. Порой случалось, что председательствующий на такой встрече, вероятно из лучших побуждений, желая оградить нас от «щекотливых» тем, предупреждал аудиторию, что спрашивать следует лишь о культурной жизни и о литературе в Советском Союзе. Мы тотчас же мягко поправляли его, заявляя, что готовы отвечать на любые вопросы, без каких бы то ни было ограничений. Если же, как это иногда бывало, попадался специальный вопрос, выходящий за пределы наших знаний, мы с той же откровенностью признавались, что не можем на него ответить. Все это создавало атмосферу взаимного доверия и полной искренности.

Мы не собирались агитировать перуанцев «за советскую власть», мы просто приводили факты из жизни нашей страны, предоставляя слушателям самим делать выводы. Мы говорили об успехах и достижениях Советского Союза, но не пытались изобразить нашу страну земным раем, где решены все проблемы и достигнуты все цели. Любая односторонность в освещении вопроса всегда вызывает недоверие у слушателя, и об этом не следует забывать.

Наши враги порой сочиняют о нас самые нелепые басни, не останавливаются перед самой черной клеветой. Что ж, на то они и враги. Но случается, кто-нибудь из наших друзей, побуждаемый лучшими чувствами, начинает изображать нашу страну и нашу советскую жизнь в таких идиллически-розовых тонах, что у аудитории неизбежно возникает сомнение в правдивости оратора. А если еще в зале сидят люди, которым тоже довелось побывать в СССР и которые своими глазами видели и наши достижения и наши недостатки, подобная идиллия еще резче оборачивается против ее автора, и слушатели невольно скептически воспринимают весь его рассказ, ставя под вопрос даже бесспорные факты. Такой друг, сам не понимая того,

оказывает нам, советским людям, поистине медвежью услугу.

Нет, мы не нуждаемся в приукрашивании — оно было бы даже оскорбительным для нас. Мы далеко еще не построили у себя земного рая, и в нашей сегодняшней жизни еще много своих сложностей и трудностей. Но это никак не может умалить главного — того, что за исторически необычайно короткий — пятидесятилетний — срок мы сумели совершить величайшие дела: коренным образом преобразовать экономику прежней отсталой России, осуществить культурную революцию, поднять на очень высокий уровень образование и здравоохранение народа, создать могучую армию, сумевшую разгромить самого страшного врага человечества — германский фашизм, двинуть далеко вперед науку и культуру, первыми вырваться в космос и т. д. и т. п. А если напомнить, что из этих пятидесяти лет пятнадцать были для нас годами войны, а в течение почти всего остального срока нам приходилось напряженно готовиться к возможным нападениям врагов, масштабы сделанного еще больше возрастают. Наше прошлое дает нам право на спокойное и гордое достоинство в настоящем, на надежду и веру в свое будущее. А недостатков, трудностей и ошибок не может не быть, если идешь непроторенными дорогами; мы же все эти годы первыми протоптали путь через историческую целину нового на земле общества. Наш Ленин не раз говорил, что ошибки на этом неизведанном пути неизбежны.

Именно в таком тоне проходили наши беседы в самых разных аудиториях Лимы. И мы всегда убеждались, что такой разговор производит на перуанцев благоприятное впечатление. Об этом можно было судить и по тому, как внимательно нас слушали порой в течение двух или трех часов, и по количеству полных заинтересованности вопросов публики, и по тому, какая толпа окружала нас после окончания вечера, — подходили поблагодарить, пожать нам руки или взять автографы. Так было неизменно, выступали ли мы среди писателей, в рабочей аудитории, перед студентами или в кругу преподавателей и профессоров.

Самая широкая из таких встреч состоялась в Столичном Доме культуры. Два смежных, как бы слива-

ющихся в один, зала были переполнены публикой. Нас бурно приветствовали, и первым выступил с речью президент новорожденного «Общества дружбы Перу — СССР», известный в Лиме детский врач Асунсьон Кабальеро Мендес. Он с жаром говорил о том, как остро нуждаются перуанцы в коренных, радикальных реформах, как тяжело живет народ, особенно в дальних горных областях и в районах тропической сельвы, как неотложны для страны задачи борьбы с голодом, с высокой смертностью и болезнями среди детей.

Дети — большое место Латинской Америки. Тысячи маленьких бездомных бродяг скитаются по улицам городов, ночуют под мостами, в парках, выпрашивают подавание у прохожих, голодают, мерзнут, мрут. Правительства отпускают на детские дома и приюты очень скудные средства, а частная благотворительность — крохи, перепадающие со стола богачей, — тем более не в состоянии помочь решению этой проблемы. В Колумбии, как нам говорили, умирает, не дожив до года, каждый второй-третий ребенок. В Перу детская смертность всегда была крайне велика, причем в провинции дело обстояло значительно хуже, чем в столице. Нам рассказывали, что в горных областях были такие районы, где матери выносили или выводили на дорогу маленьких сыновей и дочерей и продавали их проезжающим богатым и бездетным туристам, чаще всего североамериканцам. Они знали: их дети все равно не жильцы на этом свете — уровень жизни во многих деревнях был так ужасающе низок, что ребенок неизбежно умирал от недоедания и болезней. Продав младенца, мать спасает его жизнь, хотя и не увидит его больше, и в то же время обеспечивает жизнь своих остальных детей — вырученные деньги помогут ей какое-то время кормить их.

Еще ужаснее была судьба детей в Боливии, одной из самых бедных стран континента. Там, говорят, кое-где в многодетных индейских семьях, когда рождался новый ребенок, прокормить которого родителям уже не под силу, отец и мать сразу же умерщвляли его. При этом, чтобы не проливать родную кровь, ребенка подвешивали за ноги к ветке дерева, пока он не умрет. Страшно подумать, что это происходит в двадцатом веке, в веке небоскребов и комфортабельных воз-

душных лайнеров, обтекаемых автомобилями с кондиционированным воздухом и космических кораблей.

После Асунсьона Кабальеро Мендеса выступал Густаво Валькарсель, который рассказывал присутствующим о Советском Союзе и читал свои стихи, посвященные В. И. Ленину. Но главным докладчиком вечера, посвятившим свое выступление нашей литературе, был профессор Уго Пеше, уже знакомый нам по встрече в Ассоциации писателей и артистов Перу.

Уго Пеше, как оказалось, уже побывал в 1960 году в Советском Союзе с делегацией латиноамериканцев. Но, конечно, советской литературы он, как и другие перуанские интеллигенты, не знал — она не издавалась в Перу и почти не попадала сюда в переводах на испанский. Зато он хорошо знал наших классиков девятнадцатого и начала двадцатого века, которые здесь, в Перу, как повсюду, оказали в свое время сильное влияние на формирование взглядов передовой интеллигенции.

Это не была академическая лекция профессора — Уго Пеше говорил о своих личных чувствах и мыслях, о том впечатлении, какое на него, тогда еще совсем молодого человека, и на его друзей — образованную молодежь начала двадцатых годов — произвело знакомство с произведениями великих русских писателей. Он не стал говорить об общеизвестных романах Толстого или Достоевского, о творчестве Чехова или Горького, а взял в качестве примера напумевший когда-то «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева. Он вспоминал, что появление этого рассказа в переводе на испанский язык было для революционной перуанской молодежи как бы разрывом интеллектуальной бомбы — его зачитывали до дыр, о нем говорили и спорили повсюду. И он стал пересказывать содержание «Рассказа о семи повешенных».

Я понимал его речь едва ли наполовину, но, судя по тому, с каким затаенным дыханием слушала его аудитория, старый профессор говорил с истинным блеском. Уго Пеше показал себя великолепным оратором в классической манере, с безукоризненной дикцией и мастерской модуляцией голоса, со скупым, но красноречивым жестом, с большим диапазоном интонаций и, видимо, с богатейшим словарем. Речь его была одно-

временно и спокойной, и полной внутреннего жара, и проникнутой особой убежденностью, придающей каждой фразе неотразимую силу и весомость. Зал проводил его с кафедры долго не замолкавшими аплодисментами, и мы горячо поздравили профессора с блестящим выступлением и поблагодарили за ту искреннюю любовь к нашей стране, которая все время звучала в его речи.

А потом мы очень подружились с Уго Пеше. Он часто приходил к нам в отель и подолгу сидел, то рассказывая о Перу, то расспрашивая о Советском Союзе. Человек большой скромности, он редко и мало говорил о себе, и не от него, а от других мы узнали, какая великолепная биография за плечами этого почти семидесятилетнего, милого и доброго старика.

Выходец из буржуазной семьи, Уго Пеше решил стать врачом и в первой половине двадцатых годов окончил медицинский факультет университета в Риме. Там, в Италии, он познакомился с видными революционерами и привез на родину не только диплом врача, но и последовательно марксистские убеждения. В Лиме он встретился с Хосе Карлосом Мариатеги и стал его ближайшим другом и единомышленником. Вместе с ним он работал над основанием марксистской социалистической партии Перу, впоследствии назвавшейся партией коммунистов.

Как врач он вскоре стал заметной фигурой не только на родине, но и далеко за ее пределами. Своей медицинской специальностью он выбрал одну из самых страшных болезней человечества — проказу, особенно распространенную тогда в районах тропической сельвы. Его исследования этой болезни получили международное признание. Он был основателем и руководителем лепрозория в Лиме, организатором кафедры тропической медицины в университете Сан-Фернандо. И все это время, ведя огромную научную работу, он не прекращал политической борьбы и всегда был стойким и несгибаемым коммунистом. Много раз ему грозили тюрьма, пытки, концлагеря, но ни одно из диктаторских реакционных правительств не посмело посягнуть на его свободу — таким авторитетом и в самом Перу и за границей пользовалось имя ученого.

Порой казалось, что эта боевая революционная био-

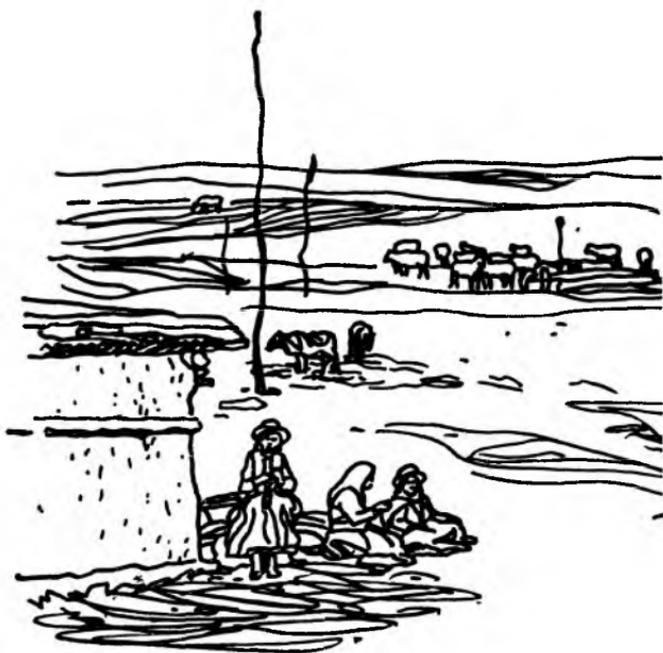
графия странно не вяжется с внешним обликом Уго Пеше. В нем были бесконечно доброе обаяние тонко воспитанного и высокообразованного интеллигента в лучшем смысле этого слова и какая-то милая старомодность, отдававшая чуть ли не восемнадцатым веком. Помню, он явился к нам в день рождения Нины Булгаковой и, узнав об этом событии, тут же написал и с церемонно-шутливым поклоном поднес ей самый настоящий мадригал, созданный в духе лучших образцов придворной поэзии. А перед нашим отъездом он вручил нам всем троим по маленькому подарку, в каждый из которых была вложена записка: «такому-то, имярек,— «часки» советской культуры». «Часки» у древних инков назывались гонцы-бегуны, которые доставляли императору важные государственные донесения, передавая их, как эстафету, по цепочке один другому.

Человек широких, разносторонних интересов, он был не только врачом, но также социологом и в то время работал над новой книгой о религии в современном человеческом обществе. Его очень интересовали данные о состоянии религиозных культов в наших республиках, особенно восточных, и о том, какие изменения происходят в этой области. Он настойчиво расспрашивал нас, но, к сожалению, мы не располагали цифровыми данными и лишь в слабой степени могли удовлетворить его любопытство. Но мы обещали по возвращении на родину найти и прислать ему необходимые материалы.

Как водится, мы не сразу вспомнили об этом обещании, вернувшись в Москву. А месяца два или три спустя кто-то приехал из Перу и привез нам печальную весть: профессора Уго Пеше уже не было в живых.

Говорят, его похороны превратились в массовую демонстрацию — за гробом шли многие тысячи жителей Лимы.

Мы, советские люди, потеряли в его лице доброго и верного друга, а перуанцы одного из своих видных ученых и писателей — истинного «часки» науки и культуры.

ПОЕЗДКА НА ЮГ

Знакомство со страной, с ее географическими зонами, столь резко отличными друг от друга, мы начали с пустынного тихоокеанского побережья Перу, на котором лежит Лима.

Пустыня подступает вплотную к перуанской столице невысокими и совершенно голыми серо-желтыми горами. Их было видно из окон нашего отеля,— хмурые и неприветливые, они поднимались над окраинами плоскокрышного города, внося в пейзаж нотку суровости и даже какого-то уныния. Но город, кипучий, полный никогда не затихающей жизни, продолжал свое наступление на пустыню, и авангарды его домов уже начали взбираться по сухим желтым склонам, оживляя их белизной стен и пока еще чахлой зеленью первых посадок. Лима быстро строится, растет, и, наверно, не так далеко время, когда ее новые кварталы покроют эти мрачные гребни пустыни.

Первое, еще небольшое путешествие по побережью

мы совершили вскоре после приезда. Наши друзья Валькарсели повезли нас в древний храм Пачакамак, находящийся в тридцати километрах южнее Лимы,— одну из самых известных достопримечательностей Перу.

Кварталы двухэтажных жилых особнячков, между которыми здесь и там белели укутанные в зелень садов роскошные виллы столичных богачей, сменились убогими лачугами нищих окраин, всегда уродливо окаймляющих большие города Латинской Америки. Тут — царство безработных, люмпенов, преступного мира, и появляться здесь прилично одетому пришельцу небезопасно даже до наступления темноты. Потом машина вырвалась за пределы города, на широкую автостраду, и мы сразу оказались среди мрачного уныния пустыни. Слева тянулись цепи голых, без единого кустика, холмов и гор неопределенного грязно-желтого цвета, настолько безрадостных, что хотелось скорее отвести от них взгляд. А справа лежала однообразно плоская, такая же грязно-желтая равнина, лишь на горизонте — километрах в трех-четыре от нас — срезанная синей полосой океана. Неподалеку от шоссе на равнине поднимались какие-то невысокие бугры, и, приглядевшись, мы увидели, что это — большие кучи мусора. То была свалка, куда со всей Лимы свозили содержимое помоек и мусорных ящиков, и она занимала обширную площадь на пространстве между дорогой и океаном. Кое-где среди мусорных куч стояли даже не лачуги, а скорее шалаши, сколоченные из обломков досок, из кусков жести, а то из картона, — жалкое жилище нищеты, дошедшей до крайних пределов. Там и сям на свалке маячили человеческие фигуры — люди бродили, то и дело нагибаясь и отыскивая в мусоре какую-то добычу.

Безнадежно и бесконечно тоскливым было это зрелище — люди, роющиеся в мусорных экскрементах огромного города. Оно еще больше отягчало мрачные чувства, навеваемые окрестной унылой пустыней, и мы приехали в Пачакамак в невеселом настроении.

Пачакамак — бывшая Мекка перуанских индейцев, святилище, куда издавна стремились тысячи паломников из самых дальних земель. Название свое этот храм

получил по имени бога — создателя мира, которому поклонялись древние племена. Это единственный храм такого рода, построенный еще в незапамятные времена, задолго до прихода сюда инков. Слава его была так велика, что инки, насаждавшие всюду свой культ Солнца, не посмели посягнуть на индейское божество, но ловко соединили свою и местную религию воедино. Идолы прежнего божества остались на месте и сохранили значение, но Пачакамак вместе с тем сделался и храмом Солнца. Около храма когда-то находился большой город, пришедший в запустение после того, как испанцы разграбили и разрушили Пачакамак, вдребезги разбили главного идола и водрузили над святилищем каменный католический крест. Только сравнительно недавно начались раскопки этого города, а храм восстановлен как памятник древности, и тысячи туристов теперь посещают его.

Он представляет собой типичную для архитектуры доинкского периода ступенчатую пирамиду с усеченной верхушкой. Шесть ее ступеней — это широкие террасы-платформы, квадратами опоясывающие сооружение на разной высоте. На платформы выходят двери из многочисленных помещений, выложенных в толще пирамиды. Здесь жила целая армия жрецов, но прежде всего эти помещения служили складами. Посещая храм, паломники приносили своему богу самые разнообразные дары — зерно и плоды, шерсть и готовые ткани, изделия из золота, серебра, драгоценных камней, богатые одежды. Все это хранилось тут на складах, и говорят, в эпоху инков Пачакамак обладал сказочными сокровищами. Причем бог не только брал, но и давал. Когда случался неурожай, когда не хватало семян для посева, обедневшие крестьяне шли сюда, и жрецы оделяли их необходимым из складов. Так что, будучи щедрыми со своим богом, люди могли в трудный момент рассчитывать и на его щедрость, что, естественно, поднимало авторитет Пачакамака еще выше.

Франсиско Писарро во время завоевания Перу услышал о богатствах, собранных в Пачакамаке, и отрядил туда часть войска под командованием своего брата Эрнандо. Но весть о приближении конкистадоров обогнала отряд, и, когда Эрнандо Писарро и его солда-

ты ворвались в храм, склады его оказались почти пустыми. Бидимо, жрецы успели спрятать сокровища, и местонахождение их до сих пор не обнаружено. Легенды о сказочных кладях инков еще ходят по всему Перу, но прежние хозяева страны, как видно, умели надежно прятать свои богатства — за время, прошедшее после испанского завоевания, большинство этих легендарных кладов еще не найдено.

Мы поднялись на верхнюю террасу храма, откуда далеко открывалась панорама окрестностей. На востоке виднелась широкая долина, где местами зеленели поля и ядовито-желтыми клубами дымили трубы большого завода, а за ними снова поднимались цепи оголенных гор. На западе, совсем близко, почти у подножья пирамиды, тянулась черная лента асфальтового шоссе с бешено проносящимися мимо машинами. Дальше, за узкой полосой каменистого желтого берега, за двумя маленькими скалистыми островками, торчащими из прибрежной воды и оплетенными белой пеной прибоя, раскинулся во всю ширь теряющийся в дымке горизонта Тихий океан, величавый и спокойный.

Именно на этой террасе, где мы сейчас стояли, в давние времена жрецы Пачакамака каждое утро торжественно встречали солнце, медленно выкатывавшееся из-за гребней дальних гор, и так же торжественно, но уже с примесью печали, провожали вечером своего сверкающего бога, когда он словно опускался в воды океана. Мы не раз видели удивительные закаты на побережье, когда и небо и отражающий его океан жарко горели и светились переливающимися изменчивыми цветами, создавая неповторимые сочетания красок, и можно себе представить, с каким благоговением и трепетом наблюдали это зрелище толпы народа, собираясь на террасах храма и слушая раздававшиеся сверху моления жрецов.

Раскопки города еще ведутся, но неподалеку от храма реставрирован уже комплекс зданий, который называют Мамакуной. Это типично инкская постройка — с чуть наклоненными стенами, с трапециевидными окнами и дверьми. Говорят, тут жили инкские женщины, посвятившие себя служению Солнцу, находился своего рода древний женский монастырь. Вероятно, в

будущем к храму и к Мамакуне прибавятся другие реставрированные здания прежнего города, и Пачакамак станет как бы перуанскими Помпеями.

Через несколько дней после поездки в Пачакамак, Густаво Валькарсель сообщил, что нас приглашают приехать в город Ику, лежащий в четырехстах километрах к югу от Лимы, и выступить там перед студентами местного университета. Теперь предстояло уже более продолжительное путешествие по тихоокеанскому побережью, и нас ждала первая встреча с перуанской молодежью.

В самой Лиме расположен известный университет Сан-Маркос, основанный четыреста лет назад, — старейшее высшее учебное заведение всей Америки. Но встретиться с его студентами мы не могли: был февраль — каникулярный месяц во всех перуанских университетах, и учащиеся разъехались по домам. Только в Ике лекции продолжались, потому что, по словам Густаво, там недавно происходили бурные студенческие волнения и чтобы наверстать упущенное за это время, ректорат решил продлить занятия. Вообще нам сказали, что университет в Ике славится своим боевым революционным духом.

Мы выехали рано утром двумя машинами с нашими постоянными добровольными шоферами — Бети и Маноло. Солнце только что поднялось над гребнями гор, машин на шоссе было еще немного, и вскоре мимо нас промелькнула знакомая высокая пирамида Пачакамака. Впереди горы почти вплотную подступали к океану, и черная лента автострады то вилась между их подножьями, то напрямую прорезала некрутые склоны. Хотя горы были такими же голыми, как в окрестностях Лимы, прежнее ощущение унылого однообразия этой всхолмленной пустыни постепенно исчезло, и мы стали постигать особую, дикую и суровую красоту пейзажа перуанского побережья.

Исчезла мутно-желтая монотонность, и склоны гор раскрывали перед нами всю палитру своих красок, всегда неярких, смягченных, со множеством оттенков коричневого, бурого, желтого и даже зеленого цветов, несомненно говорящих об их геологическом богатстве. Кое-где на склонах стали попадаться редкие колючие кусты кактусов, а потом и купы высоких пальм. Спра-

ва то синел, то скрывался за холмами океан. Иногда дорога, огибая гору, подходила вплотную к берегу, отлогому и песчаному, и мы видели шалаши и растянутые на кольях сети рыбаков. А порой чуть в стороне виднелась и целая рыбацья деревушка — ряды обожженных солнцем глинобитных мазанок с плоскими крышами, напоминающие наши кишлаки в пустынных областях Средней Азии. Обычно в такой деревне не было ни кустика зелени, и она выглядела безлюдной, словно, изнывая под этим горячим солнцем, все живое попряталось в дома.

А потом среди пустынных гор стали попадаться долины, радующие глаз своей яркой и сочной зеленью маисовых полей, густых банановых плантаций, фруктовых садов. То были долины с маленькими речками или искусственными каналами, часть которых досталась сегодняшнему земледельцу от давних инкских времен. Мы невольно вспомнили то, что нам рассказывали в Лиме о плодородии почв этой пустыни, где недостает только одного — воды, чтобы превратить ее в цветущий сад.

Вода! Она была совсем рядом — величайшая на свете масса воды Тихого океана, но воды, увы, соленой, непригодной для орошения. А наука, как известно, пока что нашла лишь такие способы опреснения морской воды, которые слишком дороги для широкого применения. Мы можем сегодня лишь верить, что ждать осталось недолго, что в наш век чудесно быстрого развития науки и техники эта одна из важнейших для человечества проблем будет вскоре решена. И тогда прибрежная пустыня Перу, протянувшаяся на тысячи километров вдоль океана, оденется в зелень и превратится в обильную плодоносную зону.

В Ике, довольно большом провинциальном городе, на центральной площади, затененной раскинувшимися платанами, нас встретили ректор и несколько профессоров университета. Ветви деревьев, переплетаясь, образовали сплошной зеленый шатер, под сенью которого журчал красивый фонтан, и эта тенистая, прохладная площадь была приятным контрастом к прокаленной безжалостным солнцем пустыне. Здесь хотелось посидеть и отдохнуть, но времени у нас не оставалось — студенты уже ждали.

Университет помещался совсем недалеко, — едва мы пересекли площадь и свернули за угол, как увидели толпу молодежи, стеной перегородившую узкую улочку. Раздались аплодисменты, толпа расступилась, вслед за ректором мы вошли в здание, тут же вышли из него в другие двери и оказались в университетском дворе.

Странное зрелище открылось перед нами. Стены университетских корпусов были сплошь исписаны, измалеваны, исцарапаны десятками лозунгов, призывов, какими-то сочетаниями букв — сокращенными названиями партий и групп.

За время своих поездок по Южной Америке я уже привык к тому, что стены играют здесь самую активную роль в политической борьбе. Куда бы вы ни приехали — в Чили или Уругвай, в Перу или Колумбию, — уже по дороге из аэропорта в отель вы из окна машины замечаете следы этой борьбы. Даже самые дальние окраины любого латиноамериканского города встретят вас не только бесконечными рядами привычных и пестрых рекламных щитов, но и дождем политических лозунгов и призывов, написанных на заборах и стенах домов. Известно, что латиноамериканцы достигли высокого уровня в монументальном жанре мурализма — настенной живописи. Но настенная политическая публицистика тут играет не меньшую роль. Тут, применяя выражение Маяковского, улица совсем не «безъязыкая» — она все время кричит, разговаривает, спорит.

Настенные надписи отражают все нюансы и перипетии политической борьбы, все перемены в жизни государства и данного города, все яростное соперничество многочисленных партий, фракций и групп. Порой они отзываются на важные международные события, преломляя их под разными, а то и прямо противоположными углами зрения. Они лаконичны и громогласны, категоричны и прямолинейны.

Но такого количества настенных лозунгов и призывов, как на зданиях университета в Ике, я не встречал нигде. Одна надпись покрывала другую, слова, то тщательно выведенные, то бегло намалеванные вкривь и вкось, переплетались между собой. Тут было и «Да здравствует революция!» и «Долой апристов!» (членов

реакционной буржуазной партии АПРА), и инициалы ПКП — Перуанской коммунистической партии, и множество еще каких-то сокращений, смысл которых был нам непонятен. Среди всего этого выделялось выцарапанное большими буквами на штукатурке, привычное для нас слово «Мир», написанное через «и» с точкой. Впрочем, выяснилось, что смысл этого слова был совсем другим, — так сокращенно называлось «Революционное движение левых» («Мовименто Искиердо Революсьонарио») — одна из политических группировок страны.

Не только стены носили на себе следы недавно происходивших тут бурных событий. Хорошая половина окон университетских корпусов была выбита. Казалось, что во дворе и в корпусах шли рукопашные схватки и университет выдержал какую-то осаду.

Так оно и было на самом деле. Совсем недавно здесь в течение нескольких дней не утихали студенческие волнения, о которых позднее рассказали наши друзья.

Страсти разгорелись вокруг личности бывшего ректора. Сторонник буржуазной партии АПРА, богатый горожанин Ики, человек реакционных взглядов, он восстановил против себя студентов, и они потребовали от властей сместить его и заменить руководителем более прогрессивного направления. Городские власти отказались выполнить это требование и пытались подавить «студенческий бунт» с помощью полиции. Тогда студенты забаррикадировались в университете и держали оборону, отбивая все наскоки полицейских. Весь город был взбудоражен, атмосфера с каждым днем накалялась, и возникла опасность того, что волнения распространятся и на рабочих. Правители города вынуждены были пойти на попятный, и прежнего ректора заменили другим, популярным среди студентов человеком. Университет одержал победу, и занятия возобновились.

Окруженные шумной, веселой ватагой студентов, раздавая на ходу автографы, мы поднялись по лестнице в актовЫй зал и на невысоком помосте для президиума, вместе с руководителями университета, уселись в огромные старинные кресла, в каждом из которых

вполне уместились бы двое. Оживленно переговариваясь, студенты рассаживались в зале, но мест явно не хватало, и многие остались стоять вдоль стен и у дверей.

Началось с того, что все встали и хором запели Национальный гимн Перу. Истово и взволнованно, со всем пылом молодой души эти юноши и девушки — будущее перуанского народа — пели главную песню своей родной страны. Так начинаются здесь почти все торжественные собрания, и, я думаю, это хорошая традиция, воспитывающая в людях любовь к родине и чувство гражданственности.

Потом с речами, обращенными к советским гостям, выступили новый ректор и декан одного из факультетов, а я от имени нашей делегации ответил на эти приветствия. Говорил встреченный горячей овацией и, видимо, очень популярный тут Густаво Валькарсель, говоривший один из студентов. После этого Роберта Рождественского попросили почитать свои стихи, тоже вызвавшие шумное одобрение слушателей, и снова поднялся ректор, объявивший... об окончании встречи.

Откровенно говоря, мы были удивлены. Мы ожидали, что состоится разговор со студентами, что мы будем отвечать на их вопросы о Советском Союзе и, со своей стороны, попросим их рассказать о жизни перуанского студенчества. Но как бы то ни было, возражать не приходилось — мы приехали в гости, а в чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят. Провожаемые той же шумной толпой, мы вышли на улицу и, сев в машины, вместе с ректором и профессорами отправились обедать в загородный ресторан на берегу живописного теплого озера, питаемого горячими минеральными источниками.

Так и не удалось выяснить, почему эта встреча со студентами оказалась такой короткой. То ли университетские руководители опасались, что разговор с советскими людьми может снова подогреть революционные страсти, которые лишь недавно улеглись. То ли это произошло потому, что наступил час обеда — священное время, когда неукоснительно прекращается деятельность всех учреждений и предприятий и работают только кафе и рестораны. Но даже и эта недолгая встреча оставила у нас добрую память. Позднее нам

еще несколько раз довелось беседовать со студенческой молодежью в других крупных городах Перу — Пуно и Икитосе.

А через неделю после нашей поездки в Ику в газетах появился новый правительственный закон об университетах. Уже перед самым отъездом из Перу мы узнали, что на основании этого закона ректор в Ике опять смещен. Как реагировали на эту смену студенты, осталось для нас неизвестным.

Конечно, нам, иностранцам, трудно было судить, что нового вносит в жизнь университетов изданный закон. Но во время поездки по стране мы часто встречались с преподавателями и студентами и слышали их суждения и споры.

По их словам, в этом законе есть свои положительные стороны. В Перу, как и в других странах Латинской Америки, существуют разные типы университетов — государственные, частные, католические, и все они по-разному строят программу обучения. Новый закон вносит в это важное дело порядок — он унифицирует обучение. Говорят, что он также упорядочивает университетскую научно-исследовательскую работу и подготовку педагогических кадров. Одновременно он ставит университеты под контроль правительства.

Университетская автономия в странах Латинской Америки — одно из важных демократических завоеваний, достигнутых в долгой и упорной борьбе с реакционными диктатурами. Новый закон ограничивает эту автономию. Он дает правительству смещать и назначать ректоров и деканов и отстранять от преподавания профессоров по мотивам их общественно-политической деятельности, что в то время рассматривалось многими как угроза для прогрессивной части университетской профессуры. Он резко уменьшает представительство студентов в органах самоуправления университетов, поэтому возникло опасение, что он возводит новые препятствия на пути демократизации высшего образования, за которую борется перуанское студенчество. Многие профессора говорили нам, что закон не случайно опубликован в каникулярный период. Они предсказывали, что, как только университеты возобновят работу, новый закон, вероятно, вызовет бурную реакцию студентов.

За последние годы события, происшедшие во многих странах мира, показали, что студенчество все чаще становится запалом революционной борьбы. Горячая, порывисто стремящаяся к действию молодежь остро и болезненно реагирует на уродства и несправедливости жизни и особенно восприимчива к революционным идеям. Но в то же время, лишенная жизненного и политического опыта, неспособная еще спокойно и трезво оценить обстановку, она нередко делается жертвой трескучих архиреволюционных фраз левацких политиканов и, побуждаемая ими, готова очертя голову броситься в явные авантюры, не только неоправданные, а даже дискредитирующие саму революционную идею. Это в еще большей степени относится к студенчеству и молодежи южноамериканских стран, где ко всем обычным качествам молодости прибавляется огненный латинский темперамент. Для коммунистических партий этого континента воспитательная, идеологическая работа с молодежью и студентами становится задачей особой важности.

Я уже говорил, что Куба, бросившая вызов империализму США и ставшая на путь социалистического развития, остается вдохновляющим примером для народов Центральной и Южной Америки, и прежде всего для молодежи. Имя вождя кубинской революции Фиделя Кастро пользуется повсюду большим авторитетом и популярностью. Сейчас очень популярным стало и другое имя — Эрнесто Че Гевара. Трагическая гибель ярким светом озарила жизнь этого человека и в свое время взбудоражила не только Латинскую Америку, но и весь мир.

Тем, кто не знает или забыл историю Эрнесто Гевары, по прозвищу Че, я хочу вкратце напомнить ее. Молодой аргентинский врач стал профессиональным революционером, ближайшим соратником Фиделя. После победы революции он занимал крупные посты в правительстве народной Кубы, вплоть до министра промышленности, и вдруг как-то сразу исчез с политической арены и покинул остров. В ответ на сплетни, пущенные журналистами, на Кубе было официально объявлено, что Эрнесто Че Гевара оставил все занимаемые им должности для того, чтобы непосредственно участвовать в вооруженной революционной борьбе латино-

американских народов за свое освобождение, и находится в одной из стран Южной Америки. Возбужденные сенсацией газетчики строили всевозможные догадки о местопребывании Че, и слухи о его появлении возникали то там, то тут и впоследствии неизменно опровергались.

Но осенью 1967 года власти Боливии заявили, будто они располагают неопровержимыми доказательствами того, что Че Гевара с группой партизан действует в тропических лесах этой страны. Затем последовало сообщение: партизаны разбиты, а сам Че, смертельно раненный, захвачен в плен и умер, причем публиковались фотографии погибшего революционера. Тело его тайно похоронили в тропическом лесу, а среди вещей Гевары, захваченных солдатами, находился личный дневник, который позднее сложными путями был нелегально вывезен из Боливии и напечатан почти на всех языках мира.

В судьбе этого человека есть, пожалуй, нечто роднящее Че с великим земляком его испанских предков — Дон Кихотом Ламанчским, созданным гениальной фантазией Сервантеса. То же самоотверженное благородство цели, то же неукротимое стремление отдать всего себя без остатка делу защиты обиженных и угнетенных.

В судьбе Че Гевары есть и донкихотский трагизм — отпечаток трагического одиночества лег на образ павшего борца-революционера. Популярность этой овеванной романтикой фигуры все растет — его имя часто появляется в надписях на стенах южноамериканских городов, а его портреты мы видели едва ли не в каждом перуанском доме, где нам довелось побывать.

Но в некоторых странах Латинской Америки есть левацкие группы и группки, которые в своих эгоистических, честолюбивых интересах стараются использовать и привлекательность фигуры Че, и искренний революционный пыл молодежи. Закрывая глаза на трагическую поучительность того, что произошло в Боливии, они эксплуатируют имя Гевары, чтобы втянуть молодых людей в показательные, но бесплодные авантюры. В одной из латиноамериканских стран нам рассказали, как руководители такой левацкой группки убедили нескольких юношей с горячими головами сделаться пар-

тизанами. Они ушли в лес и стали заниматься диверсиями на дорогах. Население не оказало им поддержки, и вся затея превратилась в блеф. Когда для наведения порядка туда был послан отряд правительственных войск, «партизаны» разбежались без боя, и «операция» кончилась тюремным заключением для ее участников, а сама идея партизанской революционной войны, вполне верная при определенных условиях, была в этом случае в глазах многих людей надолго опорочена неподготовленностью и явной опрометчивостью всего предприятия.

Среди таких левацких групп — в Перу их, говорят, было около полутора десятков — были и прокитайские, хотя и немногочисленные, но весьма крикливые. Пуская в ход архиреволюционные и авантюристические лозунги, они тоже в своих интересах спекулировали на чувствах молодежи. Кое-где они имели известное влияние, главным образом на студентов.

Во время этой поездки нам пришлось как-то обежать в доме видного художника. Его сын, красивый юноша лет двадцати, был студентом местного университета. За обедом парень хлебнул лишнего и, к нашему смущению отца, опасавшегося обидеть нас, советских гостей, объявил себя убежденным сторонником Мао Цзэ-дуна. Он настойчиво спрашивал, каково наше мнение о событиях в Китае, и, когда мы откровенно сказали то, что думаем, начал яростно спорить с нами.

С пьяной горячностью парень говорил о необходимости немедленных революционных действий. Когда кто-нибудь из присутствующих пробовал возражать ему, он категорически отметал все доводы.

— Мы не боимся умереть, я не боюсь смерти! — восклицал он. — Но так, как живет наш народ, дольше жить нельзя. Лучше умереть, чем терпеть это.

Как ни пьян он был, чувствовалось, что на языке у него те мысли, какие не раз приходили в его трезвую голову, и ему нельзя было отказать в глубокой искренности, в сердечном сочувствии бедам своего народа, в идущем из души стремлении отдать свою молодую энергию, а если придется, то и жизнь борьбе против этих бед. А мы, слушая его, думали о том, как бесконечно важно направить в верное русло этот искренний революционный порыв молодежи, применить ее бур-

ную энергию в каких-то больших конкретных делах, соответствующих ее романтическим устремлениям, вооружить этих юношей и девушек знанием законов социальной борьбы, чтобы их силы не расплескивались попусту под влиянием политических спекулянтов, а деятельно и действенно служили борьбе за права и счастье своих народов, за будущее своего континента.

Нет, молодежи мало сказать: «Голосуйте за наших кандидатов». Ей надо дать дело, крупное и значительное, отвечающее ее мечте о подвиге во имя блага людей, дающее пищу ее беспокойному уму и пылкому сердцу. Она жадно и нетерпеливо ищет его и потому порой дает себя увлечь на дела, которые за внешне заманчивой, благородной внешностью таят совсем иные цели.

Мне вспоминается одна встреча в самолете осенью 1967 года. Мы были тогда в Колумбии и возвращались в ее столицу Боготу из поездки в дальнюю область тропических лесов, на Амазонку. Среди пассажиров оказался молодой североамериканец, парень лет двадцати пяти, долговязый и нескладный, с рыжими волосами и некрасивым веснушчатым лицом. Узнав, что здесь советские люди, он очень заинтересовался и разговорился с нами.

Родом, кажется, из Чикаго, где у него жили родители и невеста, парень был членом Корпуса Мира, созданного в Соединенных Штатах под флагом помощи слаборазвитым странам. Лет пять назад он окончил краткосрочные курсы, где преподавались начатки агрономии и некоторые другие прикладные науки, и был послан в Бразилию. Он поселился в глухой индейской деревне, где-то на берегах Амазонки, в чаще тропической сельвы, и прожил там все эти годы. Он изучил язык индейцев, он жил и питался вместе с ними, спал, как и они, в подвесном гамаке, из-за обилия змей и ядовитых насекомых, и все это время учил крестьян более совершенным методам земледелия и занимался образованием их детей. За пять лет он ни разу не побывал дома и только теперь, когда окончился срок его длительной командировки, распрощался со своими подопечными, приплыл на пароходе по Амазонке в колумбийский город Летисию и отсюда через Боготу летел на родину, где, по его словам, в банке уже нако-

пилаась круглая сумма денег, причитающаяся ему за пятилетнюю работу в далекой бразильской деревне.

Мы знаем, что конечной целью Корпуса Мира является расширение и укрепление влияния США в слаборазвитых странах, дальнейшее проникновение в экономику этих государств капиталов североамериканских монополий. Мы не раз читали в газетах о том, что Корпус Мира используется как ширма для чисто империалистических замыслов, для военного и экономического шпионажа и разведки. Но это вовсе не значит, что все члены Корпуса — шпионы и агенты Центрального разведывательного управления США. Тысячи молодых американцев, честных и бескорыстных, не задумываясь о скрытых целях этой организации, самоотверженно отдаются просветительской, миссионерской работе в тропической сельве Южной Америки, в джунглях Африки, на островах Индийского или Тихого океанов. Создатели Корпуса умело сыграли на романтических струнах души молодого человека, на обуревающих его жажде подвига и желании приносить благо людям. Признаюсь, я с невольным уважением смотрел на этого рыжего долговязого парня из Чикаго, как на человека, совершившего своего рода подвиг, и понимал, с каким чувством внутреннего удовлетворения (вызванного не только ожидающими его в банке деньгами) возвращается он домой.

И еще я думал о том, что наступит время, когда молодежь Латинской Америки сама возьмет в свои руки важную и благородную миссию просвещения народов своих стран. А впоследствии мне и моим товарищам довелось встречаться и в Лиме и в Москве с генеральным секретарем Перуанской коммунистической партии Хорхе дель Прадо, и он много говорил о молодежи и о том, что работа с ней — одна из самых главных задач коммунистов Перу.

ДОРОГОЙ БОРЬБЫ

Нет на земле коммунистической партии, о которой можно было бы сказать, что история ее создания и развития оказалась мирной и гладкой. Тюрьмы и ссылки, террор и убийства, репрессии, столкновения с войсками и полицией, вечная слезка и труднейшая подпольная работа — все это, как родовые муки, всегда сопутствовало рождению и становлению коммунистической партии в каждой стране. Все это тем более характерно для латиноамериканских государств с их сменяющимися друг друга военно-диктаторскими реакционными режимами и с яростным накалом политической борьбы. История коммунистического движения на этом поистине кипящем континенте полна крови и жертв, а видные деятели латиноамериканских компартий всегда имеют за плечами долгие годы тюремного заключения, ссылок и концлагерей.

Если вы случайно в какой-нибудь компании встретите Хорхе дель Прадо, вам, наверно, никогда не при-

дет в голову, что этот человек — испытанный боевой революционер-коммунист, прошедший в тюрьмах и концлагерях почти четырнадцать лет и уже не один год занимающий пост генерального секретаря Перуанской коммунистической партии. Небольшого роста, даже, пожалуй, миниатюрный, но очень пропорционально сложенный, с коротко остриженными и уже редкими седыми волосами на почти правильно круглой голове, со спокойными, мягкими движениями и неторопливой речью, он обращает на себя внимание только пристальным взглядом своих серо-голубых глаз, умных, добрых и всегда немного грустных. Сначала он производит впечатление человека тихого, застенчивого, чуть ли не робкого, и лишь когда разговоришься с ним, за этой обманчивой внешностью проступает личность крупного общественного деятеля с большим многолетним опытом, прошедшего тяжелую и долгую жизненную школу, искушенного во всех сложных переплетениях социально-политической обстановки в стране, знающего свой народ, стремления и чаяния трудящегося перуанца — будь он рабочим завода в Лиме, шахтером из Ики или крестьянином-индейцем из дальней деревушки в Кордильерах. Нам довелось встречаться с Хорхе дель Прадо и в Лиме, и позднее, в дни Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, и услышать из его уст подробный и неторопливый рассказ о том, как родилась и развивалась Перуанская компартия и как он сам, нынешний генсек, прошел вместе со своей партией весь нелегкий путь, начиная с момента ее возникновения.

Я уже говорил, что рождение Перуанской коммунистической партии связано с именем Хосе Карлоса Мариатеги — первого в стране крупного и последовательного марксиста. «Человек с хилым, болезненным телом, разительным контрастом к которому были мощная голова, сильный проникновенный взгляд и доброе, постоянно освещенное веселой улыбкой лицо» — так описал Мариатеги его друг и товарищ по борьбе профессор Уго Пеше. Метис, выходец из нищих рабочих трущоб Лимы, Мариатеги еще в детстве и юности обнаружил блестящие способности и великое трудолюбие. Он сам пробил себе дорогу в университет, тогда

почти недостижимый для детей бедняков, он настойчиво и широко занимался самообразованием и уже в четырнадцать лет стал журналистом, вскоре обратившим на себя внимание читающей публики.

В университете он встретился и на первых порах подружился с другим молодым человеком выдающихся способностей — Айя де ла Торре. Юноша из богатой семьи, широкообразованный, талантливый оратор, Айя де ла Торре исповедовал революционные антиимпериалистические взгляды и был руководителем университетской ассоциации студентов.

Только что окончилась первая мировая война, наступили тяжелые годы экономического кризиса, нищеты и безработицы. Несмотря на дальность расстояния, долетал сюда, в Перу, освежающий ветер Октябрьской революции в России. Правда, вести оттуда доходили порой в искаженном виде, и в то время многие считали нашу революцию торжеством идей анархизма, тем более что анархисты были внушительной силой в странах Латинской Америки. Именно под их руководством перуанский пролетариат, и прежде всего рабочие Лимы и Кальяо, в 1919 году начинает борьбу за восьмичасовой рабочий день.

Одновременно разворачивается и борьба студентов, добывающихся от правительства университетской автономии и самоуправления. Только недавно этого добились студенты аргентинского города Кордовы, и проведенная там реформа университетской жизни становится примером для всего латиноамериканского студенчества.

Хосе Карлос Мариатеги и Айя де ла Торре, возглавившие движение студентов Лимы, верно оценили обстановку и поняли, что гарантией успеха будет создание единого фронта борьбы. Этого удалось достигнуть, и, хотя студенты и рабочие выступали со своими определенными требованиями, их совместная борьба приобрела широкий размах и революционный политический характер. Единство принесло победу. Правительство вынуждено было пойти на уступки: рабочие получили восьмичасовой рабочий день, а студенты — университетскую автономию.

Мариатеги тогда издавал популярную газету «Ла-

расон» («Разум»). Он даже сделал попытку создать новую партию, но вскоре отказался от этой мысли, почувствовав, что его идеям еще недостает ясности и последовательности. Он понял, что должен глубже познакомиться с теорией и практикой революционного движения рабочего класса, разобраться в содержании и смысле Октябрьской революции в России. С этой целью в начале двадцатых годов он уехал в Европу.

Живя во Франции, в Германии, а потом в Италии, он изучает марксизм, знакомится с трудами Ленина, встречается с выдающимися революционерами. Дольше всего он прожил в Италии, где близко подружился с Антонио Грамши. Как раз в это время в Итальянской социалистической партии произошел раскол, и Мариатеги твердо стал на сторону Грамши и его единомышленников, создавших в стране партию коммунистов. Мариатеги готовился ехать в Россию, но обострилась его болезнь — костный туберкулез, и врачи запретили поездку. В 1923 году он вернулся в Перу, вернулся последовательным и стойким марксистом и коммунистом.

Его бывший соратник Айя де ла Торре оказался в Мексике — правительство выслало его из Перу после недавних волнений, которыми он руководил. Студенты Лимы выбирают Мариатеги ректором народного университета, и он, пользуясь своим положением, старается связать студенческое движение с борьбой рабочих и придать ему классовый характер. Он выступает в университете с лекциями «Мировой кризис и роль рабочего класса», одна из которых была посвящена Октябрьской революции в России. Он ставит перед собой задачу организовать в стране конфедерацию профсоюзов рабочих и рабочую партию. Подготовить это должен был журнал «Амауте», созданный тогда Мариатеги и сыгравший важную роль в пропаганде марксистских идей в Перу.

Между тем Айя де ла Торре, находясь в Мексике, объявляет о создании так называемого «Американского народно-революционного союза» (АПРА). Под влиянием революционных событий, происходивших в те годы в Мексике, он обещал придать новой организации антиимпериалистический характер, но АПРА родилась как надклассовый, преимущественно мелкобуржуаз-

ный союз. И это сразу же заметил и подверг критике Мариатеги. Дороги двух бывших соратников с тех пор расходятся, и они становятся политическими противниками. Печатаемая на страницах «Амауте» антиимпериалистические документы АПРА, Мариатеги одновременно с марксистских позиций критикует идеи Айя де ла Торре.

Он одобряет антиимпериализм как базу для широкого народного движения, для создания единого фронта разных классов перуанского общества. Но внутри этого фронта каждый класс должен вести свою политику, и возглавить все движение по праву предостит самому эксплуатируемому и самому однородному по составу рабочему классу в союзе с крестьянством.

1928 год стал для Мариатеги годом важных свершений. Выходит из печати его, ставшая широко известной, книга «Семь очерков истолкования перуанской действительности», в которой дан глубокий марксистский анализ экономических и социальных особенностей развития Перу.

Эта книга — первое в Латинской Америке серьезное исследование, проведенное с позиций марксизма-ленинизма. Вместе с тем, блестяще написанная, она доныне остается одним из лучших образцов перуанской литературы, ее художественной и страстной публицистики. Глубоко анализируя экономику Перу того времени, расстановку классовых сил, важнейшую для страны «индейскую проблему», уделяя большое внимание вопросам идеологии, в частности перуанской литературе, Мариатеги намечает пути дальнейшего развития своей родины и утверждает неизбежность победы социализма. «Я открыто и всеми силами стремлюсь способствовать созданию социализма в Перу», — пишет он. «На нашем знамени начертано лишь одно простое и великое слово — социализм».

Он с восторгом пишет о Великой Октябрьской революции, как о поворотном пункте всей мировой истории. «Русская революция, — заявляет он, — представляет, нравится это реформистам или нет, наиболее выдающееся событие современного социализма. Именно в этом событии, исторические последствия которого пока еще невозможно предсказать, следует искать новый

этап марксизма». В другом месте он прямо говорит: «Капиталистический строй вынужден пойти на мирное сосуществование с коммунистическим строем. Советы признаны как законная форма правления. Все говорит за то, что мир идет к социализму».

Но, провозглашая универсальность марксизма и неизбежность победы социализма в Перу, Мариатеги, как истинно творческий марксист, отнюдь не призывает к слепому копированию социалистического строительства в Советском Союзе. «Социализм в Перу,— пишет он,— должен быть не калькой, не копией, а «героическим творчеством». Он стремится применять принципы марксизма с учетом всех особенностей и условий обстановки Перу.

Можно лишь поражаться тому, как много успел сделать Хосе Карлос Мариатеги за свою недолгую 35-летнюю жизнь, осложненную вдобавок тяжелой болезнью. И главное заключалось в том, что, будучи самым крупным латиноамериканским теоретиком марксизма своего времени, он сочетал с глубоким знанием теории великую энергию и незаурядные организационные способности практика-революционера. С полным правом он сказал сам о себе: «Мое мышление и моя жизнь — это единое целое, единый процесс». Пропагандируя марксизм в Перу и творчески применяя его к перуанской действительности, Мариатеги становится выдающимся организатором борьбы рабочего класса своей страны.

В том же 1928 году, когда вышли в свет «Семь очерков истолкования перуанской действительности», Мариатеги организовал Всеобщую конфедерацию трудящихся Перу и основал партию рабочего класса. Хотя по тактическим соображениям эта партия тогда называлась социалистической, она сразу же приняла программу III Интернационала и в дальнейшем стала именоваться коммунистической. Когда в следующем, 1929 году в Буэнос-Айресе проходила Конференция коммунистических и рабочих партий Латинской Америки, перуанские коммунисты выступили на ней с двумя докладами — об антиимпериализме и о национальном вопросе. Мариатеги усиленно готовил партию к первому съезду, но его ранняя смерть в 1930 году помешала этому. В руководстве партии надолго взяло

верх ренегатское крыло, и прошло много лет, прежде чем съезд состоялся.

Хорхе дель Прадо, нынешний генеральный секретарь, вступил в партию еще при жизни Мариатеги, в 1929 году. Путь, который привел его в ряды коммунистов, был далеко не гладким.

Он родился на юге страны, во втором по величине городе Перу — Арекипе, в семье адвоката, который занялся политикой и в годы диктатуры был сенатором, а потом префектом в Лиме и Арекипе. Отец исповедовал либеральные и антиклерикальные взгляды, но к концу жизни все больше становился консерватором, а мать, наоборот, сначала была ревностной католичкой, но мало-помалу левела, пока наконец не разделила коммунистические убеждения своего сына.

На всю жизнь сохранил Хорхе дель Прадо одно воспоминание детских лет. Ему шел восьмой год, и он учился в школе первой ступени. На каникулы мальчика увозили в деревню, в район сьерры. Там однажды солнечным теплым утром он стал свидетелем тяжелой сцены. Неподдалеку от дома, где он жил, остановился и лег на дорогу осел, нагруженный какой-то поклажей. Погонщиком осла был мальчик, почти ровесник Хорхе, и он безуспешно пытался поднять упрямое животное. В это время подбежал хозяин осла и мальчика, один из местных помещиков, с кнутом в руках. Он принялся зверски стегать и погонщика и животное, и трудно было сказать, кому больше достается ударов. Видно, мальчик привык к побоям — он даже не плакал, а только съеживался и вздрагивал под кнутом и все старался поднять осла. А другой, хорошо одетый и сытый мальчик, с испугом наблюдавший все это, вдруг на момент представил себя на месте маленького погонщика и тут же с невольным облегчением подумал, что на него, сына уважаемого «сеньора сенатора», никто не посмеет поднять руку. И еще не протест, а детское недоумение перед непонятным неравенством и первое смутное ощущение несправедливости этого возникли тогда у него.

Отец Хорхе умер сравнительно рано, оставив небольшое наследство, которое быстро промотал старший брат, связавшийся с богемой. Денег, чтобы продолжить учебу, не было, поступить на работу тоже оказалось

невозможным — подошли годы кризиса. И Хорхе дель Прадо идет добровольцем в армию.

В военной школе дисциплина была палочной в буквальном смысле этого слова — солдат били палками. Но идеи протеста и борьбы уже проникли в военную среду — в школе оказалась группа молодежи анархистского толка, и Хорхе дель Прадо примкнул к ней. Они много читали, и там в руки Хорхе попал перевод книги В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Это первое знакомство с трудами вождя русской революции хотя еще не повернуло его с анархистских позиций на новый путь, но оставило глубокий след в памяти.

Потом он решил бросить военную школу и приехал в отцовский дом в Арекипу, где жила мать. Там он вскоре присоединился к группе художников, работающих в этом городе, — у него всегда были способности к живописи, и он одно время думал о том, чтобы посвятить себя искусству.

Группа эта испытывала сильное влияние мексиканских художников-муралистов (муро — по-испански стена), создававших большие настенные панно социального содержания. Вместе со своими новыми товарищами Хорхе тоже писал такие панно на деревянных щитах, которые потом сами живописцы носили по городу. Это тоже была форма протеста, борьбы за права народа.

В отцовском доме от всего имущества осталась только богатая библиотека, и молодой дель Прадо, посвящавший свободное время чтению, нашел там книги Ленина. Тогда же он стал читать журнал «Амауте», издававшийся Мариатеги. Мало-помалу идеи марксизма все больше овладевали им, и под его влиянием творчество художников Арекипы стало приобретать открыто революционный характер.

Однажды, когда они несли по улицам свое очередное панно, полиция задержала их и доставила к префекту. Тот обошелся с задержанными грубо, и Хорхе дель Прадо, не стерпев, ответил ему резко и получил за это месяц тюремного заключения. Так начался его путь борца-революционера.

На страницах «Амауте» между тем разворачивалась полемика между Мариатеги и Айя де ла Торре. В этом

споре — о том, что нужно создавать, партию рабочего класса или надклассовый союз,— Хорхе и его товарищи без колебаний стали на сторону Мариатеги. В 1929 году они вступили в партию, организованную им, и сформировали Арекипский областной комитет.

По поручению товарищей Хорхе дель Прадо выехал в Лиму. Мариатеги быстро оценил способности и энергию этого человека и ввел его в организационный комитет партии. Так как Хорхе был самым молодым, ему поручили комсомол — он стал как бы первым генеральным секретарем перуанской комсомольской организации.

Но засиживаться в Лиме не приходилось. Наступали тяжелые годы мирового экономического кризиса, и в Перу, как и повсюду, развертывалась борьба рабочих за свои права. Началась большая забастовка на медных, свинцовых и цинковых шахтах в Морокоче, и Мариатеги посылает дель Прадо туда в качестве представителя партии. Под его руководством там, в Морокоче и в окрестной зоне, возникают десять профсоюзных синдикатов, положивших начало созданию Федерации профсоюзов рабочих горной промышленности Перу.

В разгаре этой борьбы умер Мариатеги. А через несколько месяцев, в августе 1930 года, пало правительство Легиа, и к власти пришла военно-гражданская хунта. Начались жестокие репрессии. В Морокоче рабочие ответили на них самой большой в стране всеобщей забастовкой. Тогда полиция арестовала ее руководителей, в том числе и Хорхе дель Прадо. Рабочие повторили стачку, которая на этот раз переросла в восстание,— забастовщики заняли казармы полиции и захватили администрацию, предложив правительству обменять захваченных ими чиновников на руководителей забастовки. Волнения грозили распространиться на всю страну, и даже послы Англии и США оказали давление на правительство. Хорхе дель Прадо и его товарищей освободили. Однако, когда колонна рабочих вышла встречать освобожденных, против нее выслали войска, открывшие огонь. Произошли кровавые столкновения, правящая хунта распустила профсоюзы и объявила осадное положение. Получить поддержку от крестьян тогда не удалось, движение оказалось изоли-

рованным и было подавлено. Хорхе дель Прадо и другие руководители рабочих снова очутились в тюрьме и подверглись мучительным пыткам в полицейских застенках. Двое товарищей умерли, а дель Прадо заболел острой формой ревматизма, и только молодость и природное здоровье помогли ему выжить.

Но его еще ждали тяжкие испытания. С группой коммунистов Хорхе дель Прадо отправили в концлагерь в глубине сельвы в провинции, которая словно для пущего издевательства называлась «Матерь божья». Там, в страшных климатических условиях тропического леса, он провел почти два года. Хотя считалось, что побег оттуда невозможен, все же в 1932 году тринадцать заключенных, среди которых был и он, бежали из этого гиблого места.

Четыре месяца они пробирались через лесной океан сельвы, терпя голод, с трудом спасаясь от диких зверей и ядовитых змей и насекомых, которыми кишат непроходимые тропические заросли. Трое беглецов погибли в дороге, другие заболели, но в конце концов оставшиеся в живых пересекли боливийскую границу, пробрались оттуда в Бразилию и дальним круглым путем нелегально вернулись в Лиму. Наступили трудные годы подпольной работы, осложнявшиеся еще и тем, что у руководства партией стояла ренегатская группа Равинеса. Партия была плохо организована, не проводилось ни съездов, ни выборов, и многое оказалось утерянным из наследства Мариатеги. У Хорхе дель Прадо нередко возникали разногласия с Равинесом, и в 1935 году он уезжает на работу в Куско — секретарем областного комитета партии. В 1937 году, когда он сформировал там группу добровольцев для участия в антифашистской гражданской войне в Испании, стоявшая у власти военная хунта Бенавидеса снова бросила его в тюрьму. На этот раз он вышел на свободу только через пять лет — в 1942 году, в разгар второй мировой войны. И сразу же по выходе вступил в борьбу с группой Равинеса.

Ключевым вопросом была помощь Советскому Союзу в его неравной борьбе с германским фашизмом. Равинес и его сторонники выступали против такой помощи, опасаясь правительственных репрессий. Они пытались изобразить борьбу советского народа лишь

его внутренним делом и практически шли на сближение с буржуазным правительством. Это вызвало возмущение в массах коммунистов, хорошо понимавших международное значение Великой Отечественной войны и требовавших начать широкую кампанию в стране, звать народ на моральную и материальную поддержку СССР. Оставшись в явном меньшинстве, Равинес и его группа вышли из партии.

Только теперь, в марте 1942 года, спустя двенадцать лет после смерти Мариатеги, был созван в свое время подготовленный им первый съезд Перуанской компартии. Он проходил в Лиме в полулегальной обстановке, и, хотя программа и устав, принятые на его заседаниях, были еще несовершенными, все же демократическим путем удалось выбрать Центральный Комитет и определить будущую политическую линию. Генеральным секретарем был избран выходец из рабочих Хорхе Акоста, а Хорхе дель Прадо занял пост секретаря по организационным вопросам. С этого времени началась новая полоса в работе Перуанской коммунистической партии.

Ее второй съезд проходил в 1946 году, уже легально, при находившемся тогда у власти либеральном правительстве. Зато третий съезд пришлось проводить в подполье — в стране господствовала совершившая переворот военная хунта Одриа, и компартия снова была запрещена. Так же нелегально заседал и четвертый съезд в 1962 году. А потом наступил период особенно тяжелых репрессий, и собрать съезд не удавалось вплоть до последнего времени.

Все эти годы Хорхе дель Прадо, как и многие его товарищи по руководству партией, оказывался то в тюрьме, то в изгнании, то в лесных концлагерях, то работал в глубоком подполье. В 1966 году на пленуме ЦК его избрали генеральным секретарем Перуанской компартии, а в 1969 году пятый съезд партии, собравшийся в Лиме уже вполне легально после прихода к власти правительства генерала Веласко Альварадо, подтвердил это избрание.

Компартия не сразу определила свое отношение к новому военному правительству страны. Первое время прошло в настороженном ожидании — подобные перевороты раньше всегда сопровождались усилением ре-

прессий против прогрессивных сил, и прежде всего против коммунистов. Но как только стало ясно, что правительство генерала Веласко Альварадо вступает на путь борьбы против североамериканских монополий, на путь утверждения национальной экономики и суверенной независимой политики, компартия заявила о своей поддержке решительных шагов правительства в этом направлении. Можно было предвидеть: если новое правительство будет руководствоваться истинными интересами народа и страны, оно неизбежно придет к осуществлению необходимых реформ, которые записаны в программе-минимум Перуанской коммунистической партии и за выполнение которых боролись коммунисты Перу даже в самые тяжелые для партии годы. Такие надежды уже оправдываются: и национализация имущества «Интернейшнл петролеум компани», и закрепление за национальной экономикой важного производства рыбной муки (Перу — первый в мире ее производитель), и аграрная реформа в деревне, и контроль над ценами на предметы первой необходимости, и восстановление социального страхования рабочих, и возвращение к бесплатному обучению в школах — все эти меры, проводимые в жизнь правительством Веласко Альварадо, диктуются развитием экономики страны, и о настоятельности их всегда твердила компартия.

Растет влияние, укрепляется роль и значение Перуанской коммунистической партии. Но хотя партия вышла из подполья и работает легально, борьба продолжается, упорная и непрестанная. Борьба против империализма и реакции, настойчиво отстаивающих свои позиции, борьба против антикоммунистических сил, борьба внутри левого движения — и с ревизионистами, и с теми, кто архиреволуционными фразами пытается увлечь людей на путь беспочвенных авантур. И по-прежнему, как и во времена Мариатеги, одним из главных противников коммунистов Перу остается та же АПРА.

С тех пор борьба эта еще больше обострилась, потому что, созданная когда-то на антиимпериалистической основе, АПРА с годами превратилась в партию реакционной буржуазии и в последовательного защитника североамериканского влияния. Ее неизбежно при-

вела к этому созданная в сороковые годы Айя де ла Торре и его сторонниками надклассовая теория исторического пространства. Согласно этой теории, мир делится не на классы, а на континенты, и в приложении к Западному полушарию это означает, что экономика Латинской Америки должна дополнять экономику США и что события, происходящие в Европе, не могут служить примером для Американского континента. Вполне понятно, что такие принципы приходится по душе боссам из Нью-Йорка и Вашингтона и расчищают путь для проникновения североамериканского капитала в страны Латинской Америки.

Айя де ла Торре, бывший соратник, а потом политический противник Хосе Карлоса Мариатеги, еще жив. Ему сейчас около 75 лет, живет он большей частью вне страны и остается для апристов импозантным и безгрешным «каудильо» — вождем с почти абсолютной властью в партии. Все ошибки в политике АПРА всегда приписываются среднему звену апристского руководства, и на авторитет де ла Торре никто не отваживался посягнуть. АПРА пользовалась большим влиянием в стране и уже несколько раз была у власти, получая министерские портфели в реакционных правительствах. Она участвовала и в прошлом правительстве Белаунде. Сейчас силы АПРА в стране явно уменьшаются, но она еще имеет много сторонников. А если учесть, что особенно настойчиво АПРА занимается идеологией пролетариата и старается сформировать у рабочих особое «апристское» состояние ума, то разоблачение этой идеологии и борьба против нее становится важной задачей коммунистов.

Есть и немало чисто внутренних трудностей в работе Компартии Перу, свойственных, впрочем, и коммунистическим партиям некоторых других стран Южноамериканского континента. Не изжита еще до конца болезнь сектантства, и на местах порой узость мышления иных руководителей мешает расширению и укреплению влияния партии, что особенно сказывается на работе среди интеллигенции. Да и просто не хватает во многих партийных организациях людей хорошо образованных, с широким кругозором, с ясным последовательным мировоззрением, могущих и поспорить «на равных» с каким-нибудь университетским профессио-

ром или видным адвокатом, и разъяснить интеллигенции с подлинно марксистской глубиной особенности политико-экономического развития страны и позицию партии в сложных вопросах современной перуанской жизни. Многие еще предстоит сделать в области идеологического воспитания молодежи. Слабым местом остается работа партии среди военных.

Это, последнее, особенно важно сейчас, когда армия играет главную роль в руководстве жизнью страны. Армейское офицерство показало, что в его среде немало людей, хорошо понимающих интересы народа и готовых бороться за них. Поддержка, какую оказали трудящиеся Перу этой передовой, прогрессивной части своей армии, говорит о многом. И работа в армии — это немаловажная задача Перуанской компартии, о которой говорил нам ее генеральный секретарь Хорхе дель Прадо.

И еще одна, на мой взгляд, серьезная проблема. Слово «интеграция» — модное в наши дни: его по самым разным поводам повторяют на всех континентах. Но для Латинской Америки слово это имеет смысл особый и многозначительный.

Мы, коммунисты, верим в будущую социалистическую интеграцию всех народов земли, в мировой интернационал всех стран земного шара. Это, по нашему мнению, более или менее дальняя, но неизбежная перспектива развития человечества. Но если обратиться к континентам и обзреть их с этой точки зрения, слово «интеграция» прежде всего невольно свяжется именно с Латинской Америкой.

Как разительно она отличается от всех частей Старого Света! Возьмите Азию, Африку, Европу — какая чересполосица языков, какая пестрая смесь разных народов с различной культурой, с такой непохожей историей! А теперь обратитесь к Латинской Америке. Во всех ее государствах господствует один и тот же язык — испанский. Только Бразилия говорит на португальском, но португалец и испанец понимают друг друга, как русский и поляк, русский и болгарин. Уже четыре с лишним века, с момента испанского завоевания, история народов, населяющих эти страны, схожа во многих своих чертах. Даже революции, освободившие их от господства Испании, происходили на сравнитель-

но коротком историческом промежутке — в девятнадцатом веке. А сейчас все они — кто в большей, кто в меньшей степени — испытывают на себе экономическую экспансию и политическое давление США.

Конечно, у них немало и различий, и притом весьма существенных. Но все же общность языка и исторических судеб — это уже такой потенциальный мост для будущей интеграции, какого нет ни на одном другом континенте.

Однако интеграция — слово, в которое можно вложить разное содержание. Оно в ходу и у империалистов США, и у их сторонников в латиноамериканских странах. Оно, по существу, лежит и в основе теории исторического пространства, созданной руководителями АПРА. Их интеграция на практике означает включение стран Центральной и Южной Америки в экономическую орбиту США, объединение вокруг североамериканского капитала. Такая интеграция — союз всадника и лошади, она направлена против интересов народов Латинской Америки и не может встретить их поддержки.

Да и возможна ли вообще интеграция на путях капитализма, с его борьбой за рынки сбыта, с бешеной конкуренцией между монополиями, с анархией в экономике? История Латинской Америки показывает, что капитализм скорее способствует разобщению между странами, особенно при постоянном вмешательстве в их дела мощного и бесцеремонного северного соседа.

Наоборот, сближение их происходит в общей борьбе против североамериканской экономической агрессии и политического диктата. По мере того как вслед за Перу и другие страны встают на путь ограждения своей хозяйственной независимости и политического суверенитета, они все чаще прибегают к совместным консультациям, совещаниям, к сотрудничеству в общем деле сопротивления натиску империализма США.

Конечно, отсюда до интеграции еще дистанция огромного размера. Подлинная интеграция латиноамериканских стран станет возможной и закономерной лишь на социалистическом пути. И хотя пока только одна из них — Куба — вступила на этот путь, мы верим, что рано или поздно такую дорогу изберут себе и другие государства «кипящего континента». А тогда с особой

силой скажется присущая его странам общность языка и исторических судеб, и естественные для социализма тенденции к сближению, единству народов неизбежно приведут здесь к торжеству идеи интеграции, которая со времен Боливара прочно живет в умах и сердцах многих латиноамериканцев.

Пусть это цель далекая, лежащая где-то за горизонтом современной истории Латинской Америки. Силы социализма, который единственно способен в будущем осуществить эту заветную цель, вероятно, и в своей нынешней деятельности обязаны учитывать ее как историческую перспективу. Идея объединения латиноамериканских народов в одно монолитное целое должна быть начертана на знамени тех, кто борется за истинное счастье трудящихся масс, за новый широкий и справедливый путь их развития. Идея социалистической интеграции.

ЗЕМЛЯКИ

Встретить за морями, за океанами, за тридевять земель от родины своих соотечественников всегда интересно. Но нашего посольства в Лиме еще не существовало, и мы вовсе не рассчитывали на такие встречи. Тем не менее они начались с первых же минут, едва мы сошли по самолетному трапу на поле лимского аэродрома.

В толпе, сразу окружившей нас, оказалось несколько молодых перуанцев, довольно хорошо, хотя и с акцентом, говоривших по-русски. Недавние студенты Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, они закончили свое образование в Москве и инженерами — химиками, строителями, механиками — вернулись работать к себе на родину. Каждый из них за годы учебы оставил частицу своего сердца в нашей далекой и гостеприимной столице. Эти молодые люди не отходили от нас, торопливо переводили другим каждую сказанную нами фразу и с некоторой горделивостью поглядывали на остальных встречающих, как бы

подчеркивая свое право на особую близость к советским гостям.

Вместе с ними пришли и их жены, молодые женщины, которые смотрели на нас влажными от волнения глазами, как смотрят на близких родственников после долгой разлуки. И говорили они на чистом русском языке, безо всякого акцента, потому что были, как и мы, коренными жителями Москвы.

Любая из них могла рассказать о себе одну и ту же историю. Выросла и училась в Москве, встретила в студенческой аудитории, в клубе на танцах или где-нибудь на концерте молодого перуанца, полюбила, вышла за него замуж и, когда он окончил курс обучения, вместе с ним, а то еще и с недавно родившимся ребенком, уехала в это далекое сказочное Перу. А теперь, хотя прошло так немного времени — всего год или два, — такой же далекой и гораздо более сказочной кажется отсюда своя земля и родная Москва.

Мне известны жемчужины народной мудрости — поговорки вроде: «любовь не картошка...», «с милым рай и в шалаше» и т. д. и т. п. Я далек от того, чтобы хоть в малой мере поднять голос против великого и победительного чувства любви, и считаю прежний закон, запрещавший браки советских граждан с иностранцами, глубоко ошибочным. И все же мне очень хочется предостеречь наших милых девушек от поспешного решения своей судьбы, когда ее предстоит на всю жизнь связать пусть даже с самым очаровательным и благородным парнем из чужой страны и надо вместе с мужем или вслед за ним навсегда ехать туда, на чужбину. Я говорю это потому, что во время моих поездок по Латинской Америке и по странам других континентов слишком часто встречал моих соотечественниц, которые стали глубоко несчастными женщинами и проклинали тот день и час, когда они решились покинуть родину.

Я помню горько плакавшую москвичку, которая пришла на одно из наших выступлений в Эквадоре. Она плакала в зале, когда мы рассказывали эквадорцам о нашей стране, плакала навзрыд, слушая стихи Роберта Рождественского. Она заливалась слезами, когда прощалась с нами, однообразно повторяя сквозь рыдания: «Какая я дура! Какая я дура!» И у меня в

памяти так и осталось ее зареванное лицо. Я помню умную и, видимо, не слабую характером молодую женщину, которая два часа сидела у нас в гостинице в Колумбии, с горечью и гневом рассказывая о том, как она прожила этот, первый для нее, год в чужой стране. Ни она, ни ее супруг не могли найти работу и вместе с маленьким ребенком жили на содержании родителей мужа. Ей приходилось, бывая в обществе, слышать до нелепости дикие сплетни о жизни в Советском Союзе, и, когда она с жаром начинала опровергать их, встречала недоверчивые усмешки или вежливо-холодное молчание. Это был для нее год разочарований, оскорблений и унижений, и она не видела никаких перспектив впереди. Она по-прежнему любила мужа, но невыносимость этой жизни уже оказалась сильнее ее любви.

— Я уеду, я все равно уеду и увезу ребенка,— с мрачной решимостью повторяла она.

Однако чтобы уехать назад, в Союз, нужны большие деньги — дорога стоит очень недешево,— а откуда их было взять, если вот уже год она с ребенком кормилась милостью свекра, человека вовсе не состоятельного? И она чувствовала себя в страшном, безвыходном тупике, где, казалось, гасли все надежды.

Я не видел среди этих женщин ни одной благополучной, ни одной, которая была бы довольна своей новой жизнью. На одной из наших встреч в Эквадоре мы разговорились с группой таких бывших москвичек и спросили: как они здесь обеспечены материально? Все в один голос ответили: «Плохо», и оказалось, что у многих мужья до сих пор ходят безработными, или вынуждены работать не по специальности, чтобы хоть как-то прокормить семью; что приходится считать и экономить каждый грош и то и дело выкручиваться из нужды. Сами же они, в большинстве своем женщины с университетским образованием, не могли даже мечтать о работе.

— Вот ей повезло,— показали они на одну из своих подруг,— она устроилась на работу, ей все же легче.

Мы начали расспрашивать «счастливицу». Она окончила в Москве университет и последнее время была на руководящей комсомольской работе. Но сердце девичье мягко даже у комсомольских руководителей,—

она влюбилась и уехала с мужем. Когда мы спросили, кем ей удалось устроиться здесь, она ответила:

— Продавщицей в магазине.

И улыбнулась какой-то жалкой, виноватой улыбкой.

Но дело даже не в материальном достатке. Предположим, что молодая женщина попала в хорошо обеспеченную семью или повезло ее мужу и он устроился на выгодную работу, хоть это и бывает крайне редко. При всем этом она не сможет чувствовать себя счастливой, если только ее не воспитали в семье тупой, ограниченной мещанкой.

В Италии около Генуи я как-то встретил молодую землячку, которую знал еще в Москве, когда она была студенткой Историко-архивного института. Она вышла замуж за итальянца, учившегося у нас,— прекрасного парня, красивого, умного, способного, глубоко идейного коммуниста. И в Италии ей, казалось, повезло — муж получил прилично оплачиваемую работу, в доме был достаток, и жили они в одном из самых живописных городков-курортов на Генуэзской Ривьере, жили в полном согласии и любви. Но боже мой, с какой тоской вспоминала она свою прежнюю советскую жизнь, с какой болью и горечью говорила о том, как живет теперь здесь, в роскошном уголке солнечной Италии, где обычно отдыхают миллионеры и кинозвезды!

— Я живу, как в пустыне,— говорила она.— Только с мужем и некоторыми его друзьями можно отвести душу, но они — люди занятые, у них и служебная и партийная работа. А все остальные, молодежь, которая меня окружает... Вы не можете себе представить, до чего они убоги и душевно и интеллектуально. Они ни о чем не думают, ни к чему не стремятся, ничем не интересуются, кроме денег, выпивки в баре, красивых «шмуток». Мне не о чем с ними говорить. Особенно с женщинами. Иногда я просто прихожу в отчаяние — это такая страшная пустота...

Как человек не чувствует своего здоровья, не думает о нем, пока он не заболел, так мы, живя в своем советском обществе, порой не замечаем очень важных качеств нашей жизни, ставших настолько привычными для нас, что они воспринимаются как нечто естественное, само собой разумеющееся. И наши женщины,

особенно молодые, вовсе не задумываются над тем, что за годы советской власти они сделали совсем иными, не похожими на своих дореволюционных предшественниц или на зарубежных современниц. Речь идет не о привычной формуле «раскрепощения», над которой у нас иногда посмеиваются. Что и говорить, в водовороте нашей еще далеко не легкой жизни женщине достается немалая физическая нагрузка — она и работает, и таскает из магазинов тяжелые авоськи с продуктами, и возится с детьми, и хлопочет на кухне. Но зато ее внутренний, духовный мир изменился в корне, и именно в этом смысле формула «раскрепощение женщины» стала фактом нашей жизни, неоспоримым и глубоко значительным.

Ее равенство с мужчиной не только записано в Конституции и в законах государства, — оно прочно закреплено в сознании наших граждан обоего пола. Ее достоинство ни в чем не уступает у нас достоинству мужчины. Она учится и работает в любой области рядом с мужчиной, занимает те же должности, что и он, так же, как и он, привыкла быть в курсе всех событий и свершений нашей жизни, привыкла много читать, думать, обсуждать любой вопрос в равенстве с ним. Подобно мужчине, она полна планов на будущее, стремления расти и совершенствоваться и уже не может жить без перспектив, и личных и общественных. Пусть часто еще бывает неустроенным ее быт, но внутренне, духовно она уже давно и навсегда вырвалась из прежнего замкнутого женского круга, состоявшего из мужниной постели, детских пеленок, кухонных кастрюль и домашних сплетен с соседками. Когда она попадает в другой мир, где этот порочный круг женщины остается неразорванным, где считается неприличным для мужа, если его жена поступает на работу, где все перспективы на будущее сводятся к мечте о норковом манто и о бриллиантовых сережках, — ей становится тесно и душно и она начинает понимать, какие новые качества воспитала в ней ее родина, которая, увы, теперь так недостижимо далека. И порой самая сильная любовь не может устоять перед этим испытанием, ибо чувство человеческого достоинства, воспитанное в женщине всем укладом нашей жизни, отнюдь не слабее чувства любви.

А бывает, что и жена и муж равно одержимы мечтой о возвращении. Я встречал немало бывших студентов Университета имени Лумумбы или МГУ, которые не в меньшей степени, чем их русские жены, хотят вернуться в нашу страну, давшую им образование и ставшую для них второй родиной. Одни просто измучены безуспешными поисками работы, нуждой; другие, мечтая о совершенствовании в своей профессии, видят, что уровень развития науки и техники у них на родине все равно не даст возможности в полной мере и перспективно применить полученные знания так, как они могли бы применить их в СССР. А для многих даже сам образ нашей жизни за годы их учебы стал настолько привычным, что, приехав домой, они чувствуют себя не в своей тарелке и с тоской вспоминают о Москве и оставшихся там друзьях.

Среди тех, кто встречал нас на аэродроме в Лиме, были молодой перуанский инженер Марио, получивший образование в Москве, и его жена москвичка Валя. Выглядели эти супруги не просто молодыми, но по-студенчески юными, хотя у них уже была четырехлетняя дочь. Они часто навещали нас в гостинице, участвовали в наших поездках по Лиме и ее окрестностям, рассказывали нам о Перу и жадно спрашивали о Москве, хотя уехали оттуда всего около года назад. Марио работал в училище преподавателем, жили они хотя и скромно, однако не нуждаясь, но оба мечтали только о том, чтобы вернуться в Москву. Марио уже послал в Москву заявление с просьбой принять его в аспирантуру, и молодые супруги жили лишь надеждой на будущее. При этом Марио говорил, что он, не задумываясь, остался бы у нас в Союзе, когда станет кандидатом наук, ибо тут, в Перу, возможности для научной работы еще ограничены. Каждый раз, как он с Валею приходил к нам, в гостиничной комнате беспрестанно звучала фраза из чеховских «Трех сестер»: «В Москву! В Москву!», произносимая с той же сердечной тоской и надеждой.

А однажды они привели свою дочку — очень живую, бойкую и смышленную девочку. Она уже одинаково хорошо говорила и по-испански и по-русски. Гордые родители заставили ее читать детские стишки, что она и сделала без малейшего смущения. Потом Валя

потребовала, чтобы она спела перуанскую песенку. А потом, уже даже без просьбы, девочка вдруг запела «В лесу родилась елочка».

У нее был тоненький голосишко и забавная, курносая, совсем русская мордашка. Пела она с детской старательностью, кивая головой в такт песне и иногда смешно картавя. Над Лимой стоял знойный тридцатиградусный день, в окне маячили мутно-желтые голые горы тихоокеанского побережья, и так странно и трогательно было слышать здесь эту новогоднюю песенку наших ребят, которую высоким, почти птичьим голоском пела маленькая девочка из Лимы, родившаяся в Москве.

Теперь она вернулась на свою родину. Уже через год после нашего возвращения из Южной Америки мы узнали, что мечта ее родителей осуществилась: Марио приняли в аспирантуру, и все трое снова приехали в Москву, где им предстоит жить по крайней мере несколько лет.

Но были у нас встречи и с другими земляками, уже пожилыми или даже старыми людьми, давно потерявшими связь с родиной, хотя и сохранившими самое доброе воспоминание о ней.

Полю Гринстайн, как зовут его перуанцы, или Павел Борисович Гринштейн, как звали его мы на русский манер, строго говоря, по своему рождению не был нашим земляком. Сын крупного инженера и, видимо, очень богатого человека, он родился в Париже. Но вскоре после его рождения семья переехала в Россию, и детство Поля прошло в Харькове. В годы революции и гражданской войны родители увезли его в Париж, и там он получил образование и стал инженером-строителем. В Перу он живет уже давно и владеет фабрикой, которая изготавливает легкие алюминиевые конструкции, широко применяемые сейчас в строительстве, и такую же алюминиевую мебель для конторских помещений. Сейчас эта фабрика, по словам Поля, дает совсем небольшой доход, но в свое время она, наверно, была выгодным предприятием, так как Гринстайн считается одним из состоятельных людей в Лиме и позволяет себе увлечение, которое обходится в копейчку. Он страстный коллекционер картин, преимущественно абстрактной или фигуративной живописи, и проводит

долгие часы на аукционах, скупая понравившиеся ему полотна. Именно для того, чтобы посмотреть эту коллекцию, привез нас к нему на фабрику один из наших хозяев — писатель Эстебан Павлетич.

Полю уже за шестьдесят — у него белые волосы, но очень молоджавое лицо с живыми умными глазами и не по годам легкая, подвижная фигура. Он радушно встретил нас в конторе фабрики, в своем просторном кабинете, где во всю стену протянулась большая картина: написанное в современной условной манере снятие с креста — сюжет, так часто повторяющийся в классической живописи. На других стенах были развешаны полотна художников-абстракционистов, и такие же абстрактные картины висели и на лестнице конторы, и внизу — в большой приемной для клиентов, заставленной образцами изделий фабрики: шкафами, письменными столами, креслами и стульями из алюминия. За кабинетом Поля была еще комната, видимо служившая хозяину кладовой, и он принялся таскать оттуда картину за картиной, показывая их нам. Как дилетант, я не берусь авторитетно судить о живописи, тем более абстрактной, но коллекция Гринстайна показалась мне очень богатой, и многие картины понравились нам. Когда кто-то из нас сказал о ценности его собрания, Поль усмехнулся.

— Вы знаете, здесь мало людей, понимающих толк в живописи, — заметил он. — Мне на аукционах часто удается довольно дешево купить очень интересные вещи.

Потом он усадил нас за стол и велел принести виски и кофе. Он еще понимал по-русски и даже сам говорил с легким акцентом, хотя то и дело забывал многие употребительные слова, которые нам приходилось ему подсказывать. Если добавить к этому, что жена Поля родом из Кишинева и тоже понимает по-русски, то Гринстайнов можно вполне считать нашими земляками. За время нескольких наших встреч русский язык Поля значительно усовершенствовался и, без сомнения, полностью восстановится, когда он, как обещал, приедет в Советский Союз, чтобы познакомиться с сегодняшней жизнью нашей страны и побывать в местах, где проходило его детство.

Поль был очень любезен и предупредителен. Узнав,

что мы хотим встретиться с руководителями перуанских издательств, он пригласил нас к себе домой на один из ближайших вечеров и сказал, что организует там эту встречу. В самом деле, в тот вечер мы познакомились в его доме с известным в Лиме издателем Франсиско Монклоа, который с интересом расспрашивал нас о современной советской литературе и заявил, что собирается заняться изданием ее в Перу. На этом вечере было еще много гостей — журналистов, художников, писателей, в том числе и наш старый знакомец из министерства образования поэт Сесар Миро.

Поль живет на девятом или десятом этаже нового высотного дома, и с широкого балкона, примыкающего к гостиной, открывается великолепный вид на ночную столицу. Гостиная, как и его кабинет на фабрике, была сплошь завешана картинами, а в глубине комнаты на широкой полке над диваном мы увидели фотографию бывшего президента Перу Белаунде с его собственноручной дарственной надписью. Оказывается, Поль дружил с Белаунде, и он отзывался о президенте как о человеке весьма лестно.

— Конечно, он наделал немало ошибок, — говорил Поль. — Но такой страной, как Перу, управлять очень трудно. В личном же общении это очень симпатичный человек.

Все, что мы знали о Белаунде, не вызывало у нас никакой симпатии. Да и на фотографии лицо его выражало такую важность и самодовольство, которые во все не убеждали нас в положительных качествах этого человека. Но то, что Поль не спрятал подальше фотографию свергнутого главы государства, фигуры сейчас крайне непопулярной, уже само по себе говорило о смелом и независимом характере нашего хозяина.

В тот вечер мы получили от Поля еще одно приглашение — в будущее воскресенье поехать вместе с ним в загородный клуб в окрестностях Лимы, членом которого он состоял. Он сам заехал за нами утром и на своем просторном и комфортабельном «форде» повез куда-то на юг, в сторону храма Пачакамак, но, не доезжая до него, свернул к берегу океана.

Это был фешенебельный загородный клуб богатых людей, занимавший большую территорию на океанском побережье. Около невысокого длинного здания

современной архитектуры на специально огороженной площадке стояло десятка три шикарных автомобилей. В здании находились уютные, прекрасно обставленные холлы и гостиные, бильярдная, бар и ресторан с открытыми и закрытыми террасами, обращенными к океану. Вокруг были разбиты площадки для игры в гольф, теннисные корты, а между террасой ресторана и песчаным океанским пляжем, раскинувшимся в какой-нибудь сотне метров впереди, голубели прозрачной водой три плавательных бассейна разных размеров — два для взрослых и один для детей, где резвились веселые группы купальщиков, тогда как на океанском берегу их почти не было видно. Удивляться не приходилось — высокие, по два-три метра, валы с тяжелым гулом обрушивались на песок, и купаться в такой прибой мог только очень опытный пловец.

Мы провели чудесный, полный беспечного отдыха день в этом клубе, плавали в бассейнах, бродили по пляжу, любуясь прибоем. А потом, когда наступило время обеда и мы заняли столик на открытой веранде ресторана, у нас произошла встреча еще с одним соотечественником.

Невысокий сухощавый официант с морщинистым и загорелым лицом старого моряка поспешил к нам и почтительно, но без раболепия приветствовал Поля.

— Филипп,— сказал ему Польш,— со мной русские. Они только что приехали из Советского Союза.

— О-о! — пораженно воскликнул официант и, радостно улыбаясь, обвел глазами нас троих.— То я очень рад, что я вас вижу, господа.

Он говорил по-русски без малейшего акцента, но «хекал», как украинец, и вместо «что» произносил «шо»,— так говорят жители Дона или Кубани. Мы пожали ему руку. Даже имя, отчество и фамилия у него оказались кондовыми русскими — Филипп Титович Заболотный. Когда я спросил, как он сумел так хорошо сохранить родной язык, Филипп Титович не без самодовольства ответил:

— Шоб мы, русские люди, да забыли свой язык? Того никогда не может быть.

Видимо, слова «русский человек» были в его устах высшей похвалой, а мы с Робертом, оба рослые и плотные, наверно, вполне соответствовали его представле-

нию о типично русском облике. И всякий раз, подходя к нашему столику, за который еще подсади несколько друзей Поля, он обдавал нас широкой восхищенной улыбкой и одобрительно комментировал каждый наш заказ. Если перуанцы заказывали рыбу, а мы хотели мяса, Филипп Титович обрадованно говорил:

— Ясное дело, наш русский человек знает, чего покушать.

Если перуанцы просили принести кофе со сливками, а мы — черный и покрепче, Заболотный с восторгом на лице кивал и подмигивал нам:

— Русский человек, он всегда любит шоб покрепче. Такие наши русские люди.

После обеда мы разговорились с ним, и он рассказал свою историю. Жил он до революции вместе с отцом, братьями и сестрами в станице Ясенской около Бйска. Унесло его оттуда в чужие страны ветрами гражданской войны, унесло молодым, семнадцатилетним хлопцем.

— То когда Деникин отступал до Новороссийска, — рассказывал он, — приходят до нас в хату бандюки какие-то — их с белой армией много было. Револьвер вытянули на моего батьку, говорят: «Давай запрягай коня, вези нас куды надо». А батька заплакали и мне говорят: «Я уже старый, давай, Филька, ты запрягай да вези». Я и поехал. Приехали до Новороссийска, они приказывают: «Айда с нами на пароход!» И аж в Югославию завезли. Работал я там на всякой работе, женился, детей понародили, а после не сладилась у нас с женой жизнь, и уехал я аж сюда, в Лиму. Обрато женился, дети есть, вот работаю в этом ресторане и еще магазинчик в Лиме держу. Привык уже.

— Ну, а с домом, с родными поддерживаеете связь? — спросил я.

— До тридцать шестого держал, а потом... забоялся ва них... Говорят, время у вас такое было...

Он не стал уточнять какое, видимо опасаясь обидеть нас.

— Ну, что было, то прошло. А сейчас почему не пишете? Родные-то остались?

— Батька еще до тридцать шестого померли. А братья, сестры, племянники разные должны быть. Да кто его знает — война прошла какая. Искать надо...

Мы предложили Филиппу Титовичу помочь в розысках родных, когда вернемся в Союз.

— А ничего им не будет за меня? — с опаской спросил он.

Мы засмеялись.

— Я советской власти плохого не сделал, — серьезно сказал он. — Я ж совсем как дите был, когда уехал...

В конце концов мы его убедили, и он сказал, что завтра зайдет к нам в гостиницу и оставит имена и фамилии своих родственников. Но так и не пришел тогда. А дня за два до нашего отъезда из Лимы Поль Гринстайн снова повез нас обедать в свой загородный клуб, и мы опять встретились с Филиппом Титовичем Заболотным. Я решил подразнить его.

— Ну что, испугался прийти-то? — насмешливо спросил я. — Эх вы, чужак человек!

— Я? Испугался? — Он чуть не задохнулся от возмущения. — Просто не успел тогда зайти до вас. Чего мне бояться? Я советской власти плохого не делал. У меня перед ей совесть чистая. Вот сегодня вечером приду... увидите.

И действительно пришел, радостно возбужденный, явно пропустивший объемистую чарочку. Продиктовал нам с Робертом имена и фамилии своих братьев и сестер, с удовольствием приложился к оставшейся у нас бутылке «Столичной» и доверху наполнил комнату такими сочными русскими выражениями, цитировать которые не принято. Надо сказать, что и этой, нелитературной частью нашей словесности он владел отлично, словно только вчера покинул родную станицу под Ейском.

Для меня было неразрешимой загадкой то, как спустя пятьдесят лет этот человек, которого жизнь мотала по дальним заграницам, сохранил в неприкосновенности свой родной язык. Мне приходилось встречать за рубежом соотечественников, покинувших родину в годы Отечественной войны и уже разговаривающих по-русски с акцентом и вставляющих в речь иностранные слова. А тут никакого следа иноземного влияния — ни в произношении, ни в словаре. Я безуспешно допытывался у Заболотного, почему это произошло.

— Может быть, русские книжки читаете?

— Откуда их взять? — усмехнулся он. — И насчет чтения я не очень...

— А первая жена у вас русская была? Может быть, в семье по-русски говорили?

— Первая — югославка. По-русски она, извиняюсь, ни «бе» ни «ме». На сербском и с ней и с детьми разговаривал.

— А вторая жена?

— То — перуанка. Только на испанском может. И дети тоже.

— Тогда, может быть, у вас тут русские друзья есть? Возможно, встречаетесь часто?.. Практика?

— Та шо вы! Тут русских мало. Один у меня друг есть, и то раз в год видимся.

— Ну как же тогда вы язык сохранили? Не понимаю.

На что Филипп Титович отвечал той же категорической фразой:

— Того не может быть, щоб русский человек свой язык забыл.

И еще одна встреча с соотечественником, хорошо запомнившаяся всем нам.

Наискосок от нашего отеля было кафе. Как-то утром, в ожидании, пока за нами приедут друзья, мы зашли туда выпить по чашечке кофе. Потом появился еще один посетитель, постоял у стойки буфета, услышал отрывок нашего разговора и, наклонив набок голову, с откровенным любопытством стал разглядывать нас издали. Это был пожилой, скорее старый человек с непримечательной внешностью, в шляпе и с пальто, переброшенным через руку, хотя на улице стояла жара. Наглядевшись на нас, он подошел к столику:

— Скажите, вы — русские? Вы не разрешите присесть к вам?

Он говорил по-русски с явно одесским акцентом, и мы приняли его за одессита. Но он оказался уроженцем Кишинева. Кофе он пить не стал и в ответ на наши вопросы охотно рассказал свою историю, довольно любопытную, которую я постараюсь воспроизвести, сохраняя манеру изложения, свойственную нашему новому знакомцу.

— Вы знаете, я уехал из России, когда была революция. Просто-таки убежал, потому что у меня были

сбережения, и я уже понял, что их не будет. Я жил сначала в Европе, ждал — может, все это кончится, а потом увидел, что вряд ли, и тогда я уехал сюда, в Лиму. Я, видите, по профессии был химик-технолог и всегда мог иметь работу, но я не торопился, поскольку у меня были сбережения. Так я положил эти сбережения в банк, а сам пока ходил туда-сюда, приглядывался, чем можно заняться. Представьте себе, я один раз прихожу в банк взять немного денег и вижу — лежат у них на полу какие-то большие желтые камни. Я человек любопытный, спрашиваю: «Что это у вас за булыжники?» А мне говорят: «Это золотая руда, только мы еще не умеем из нее извлекать золото». А я же химик. Я им говорю: «Интересно. А может, вы продадите один камень?» Они говорят: «Пожалуйста». И продали довольно задешево. Я пошел в магазин, купил реактивы, всякие колбочки-шмолбочки и сделал себе дома маленькую лабораторию. И вы знаете, я так научился добывать из этого камня чистое золото. Продал туда в банк слиточек и, представьте, очень неплохо заработал. Еще купил у них камни и опять продал слиточки. Два года я так работал, а потом они уже перестали мне продавать камни — зависть или что... Не знаю. Но я уже имел хорошие деньги за эти два года. Так я купил себе маленькую ювелирную фабричку и еще мебельную фабричку заимел. Теперь уже все продал — ушел на отдых.

— На пенсию? — наивно вырвалось у меня.

— Какая пенсия, что вы, — пожал плечами рассказчик. — У меня же сбережения. И вы знаете, я же сейчас каждый год бываю у вас в Союзе. У меня в Кишиневе живет родной брат, он тоже старик, и вот он действительно имеет небольшую государственную пенсию. Так я приезжаю, покупаю ему и себе две путевки в Кисловодск, и мы едем туда на месяц отдыхать и лечиться. Потом я его еще немного повожу по разным местам — просто так, показать страну, и мы едем назад в Кишинев, а я улетаю домой в Лиму. Каждый год. У вас очень хорошо лечат.

Я уже не помню имени-отчества нашего кишиневского соотечественника, но фамилия, которую он носил, показалась нам великолепно соответствующей его рассказу. Его фамилия была — Мудрик.

ИНКИ

Наступило время нашей поездки в Куско, древнюю столицу страны, город, который четыре века назад был центром великой империи инков. Но прежде чем описать эту поездку, я хочу немного рассказать читателю об инках, их государстве и о его трагическом крушении. Ведь обо всем этом у нас знают так мало. Одна моя знакомая, женщина интеллигентная и хорошо образованная, сказала: «Ах, инки. Это — Монтесума». А другой знакомый, тоже весьма начитанный человек, спросил: «Это ведь тот народ, который покорял Фердинанд Кортес?» Оба спутали инков с ацтеками и Перу с Мексикой. А между тем империя инков — удивительное и единственное в своем роде историческое явление. Недаром один из исследователей назвал инков римлянами Америки.

Ученые считают, что возникновение инкского государства относится к одиннадцатому веку нашей эры и что основателями его были индейцы племени кечуа. Сами же инки рассказывали о своем происхождении такую легенду.

На юге Перу, на границе с Боливией, лежит самое высокогорное озеро в мире — Титикака. Однажды из этого озера вышли дети бога Солнца, брат и сестра и в то же время муж и жена Манко Капак и Мама Окльо. В руках у Манко Капака был золотой жезл, который царственный родитель Солнце дал детям с приказанием идти по горам и долинам и там, где этот жезл войдет в землю, основать город и государство. Долго странствовали они, пробираясь через Кордильеры на север, пока в одной долине золотой жезл не вошел в вершину холма. Здесь супруги остались жить среди туземцев и основали город Куско. Манко Капак учил мужчин сельскому хозяйству, военному делу и гончарному искусству, а Мама Окльо посвятила женщин в тайны ткацкого ремесла и во все секреты ведения домашнего очага.

От легендарного Манко Капака, первого Инки, началась цепь вождей — императоров, пять веков правивших страной. Четырнадцать Инков сменились до момента появления испанцев, и с каждым из них государство все дальше раздвигало свои пределы на все четыре стороны света, превратившись в конце концов в обширную империю, земли которой превосходили по территории любую из нынешних южноамериканских стран. Если смотреть на сегодняшнюю политическую карту Южной Америки, то инкская империя включала в себя полностью Перу, Эквадор и Боливию, половину современного Чили и кусок Аргентины — на юге и значительную часть Колумбии — на севере.

Древние перуанцы называли свою страну Тауантинсуйю, что означало «четыре части света». Империя соответственно делилась на четыре области, каждой из которых управлял наместник, назначаемый Инкой, а из столицы Куско (Куско по-индейски — пуп) четыре широкие дороги вели в эти области. Название Перу появилось только с приходом испанцев и, согласно летописям, было плодом недоразумения. Когда испанцы впервые сошли на перуанский берег, один из них спросил у встретившегося ему индейца: как называется эта земля? Свой вопрос он сопровождал широким жестом, но в той стороне, куда он показал, протекала небольшая речка. Индеец решил, что вопрос пришельца относится к ней, и ответил: «Бирү» (так называлась эта

река). Испанцу же послышалось «Перу́», и с тех пор это слово стало для его соотечественников обозначением всей открытой ими страны инков.

Слово «Инка» первоначально обозначало только одного человека — верховного вождя, императора, прямого потомка бога Солнца. Он обладал абсолютной, беспредельной светской и духовной властью и для всех своих подданных был вознесен на недостижимую, «божественную» высоту. Но с годами вокруг Инки возник обширный слой придворного дворянства, инкская аристократия, связанная с верховным владыкой узами кровного родства. Император всегда был многоженцем и, по свидетельству некоторых хроник, имел не менее семисот жен, все дети которых также считались знатными людьми божественного происхождения. Они в свою очередь имели гаремы, хотя и гораздо меньшие, а их потомки тоже пополняли ряды аристократии. Из всех этих «детей Инки» назначались чиновники на государственные посты в столице и в провинциях, из них выходили жрецы для многочисленных храмов. Они, и только они, получали образование в школах и были для народа выразителями воли Инки как в светской, так и в духовной жизни.

Инки, видимо, достигли высокого уровня в военном деле, судя по тому, с какой быстротой расширялась их империя. Но, в отличие от ацтеков, они не были свирепыми завоевателями, силой оружия державшими под тяжким игом побежденные народы. Наоборот, они прибегали к оружию лишь как к крайней мере, предпочитая сначала путем дипломатии, мирных переговоров добиться покорности своих соседей. От них требовали признать верховным богом Солнце и верховным властителем его сына Инку. Если же соседи проявляли упорство — следовал завоевательный и победоносный поход. Но, даже и одержав победу, инки не предавались мщению, а проявляли глубоко разумное великодушие в отношении побежденных. Покоренные племена и народы сохраняли свои нравы и обычаи, сохраняли даже свою религию, при том условии, что главным богом они признали Солнце. А самые значительные из местных идолов увозили в Куско и со всем почетом помещали в тамошних храмах, так

что столица империи становилась религиозной Меккой для новых граждан, которые могли совершить туда паломничество, чтобы поклониться богам предков. Обычно прежние вожди покоренных племен, если только они подчинились неизбежности, назначались наместниками Инки, сохраняя свою власть, но сыновья их, как заложники, должны были жить в Куско, пользуясь там всеми правами придворной знати. А простой народ получал те же права, что и остальные граждане империи. Если же побежденные продолжали упорствовать, их насильственно переселяли на коренную территорию инков, где они, окруженные верными вассалами императора, вскоре ассимилировались, а их прежние земли заселялись крестьянами из центральных областей. И лишь когда ничто не помогало сломить бунтарский дух покоренного племени, власти не колеблясь прибегали к их физическому истреблению. Правда, это случалось очень редко.

Экономический уклад жизни простого народа в древнем Перу был очень своеобразным. Все добываемые в стране материальные блага свозились на многочисленные государственные склады, существовавшие в каждом уголке империи. Там все это делилось на три части: одна шла на содержание Инки и его двора, другая посвящалась богу и поступала в распоряжение жрецов, третья шла на удовлетворение потребностей народа. Крестьянин или ремесленник получал со складов для себя и для своей семьи строго установленное государством количество продуктов питания, одежду и все другое, в чем он нуждался. Правительственные чиновники на местах должны были внимательно следить, чтобы на подведомственных им землях никто не голодал, не испытывал острой нужды. Они несли за это полную ответственность, и если, например, крестьянин, привлечавшийся к суду за воровство, мог доказать, что на кражу его толкнул голод, его оправдывали, а вместо него подвергался наказанию, еще более строгому, чиновник, допустивший такую нужду в своей округе. Законы у инков были весьма суровыми и наказывали всякое отклонение от установленного регламента жизни, даже лень.

Каждый гражданин обязан был работать на поле, в мастерской или дома и принимать участие в общест-

венных работах — на строительстве зданий, дорог, мостов, оросительных каналов, нести военную службу. Но те же государственные чиновники должны были следить, чтобы часы работы не превышали положенной нормы, а ее условия не сказывались бы вредно на здоровье граждан. Строгая регламентация определяла всю жизнь древних перуанцев, и без соизволения власти человек не мог сделать ничего — даже жениться. Ему указывали девушку, которая станет его женой, и в один установленный день года Инка и его наместники соединяли руки женихов и невест во всей империи, благословляя их на совместную жизнь. Этот строй был деспотизмом, одновременно и строгим и благожелательным, по-отечески заботливым и отнимающим у человека всякую инициативу и самостоятельность.

В сельском хозяйстве, которое, естественно, было главным занятием населения, инки для своего времени ушли далеко вперед. Как уже говорилось, выведенные ими сорта картофеля и кукурузы распространились потом по всему миру. Ирригационные сооружения, оставшиеся от той эпохи, поражают своими масштабами. Сложенные из каменных плит, плотно пригнанных друг к другу без цемента, оросительные каналы или такие же подземные акведуки тянулись иногда на сотни километров, доставляя воду из дальних озер на засушливые земли побережья Тихого океана. При испанцах эта ирригационная сеть инков постепенно пришла в запустение, но и до сих пор кое-где в Перу крестьяне обрабатывают поля на землях, орошаемых древними подземными акведуками, причем нередко остается неизвестным, откуда они приносят воду.

В отличие от других народов, живших в тропической зоне, инки применяли на своих полях удобрения. Вдоль тихоокеанского побережья страны разбросаны островки, на которых с незапамятных времен гнездятся огромные стаи морских птиц. Помет их — знаменитое в нынешнем земледелии «гуано» — скапливался там горами, и при инках эти островки закреплялись за сельскохозяйственными районами, крестьяне которых вывозили гуано на свои поля. В горных областях Кордильер широко распространены были поля-террасы,

дававшие возможность использовать землю на самых крутых склонах, и местами эти террасы обрабатываются и в наши дни, как пять веков назад.

Зато сельскохозяйственные орудия инков оставались довольно примитивными. Плуга они не знали, и его заменой служил заостренный кол из прочного дерева, прикреплявшийся к поперечному деревянному брусу, который, впрягшись в постромки, с усилием тащили несколько мужчин, тогда как пахарь, следовавший за таким «плугом», ногой вдавливал его в землю.

Лошадь, как известно, была незнакома жителям Южной Америки, но у перуанцев ее заменяла лама, или американский верблюд, как ее иногда называли. Неприхотливая в пище, могущая подолгу обходиться без воды, особо устойчивая и цепкая на каменистых горных тропках, лама широко использовалась индейцами как вьючное животное. Перуанцы были, таким образом, единственным народом Нового Света, применявшим в хозяйстве домашних животных.

Но лама давала им также мясо и шерсть. Огромные стада лам, среди которых были и их разновидности альпака и викунья, обладавшие драгоценной тончайшей шерстью, вольно паслись на горных пастбищах Кордильер. Охота на ламу запрещалась законом под угрозой смертной казни. Только раз в году такая охота проводилась как массовое государственное мероприятие, под предводительством самого Инки или его наместников. В заранее определенном горном районе собирались пятьдесят или шестьдесят тысяч охотников, вооруженных копьями, которые с разных сторон сгоняли диких животных в одну долину. При этом попутно убивали всех хищных зверей, представлявших угрозу для стад. Когда десятки тысяч лам оказывались скученными на узком пространстве долины, начиналась охота. Большинство самцов убивали, а самок стригли и вновь отпускали на волю. Мясо животных особым образом высушивали, и оно поступало на склады, как и добытая шерсть, которую потом распределяли среди женщин для изготовления тканей и одежды. Такая охота каждый раз проводилась на другом ме-

сте, чтобы поредевшие стада могли постепенно восстановить перебитое поголовье.

В ткацком ремесле инкские женщины были необычайно искусны. Недаром испанские завоеватели посылали в Мадрид лучшие образцы перуанских тканей, и короли Кастилии и Арагона носили белье и одежду, вытканную из тончайшей и мягчайшей шерсти викуньи. Из других ремесел в стране получили развитие гончарное дело, обработка драгоценных металлов и меди. Обилие золота, серебра и изящных изделий из них оказалось одной из причин гибели империи инков,—слухи о сказочных богатствах этой земли привлекли туда конкистадоров, которые и в самом деле награбили в Перу несметные сокровища. Железа древние перуанцы не знали, как и другие народы Американского континента, хотя многие районы страны богаты железными рудами. Зато, говорят, они умели придавать меди особую твердость, так что она немногим уступала стали. Исследования химиков позволили установить, какие примеси добавляли для этого к меди, но секрет технологии не разгадан, и получить такую же твердую медь нынешним металлургам не удается.

Сооружения, какие сохранились до наших дней, свидетельствуют о том, что инки были превосходными строителями. Циклопические крепости, остатки домов и храмов, построенные так, что их не разрушают даже сильные землетрясения, поражают искусством каменной кладки и своеобразием архитектуры. Венцом инкского зодчества, по рассказам очевидцев, был главный храм Солнца в Куско, так называемый Кориқанча, где на протяжении веков собирались бесчисленные богатства, и среди них выделялось большое изображение Солнца из чистого золота, помещенное так, что, когда солнечные лучи падали на него снаружи, весь храм озарялся его сверканием. Только проблему кровли инкские строители не сумели решить,— даже самые величественные здания покрывались недолговечным тростником, и поэтому дожившие до наших дней дома и храмы той эпохи всегда стоят в виде лишенных крыши коробок.

Инки построили тысячи километров мощных дорог и множество мостов. Часть их сохранилась до на-

шего времени. Можно только поражаться тому, как народ, не знавший ни механизмов, ни железных инструментов, сумел проложить такие дороги по каменистым склонам и глубоким ущельям Кордильер и перебросить прочные мосты через бешеные горные реки. Правда, большинство мостов с годами пришло в негодность — они висели на толстенных канатах, сплетенных из лиан, сгнивших с течением времени. И на всем протяжении этих дорог, соединявших центр империи с ее отдаленными провинциями, были построены своего рода гостиницы, где могли остановиться путешественники, а также дворцы для Инки, который регулярно объезжал свои владения, знакомясь с жизнью народа и с тем, как его именем управляют страной наместники.

Духовная жизнь древних перуанцев определялась их религией. Кроме Солнца они обожествляли Луну и звезды. По всей стране были разбросаны храмы с целой армией жрецов и своего рода монахинь-девственниц, посвящавших себя навсегда служению Солнцу и дававших обет безбрачия. В случае нарушения этого обета женщину живой зарывали в землю, ее соблазнителя умерщвляли самой мучительной смертью, а всех жителей той деревни, из которой он происходил, физически истребляли и само селение разрушали до основания.

Но при всей суровости законов империи, каравших смертью многие преступления и проступки, сама религия инков не носила такого зловещего и кровавого характера, как у ацтеков или майя. В обычной практике религиозных церемоний не было человеческих жертвоприношений, и в жертву богам шли животные и земледельческие продукты. Лишь изредка, в особо важных и торжественных случаях, закланию подлежал человек, да на похоронах Инки убивали его жен и слуг, большинство которых, впрочем, добровольно соглашалось последовать за умершим повелителем.

Инка был земным воплощением бога, его прямым сыном, и оскорбить его считалось самым страшным преступлением. Во время частых путешествий по стране император передвигался на носилках, и, если кому-нибудь из несших его людей, профессия которых пере-

давалась из поколения в поколение, случалось споткнуться и упасть, неловкого тоже ждала смерть. Кроме жрецов только Инка, как сын бога, мог входить в святая святых храма Солнца в Куско, только он выполнял самые важные в государстве религиозные церемонии. А когда он умирал, его тело тщательно бальзамировали и помещали в сидячем положении в одном из залов Кориканчи. Там хранились мумии всех царствовавших Инков, и, если отмечалось какое-нибудь всенародное торжество, их выносили на улицы Куско, и среди ликующих толп они, словно живые, участвовали в празднестве.

В строгой, жестко регламентированной жизни простого народа эти праздники были отдушинами. Они проводились с особой пышностью, сам Инка в роскошных одеждах, в окружении своих приближенных, появлялся среди подданных, и можно было обильно есть и допьяна хлебнуть хмельного напитка, приготавливавшегося из зерен маиса. Такие праздники обычно превращались в массовые пьяные оргии.

Как ни странно, но считавшие себя детьми Солнца инки в знании астрономии сильно уступали ацтекам. Вообще теоретические дисциплины были развиты у них значительно слабее прикладных наук. Хранителями всей суммы знаний являлись мудрецы — «амауте» (этим словом и назвал в двадцатые годы Хосе Карлос Мариатеги свой журнал, сыгравший такую важную роль в распространении идей марксизма в Перу). Им, мудрым «амауте», поручалось воспитание молодежи из знатных семей, которая, как свидетельствуют хроники, проходила суровую спартанскую школу, готовившую будущих руководителей государства к военной и гражданской карьере. Вместе со всеми молодыми дворянами ее проходили и сыновья самого Инки, в том числе и тот, кому предстояло наследовать престол отца. В особых школах воспитывались и девочки знатного происхождения.

До последнего времени наука считала, что исторической трагедией инков было отсутствие у них письменности. Как известно, письменность была и у ацтеков и у майя, но древние перуанцы, судя по всему, не имели никакой связи с этими народами. И таким образом, самые значительные культуры Центральной и

Южной Америки развивались в условиях полной изоляции друг от друга.

Уже после нашего отъезда из Перу в газетах всего мира появилось сообщение о том, что перуанские ученые обнаружили где-то настенные надписи, относящиеся к эпохе инков. Но если это и доказывает наличие письменности в то время, все же несомненно, что широкого распространения она не имела и оставалась достоянием лишь весьма узкого круга людей — вероятно, тех же мудрецов «амауте». Будем надеяться, что дальнейшие исследования внесут необходимую ясность в этот вопрос.

Зато инки обладали единственным в своем роде средством сообщения между людьми на расстоянии и во времени — так называемыми «кипу». Они представляли собой веревку, к которой в виде бахромы подвешивались разноцветные шерстяные нити. Эти нити в определенных местах завязывались узлами, и расположение узлов в сочетании с цветом нитей служило условными знаками, доступными для расшифровки посвященным людям. В бюрократической империи с сильной централизацией власти эти «кипу» применялись как статистические донесения с мест, которые направлялись в столицу и позволяли Инке с точностью знать положение дел в любой из провинций страны.

Специальные чиновники во всех областях и районах империи вели тщательную регистрацию населения по возрастным группам, учитывали все запасы, хранившиеся на складах. Все эти сведения заносились на «кипу» в виде соответствующих сочетаний узлов и регулярно отправлялись в Куско. Для доставки их существовали особые гонцы, «часки», профессия которых также передавалась по наследству. Подставы таких «часки» располагались вдоль всех дорог империи на определенном расстоянии друг от друга. Получив в свои руки «кипу» с очередным донесением, «часки» стремительно пробегал свой участок дороги и, как эстафету, передавал веревку с узлами следующему бегуну, который так же быстро доставлял ее дальше. С необычайной скоростью, в короткое время донесение достигало Куско, где его расшифровывали специалисты. Сведения, содержащиеся в нем, докладывались Инке, а «кипу» помещалось в особое хранилище этих

своеобразных документов. С помощью тех же «часки» доставляли в Куско и другие посылки — в частности, свежая рыба с океанского побережья успевала вовремя попасть к столу Инки. Говорят, что и «кипу» служили не только для передачи статистических сведений, а с их помощью, перебирая узлы на нитях, историографы инков излагали своим современникам «преданья старины глубокой» и исторические события минувших времен. Хотя часть этих «кипу» сохранилась до наших дней, секреты их расшифровки ушли в могилу вместе с последними хранителями тайн инкской культуры.

Читатель вправе спросить: из каких же источников известны нам факты из истории инков и их культуры, если этот народ не оставил никаких письменных свидетельств. Надо признаться, что источники эти весьма скудны, а порой противоречивы и лишь относительно достоверны в своих частностях. Самым интересным и полным из них является двухтомный труд Инки Гарсиласо де ла Вега, посвященный истории империи инков и завоевания ее испанцами. Эта работа вышла в свет в Испании в начале семнадцатого столетия, и она принадлежит перу человека, который по своему происхождению в равной степени оказался и испанцем и инком.

Инка Гарсиласо де ла Вега был сыном кастильского дворянина, соратника Франсиско Писарро, и знатной перуанки — родной внучки знаменитого императора Тупака Юпанки, прославившегося своими победными походами. До двадцатилетнего возраста он воспитывался в Перу, а в 1560 году переехал в Испанию и после службы в армии поселился в Кордове, посвятив себя литературной деятельности.

С детства в его памяти сохранились рассказы матери о нравах и обычаях инков, о жизни при дворе императора в Куско. Он завязал также переписку с друзьями детства и юности, оставшимися в Перу, и с их помощью собрал большой и красочный материал, который, при несомненных литературных способностях автора, делает его книгу одним из самых важных и богатых фактами сочинений по истории инков. Однако полной беспристрастности историка Инке Гарсиласо временами недостает — он явно старается выставить пе-

ред цивилизованным миром своего времени в самом благоприятном свете народ, кровь которого текла в его жилах. Зато сочинения многих других современных ему историков, и прежде всего испанских монахов, принимавших участие в завоевании Перу, обычно страдают другой односторонностью. Исполненные католического фанатизма, характерного для той эпохи, авторы хроник изображают язычников-инков дикарями и варварами, всячески стараясь оправдать жестокость завоевателей. И, пользуясь всеми этими источниками, нынешняя историческая наука осторожно и критически подходит к оценкам, содержащимся в них.

Империя инков — удивительное и уникальное явление в истории человечества. По форме правления она была абсолютным, неограниченным деспотизмом, но смягченным и лишенным той жестокости, какой отличались государства ацтеков или майя. Что же касается экономического уклада жизни простого народа, то иные ученые видят в нем черты своего рода «коммунизма». В этом смысле любопытно высказывание известного американского антрополога и археолога Олдена Мэйсона в его книге «Древняя цивилизация Перу», вышедшей уже несколькими изданиями. Говоря об участии перуанского крестьянина наших дней, он пишет:

«Экономическая жизнь народа лишь слегка улучшилась за последние сто — двести лет. Хотя они перестали быть рабами, многие перуанцы по существу остаются невольниками, живя и работая в больших имениях земельных собственников. Века эксплуатации, вырождения, небрежения к их нуждам превратили их в тупой, задавленный нищетой народ, приверженный к алкоголизму. Несмотря на большую свободу от регламентации жизни, жребий их сегодня, возможно, менее желателен для них, чем во времена инков. Так как почти любая перемена будет переменной к лучшему и так как древний уклад их жизни носил характер общинности, они могут представить плодородную почву для нынешней коммунистической идеологии».

Конечно, говорить всерьез о коммунизме в древнем Перу нельзя. Во-первых, истинный коммунизм несовместим с деспотизмом правления. Во-вторых, «ком-

мунизм» инков был совершенно бескрылым, бесперспективным. Простой человек в этой империи не только был лишен всякой собственности, у него были отняты все надежды на будущее, любые мечты о переменах в своей судьбе. Он знал, что он умрет таким же, каким родился, какими родились и умерли его предки. Само происхождение навсегда, непреодолимой стеной отгораживало его от других классов общества, а жесткая регламентация жизни государством и суровость законов до конца дней замыкали его в привычном, устойчивом круте труда и быта. У него не было своей воли, своих стремлений. Эта тупая и безнадежная покорность граждан своей судьбе, служа источником силы до предела централизованного государства инков, оказалась и причиной его роковой слабости. Когда горсточка авантюристов-завоевателей из-за океана вторглась на земли инков, их успех в покорении империи с населением в несколько миллионов человек объяснялся не только мощью огнестрельного оружия, незнакомого туземцам, но и веками воспитанным в перуанце безвольным повиновением своим властителям. Стоило сыну бога Солнца, всевластному Инке оказаться беспомощным пленником в руках испанцев, и огромная империя, бывшая на протяжении веков грозой для своих соседей, внезапно рухнула под натиском нескольких сотен дерзких иноземных пришельцев, разграбивших и разрушивших то, что было создано на этой земле трудом многих поколений, и надолго превративших перуанцев в своих рабов.

КОНКИСТАДОРЫ

Конкиста — по-испански завоевание, конкистадор — завоеватель. Но это лишь прямое значение слова, в которое история вложила сложное, противоречивое содержание, и разобраться в нем не так уж легко.

После открытия Америки Колумбом поток предприимчивых авантюристов из Испании устремляется в ее новые заокеанские колонии. Обедневшие дворяне, скудный достаток которых не позволяет им жить при дворе, или незаконные, не рассчитывающие на наследство сыновья знатных идальго — в надежде разбогатеть; молодые искатели приключений, заворуженные слухами о сказочных странах; фанатики-монахи, одержимые ревностным стремлением обращать в истинную веру заблудших язычников-индейцев; профессиональные солдаты, умеющие только убивать и грабить; преступники, спасающиеся от преследования закона; всевозможные охотники за богатством и славой — все они, партия за партией, уплывают за океан. Испанское за-

воевание, начавшись с Антильских островов в Карибском море, перебрасывается в Центральную Америку и, после покорения Мексики Фернандо Кортесом, постепенно распространяется дальше на юг.

Конкистадоры действуют именем бога и короля. Они клянутся честью кастильского дворянина, у них на устах имена Христа и девы Марии. Огнем и мечом, обманом и коварством, силой и хитростью они покоряют одно за другим индейские племена и присоединяют к испанской короне всё новые земли. С оружием, изрыгающим огонь, закованные в непроницаемые для стрел латы, верхом на невиданных здесь лошадях, они повергают в ужас туземцев и топят в крови всякую попытку сопротивления. Они жадно грабят все ценное — из дворцов, храмов, хижин, грабят для короля и испанской казны, не забывая при этом самих себя. Корабли, нагруженные золотом и серебром, плывут в Испанию, возвращаются на родину молниеносно и сказочно разбогатевшие авантюристы, и их пример влечет за океан сотни и тысячи других. Золотая лихорадка эпохи первоначального накопления капитала распространяется со скоростью эпидемии.

Однако всякое явление в развитии человечества надо рассматривать в исторической перспективе, не отрывая его от времени, когда оно происходило. Если бы мы назвали конкистадоров только грабителями и убийцами, это был бы чересчур односторонний взгляд, вскользь брошенный с позиций нашей сегодняшней, более высокой цивилизации.

Нельзя забывать, что они были детьми своего жестокого шестнадцатого века, эпохи грабительских династических войн, времени, когда по всей Европе пылали костры инквизиции, на которых «во имя бога» горели живые люди. Достаточно вспомнить некоторые сравнительно недавние события нашего собственного просвещенного столетия, озаренные мрачным пламенем крематориев Освенцима и Бухенвальда, чтобы задуматься: вправе ли мы вынести категорический приговор тем, кто жил за четыре века до нас?

Да, они грабили и убивали, что считалось тогда не таким страшным преступлением, каким считается сей-

час. Но кроме жестокости и жадности этих людей нередко одушевляли и другие чувства — честолюбивое стремление прославиться и прославить свою родину новыми великими открытиями, человеческое мужество и отчаянная смелость. На утлых кораблях, легкой добыче ураганов и бурь, они бесстрашно уплывали в неизведанные и грозные просторы океанов. С глубоким волнением первооткрывателей высаживались они на «чудовищные берега, не видевшие человека». Постоянно рискуя жизнью, они дерзко шли навстречу опасностям и гибли под отравленными стрелами индейцев, гибли от голода и диких зверей в глуши тропических лесов, от незнакомых болезней в непривычном, изнуряющем климате новых земель. Ничто не могло остановить их, и, конечно, одним из главных побуждений, толкавшим их в неизвестное, было то извечное человеческое любопытство, стремление увидеть и постигнуть новое, еще никем не виданное и не испытанное, которое испокон веков служило источником великих открытий на земле, а в наши дни вывело людей в космос и привело на Луну.

Конкистадор был не только завоевателем, но и открывателем, и образ его сложен и противоречив. В нем причудливо сплелись преступление и подвиг, низменные инстинкты убийцы и грабителя и самоотверженность героя, жестокость и мужество, коварство и доблесть, религиозный фанатизм и честолюбивая жажда славы. Дети темного и кровавого века, они в то же время сослужили свою службу человечеству на путях его развития.

Человек, с чьим именем неразрывно связано открытие и завоевание Перу, чья конная статуя стоит сейчас у президентского дворца в Лиме, был типичным конкистадором. Сын кастильского дворянина и простой, незнатной женщины, Франсиско Писарро относился к числу тех незаконных отпрысков дворянских родов, которым предстояло самим пробивать себе дорогу в жизни. Невежественный, как, впрочем, большинство дворян его времени, не умевший ни писать, ни читать, он зато отличался исключительной храбростью, упорством в достижении цели и волевыми качествами прирожденного военачальника. В 1513 году, когда Васко де Бальбоа, достигнув западного побережья

Центральной Америки, первым из европейцев увидел новый океан, названный потом Великим, или Тихим, Франсиско Писарро был в числе солдат его отряда.

Но еще за два года до этого Васко де Бальбоа слышал рассказы индейцев о том, что где-то далеко на юге лежит обширная и необыкновенно богатая империя, жители которой поклоняются Солнцу, а их император считается сыном самого сверкающего бога. Преждевременная смерть помешала открывателю Тихого океана отправиться на поиски легендарной империи, но Франсиско Писарро, вероятно, тоже слышал эти рассказы и не забыл их.

В 1524 году в городе Панаме священник Эрнандо де Луке и военные Диего де Альмагро и Франсиско Писарро заключили между собою договор. В договоре значилось, что Луке заручится необходимыми разрешениями властей и достанет деньги, на которые Альмагро подготовит и снарядит корабли, провиант и вооруженный отряд для экспедиции под командованием Писарро. Целью экспедиции было открытие и завоевание южной империи детей Солнца, и все богатства, какие предполагали там добыть, согласно договору, делились поровну между участниками этого тройственного соглашения.

Первое путешествие на двух кораблях было не слишком удачным. Правда, Писарро и Альмагро проникли гораздо дальше на юг, чем другие мореплаватели до них, получили от индейцев новые подтверждения существования сказочной империи инков и даже в индейских деревнях нашли кое-какие изделия из золота. Но зимние штормы сильно потрепали корабли, а вылазки на берег большей частью заводили испанцев в непролазный тропический лес либо заканчивались стычками с воинственными племенами туземцев, в одной из которых Альмагро потерял глаз. Голод и болезни уносили свои жертвы, и в конце концов сильно поредевшая экспедиция вынуждена была вернуться назад, не достигнув своей главной цели. Однако решимость троих компаньонов довести предприятие до успешного завершения не иссякла, и, несмотря на финансовые затруднения и противодействие панамских властей, они принялись готовиться к новому путешествию.

Оно состоялось летом 1526 года, и началось, казалось, благоприятно. В нескольких вылазках на берег люди Писарро добыли у индейцев изрядное количество золотых украшений. В океане они, к своему удивлению, встретили большой плот под парусами (так называемую «балу»), на котором путешествовала группа знатных перуанцев. Дорогие сосуды из золота и серебра, находившиеся на плоту, богатые шерстяные ткани тонкой выделки, из которых была сшита одежда путешественников, и их рассказы о том, что на земле инков храмы и дворцы полны сокровищ,— все это подтверждало самые смелые надежды испанцев и разжигало их алчность.

Но когда они спустились дальше на юг и попали в густонаселенные и культивированные области нынешнего Эквадора, к тому времени уже завоеванные инками, Писарро и его спутники поняли, что осуществить эти надежды будет нелегко. Они видели на тамошних жителях еще больше золота и драгоценных камней, но местные индейские племена оказались воинственными и слишком многочисленными. Туземцы враждебно встречали пришельцев, и несколько раз испанцы подвергались серьезной опасности. Однажды сам Писарро, высадившись на берег с группой солдат и лошадей, был отрезан от своих кораблей большим отрядом индейцев, и трагический исход схватки казался неизбежным. Случайное происшествие спасло конкистадоров: один из верховых солдат, конь которого споткнулся, упал на землю с лошади, гремя латами. Индейцы, вообразившие, что человек и лошадь составляют одно целое, увидев, как это странное существо разделилось надвое, в суеверном ужасе бросились бежать, открыв испанцам путь к отступлению.

Стало ясно, что наличными силами выполнить задуманное не удастся и надо возвращаться в Панаму за подкреплениями. После долгих споров решено было, что Альмагро, захватив с собой всю драгоценную добычу, отправится с кораблями назад, а Писарро с частью людей останется ждать его на небольшом, почти необитаемом острове Петуха, близ побережья.

Остаться — значило испытать тяжкие лишения, бороться с непогодой, голодом, болезнями. Среди тех, кому предстояло разделить все это с Писарро, началось

брожение — люди открыто выражали недовольство, обвиняя руководителей экспедиции в том, что они в угоду своей жадности жертвуют жизнями солдат. Многие передали с товарищами, уплывающими в Панаму, письма к знакомым и к властям. Они жаловались на тяготы и жертвы экспедиции и призывали губернатора положить конец авантюрам Писарро и Альмагро. Но Альмагро отобрал все эти письма, и только одно из них ускользнуло от его единственного зоркого глаза. Подписанное несколькими солдатами, оно было спрятано в куске хлопчатобумажной перуанской ткани, предназначенном для подарка жене губернатора Панама. Авторы его писали, что они наверняка погибнут на острове от голода и болезней, называли Писарро своим убийцей и просили скорее вернуть домой тех, кому посчастливится выжить.

Письмо дошло по назначению и получило широкую огласку в колонии. Рассерженный губернатор не хотел больше слышать о продолжении экспедиции, и на остров Петуха были посланы корабли за оставшимися там людьми. Их страдания в самом деле оказались безмерными. Стоял сезон дождей, и над островком бушевали страшные тропические грозы, заливая его потоками воды. Кончились скудные запасы провианта, люди голодали, питаясь только крабами и моллюсками, которых удавалось найти на берегу. Одежда их истлела; полуголые, исхудавшие, они считали дни, ожидая помощи, и даже самые стойкие духом теперь думали только о том, чтобы вернуться к нормальной человеческой жизни, оставив мечту о сокровищах Перу. Когда наконец пришли корабли, ликованию их не было предела.

И тогда на песчаном берегу острова Петуха произошла сцена, которую история навсегда сохранила для потомства как пример силы духа и верности поставленной цели. Сколь ни тяжки были лишения, пережитые здесь, они не смогли поколебать решимости предводителя. Вынув шпагу, Франсиско Писарро провел ею на песке черту с востока на запад и обратился к своим измученным, изголодавшимся спутникам.

— Друзья и товарищи! — сказал он, показывая по ту сторону черты — на юг. — Там вас ждут лишения, голод, нагота, бури, страдания и, может быть, смерть.

Тут вас ждет легкая жизнь и удовольствия. Там лежит Перу с его сокровищами, здесь — Панама и бедность. Пусть каждый из вас решит, что более пристало храброму кастильцу. Что касается меня, я иду на юг.

С этими словами он перешагнул черту. И тринадцать других испанцев перешли ее вслед за ним, решив разделить судьбу своего вождя. Эти четырнадцать человек навсегда остались в памяти своего народа как ветераны, положившие начало открытию и завоеванию Перу.

Несмотря на протесты офицера, посланного губернатором, они отказались вернуться и решили ждать, пока Альмагро и Луке пришлют им подкрепления, чтобы продолжить экспедицию. Офицер не согласился передать им один из кораблей, но его уговорили снабдить Писарро и его тринадцать товарищей запасом провизанта. Добровольные Робинзоны перешли на другой маленький остров Горгона, частично покрытый лесом, где водились фазаны и зайцы и были источники питьевой воды. Там они поселились в наскоро срубленных деревянных хижинах и стали ждать, пока придет помощь.

Ждать им пришлось... семь месяцев. Снова они голодали, страдали от болезней, от тропических ураганов, от укусов ядовитых насекомых, которых во множестве плодил пропитанный влагой лес. Но Писарро, деливший с товарищами все труды и лишения, не давал угаснуть мужеству своих спутников, подбадривал их, настойчиво внушал им веру в окончательный успех дела. И день за днем они обшаривали глазами пустынный горизонт в надежде увидеть долгожданные паруса каравелл.

Между тем в Панаме Луке и Альмагро не теряли времени. Как ни возмущен был губернатор самоуправством Писарро, отказавшегося выполнить приказ, бросить его с товарищами на произвол судьбы он не посмел. Луке и Альмагро доказывали ему, что упрямство их компаньона в конечном итоге диктовалось интересами испанского короля и мадридские власти могли не одобрить действий губернатора. Скрепя сердце губернатор наконец отправил к острову Горгона один корабль, но без всяких подкреплений солдатами и со строгим приказом Писарро возвратиться в Панаму не

позднее чем через шесть месяцев, каковы бы ни были результаты экспедиции.

Разочарованные отсутствием подкреплений, но довольные уже тем, что могут продолжать плавание, Писарро и его товарищи двинулись морем на юг и вскоре достигли перуанского города Тумбес.

Еще в тот раз, когда испанцы встретили в океане парусный плот со знатными перуанскими путешественниками, они оставили у себя нескольких индейцев с этого плота, чтобы те могли рассказать в Панаме о богатствах своей страны и научиться говорить по-испански. Теперь они служили переводчиками в переговорах Писарро с властями Тумбеса. Они рассказали своим соплеменникам о могуществе белых людей, об их огнестрельном оружии и подтвердили мирные намерения испанцев. Писарро и его товарищи, не имея в своем распоряжении достаточных сил для завоевания империи, скрывали свои будущие цели и даже притворялись, что их не интересует золото. Испанцы одаривали индейцев дешевыми безделушками, приводившими их в восторг, с почетом принимали знатных инков на своем корабле и выказывали самые дружеские чувства к туземцам. Это была мирная разведка перед будущим завоевательным походом. Слух о добрых и приветливых бородатых белых людях, об их плавучем дворце, об изрыгающем гром оружии и о невиданных животных, привезенных ими с собой (то были свиньи и куры, неизвестные перуанцам), катился по прибрежным городам Перу, и чужестранцы повсюду встречали гостеприимство властей и населения. Их снабжали продуктами, тропическими плодами и водой, их оделяли щедрыми подарками, и наивные подданные Инки открывали перед ними свои дома и сердца, совсем не подозревая, что сулит им этот визит «детей Солнца», как прозвали они испанцев.

А испанцы смотрели во все глаза и видели, что оправдываются их самые дерзкие ожидания. Слухи, которые привели их в империю инков, стократно подтверждались, Писарро и его товарищи попали в обильную и богатую страну. Города и деревни были окружены хорошо возделанными тучными полями, большие стада невиданных европейцами лам бродили по пастбищам, люди жили в довольстве, а в домах знати, во

дворцах и храмах они видели много искусно обработанных изделий из золота и серебра, дорогие ткани тончайшей выделки. Им рассказывали о сказочных богатствах самого Инки и столицы империи Куско, где собраны в храме Солнца Кориқанча бесчисленные сокровища.

Писарро проплыл вдоль перуанского побережья, посетив несколько городов и деревень. И когда он, покинув эту так гостеприимно встретившую его страну, повернул на север, конкистадор знал, что возвращение в Панаму будет его триумфом. Он вез с собой золотые и серебряные вазы и украшения, дорогие перуанские ткани, нескольких живых лам. А главное, у него были теперь неоспоримые доказательства огромных богатств Перу, и он твердо верил, что планы завоевания империи инков получат полную поддержку.

Прибытие корабля в Панаму, диковинки, привезенные путешественниками, и их взволнованные рассказы о Перу взбудоражили всю колонию. Для Альмагро и Луке, над которыми уже смеялись, как над простаками, ввязавшимися в бесплодную авантюру, наступили дни торжества. Но, к разочарованию троих компаньонов, губернатор отказался помогать им в дальнейшем — у него хватало хлопот и в своей колонии. Оставалось одно — обратиться прямо к королю. Хотя суровый солдат Писарро предпочитал седло и походную палатку, было решено, что ехать ко двору надо именно ему. Захватив с собой богатые подношения королю, несколько лам и взяв в свою свиту одного из перуанских индейцев, конкистадор отплыл на родину.

Испания встретила блудного сына сначала негостеприимно, и он угодил в тюрьму за какой-то старый невыплаченный долг, но был освобожден, как только при дворе стало известно о его миссии. Сам император Карл V принял Писарро в Толедо, с благосклонным интересом отнесся к экзотическим подаркам и внимательно выслушал рассказ своего вассала о его приключениях в сказочной стране Перу. Властям было приказано способствовать конкистадору в его предприятии. Он был назначен губернатором будущей перуанской колонии Испании, Луке получил звание епископа, а Альмагро — другие почетные должности и титулы. Писарро вернулся в Панаму с хорошо вооруженным

отрядом, в котором среди других дворян были и его три брата — Гонсало, Хуан и Эрнандо. В январе 1531 года на нескольких кораблях отправилась на юг новая, третья экспедиция. Целью ее было прямое завоевание Перу.

Обстановка в империи инков благоприятствовала замыслам конкистадоров. За несколько лет до этого умер Инка Уайна Капак, сын знаменитого завоевателя Чили Тупака Юпанки и сам победоносный полководец, войска которого покорили индейцев нынешнего Эквадора и заняли город Кито, ставший второй после Куско столицей государства. Опытный и умный правитель, Уайна Капак, говорят, предсказал незадолго до смерти крушение трона Инков, когда ему доложили о первом появлении бородатых белых людей и об их могуществе. Лишь одну непоправимую ошибку допустил этот мудрый Инка: на смертном одре он разделил империю между двумя своими сыновьями, посеяв тем самым семена раздора в стране.

Законным наследником Уайны Капака был его сын Уаскар, живший в Куско. Но Инка провел многие годы в завоеванном им Кито, и там от местной принцессы у него родился сын Атауальпа, ставший любимцем отца и воспитывавшийся при нем. Умирая, Уайна Капак завещал, чтобы Атауальпа правил землями вокруг Кито, а Уаскар — остальной империей. Вскоре между наследниками вспыхнула вражда, и в 1532 году, за несколько месяцев до вторжения испанцев, Перу было охвачено гражданской войной. Атауальпа разбил войска Уаскара, захватил его в плен, истребил его родню, пощадив лишь младшего брата Манко Капака, и объявил себя Инкой. Но дни великой империи уже были сочтены.

Франсиско Писарро высадился со своим отрядом на побережье Перу, занял большой город Тумбес и неподалеку от него заложил свой укрепленный опорный пункт Сан-Мигель. Теперь он открыто заявлял, что пришел сделать перуанцев подданными испанского короля и обратить их в христианскую веру.

Атауальпа с многотысячной армией стоял за Кордильерами у города Кахамарки. Писарро с обычной своей дерзостью, не дождавшись подкреплений, которые должны были прибыть из Панамы, с отрядом не-

многим более полутораэта человек двинулся через горы, оставив часть людей в Сан-Мигеле.

Он отправил посольство к Инке, уверяя его в своих дружественных намерениях. Избегая открытого насилия, испанцы шли в глубь страны и повсюду встречали приветливый и радушный прием простого народа, считавшего их существами высшего порядка. Отряд Писарро получал необходимый провиант в городах и на дорогах из государственных складов инков, и перуанцы нигде не оказывали сопротивления иноземным пришельцам. Даже крепости, запирающие путь через Кордильеры, были покинуты гарнизонами. Атауальпа издали настороженно и зорко следил за продвижением белых, но ничем не мешал им. Он рассудил, что при всем могуществе чужестранцев эта горсточка людей, зайдя в глубину незнакомой им страны, неизбежно окажется бессильной перед ним и его мощной армией.

Карабкаясь и ведя лошадей по крутым горным дорогам, над бездонными пропастями, переправляясь через бурные реки, поднимаясь все выше на суровые холодные вершины, испанцы преодолели хребты Кордильер, вышли в зеленую долину, где лежала Кахамарка, и увидели покинутый жителями город, а за ним, на возвышенности, лагерь войск Инки. Вид этого обширного лагеря смутил многих, но пути к отступлению не было, и Писарро, воодушевляя товарищей, приказал им занять опустевший город.

Он понимал, что только дерзость и хитрость могут спасти его отряд. Показать свою слабость было нельзя: стоило попятиться назад — и вся армия Инки обрушилась бы на испанцев, истребляя их в узких ущельях и на горных дорогах Кордильер. Об открытом бое в долине Кахамарки не приходилось и думать — перуанские войска численно превосходили конкистадоров в сотни раз, и ни верховые лошади, ни латы, ни огнестрельное оружие, которого тем более не хватало, не спасли бы горсточку завоевателей. Но решать свою судьбу надо было скорее, без промедления, — оно могло бы дорого обойтись. Пока что белых людей в глазах индейцев окружал некий суеверный ореол, и слухи о безграничном могуществе пришельцев сопутствовали им. Можно было предполагать, что Инка и его приближенные окажутся гораздо пронырливее своих под-

данных и, присмотревшись к иноземцам, поймут, что их сила имеет свои пределы и что многократный перевес перуанской армии обеспечивает ей победу. Обстановка требовала от предводителя испанцев решения быстрого и необычного.

И тогда у Писарро возник отчаянно смелый и коварный план. Он решил пригласить Инку посетить его в покинутом перуанцами городе и внезапно, предательски, напасть на гостей.

С трех сторон центральной площади в Кахамарке стояли здания казарм, где обычно размещались войска Инки. В этих казармах Писарро спрятал своих кавалеристов и пехотинцев. Инка принял приглашение испанцев, ничего не подозревая, не допуская и мысли, что горсточка белых, зашедшая в глубину его владений, стоящая перед лицом его огромной армии, посмеяла бы посягнуть на божественную и неприкосновенную особу главы государства. Когда он, несомый в золотом кресле на плечах своих приближенных, вступил на площадь, возвышаясь над своей многочисленной, пышной, но безоружной свитой, ему навстречу испанцы выслали монаха. С крестом в одной руке и Библией в другой, монах стал убеждать Инку отказаться от веры своих предков и перейти в христианство. Оскорбленный и разгневанный Атауальпа швырнул Библию на землю. И тотчас же, по знаку, данному Писарро, загремели выстрелы, приводя в ужас индейцев, и на площадь ринулись конные и пешие испанцы с громким боевым кличем.

Это была бойня, в которой конкистадоры перебили сотни безоружных приближенных Инки. Сам Атауальпа оказался пленником Писарро и был помещен под усиленную охрану, с индейской флегматичностью восприняв неожиданный поворот своей судьбы.

Вот когда сказалась вся шаткость империи инков, скрепленной и сцементированной воедино лишь одной обожествленной личностью своего правителя, вознесенного на недостижимую для людей высоту, отделенного от своих подданных неодолимыми для смертного преградами. Его многотысячная армия, стоявшая под Кахамаркой, при известии о пленении Инки в ужасе разбежалась, преследуемая конкистадорами. Все богатства, находившиеся в лагере, попали в руки захват-

чиков. С той же раболепной покорностью, с какой народ веками подчинялся власти Инки, он воспринял весть о его плене, и во всей стране не нашлось вождя, который поднял бы миллионы ее жителей на борьбу с чужеземными завоевателями и попытался освободить своего императора. Полторы сотни заморских авантюристов, накануне считавших себя обреченными на гибель, одним мгновенным ударом покончили с грозным противником и оказались полновластными хозяевами огромной и сказочно богатой империи. Они сами не верили своей удаче.

Лишив Инку свободы, Писарро окружил его почетом и вниманием, достойными царственного пленника. Ближе познакомившись с белыми людьми, Атауальпа вскоре заметил, с какой жадностью они бросаются на золото. И тогда Инка предложил им выкуп за себя, обещая наполнить одну комнату доверху золотом, а другую — серебром. Предложение с готовностью приняли, и во все концы империи были отправлены посланцы Инки. Караваны лам, навьюченных драгоценным грузом, потянулись отовсюду к Кахамарке, и горы золота и серебра в обеих комнатах росли все выше, возбуждая жадность испанцев.

Атауальпа опасался только одного — своего брата по отцу Уаскара, которого он взял в плен и содержал под стражей в другом городе. В самом деле, Уаскар из своего заключения апеллировал к вождю испанцев, обвиняя Атауальпу в незаконном захвате трона, и Писарро решил с выгодой для себя использовать его претензии. Узнав об этом, Атауальпа через своих посланцев приказал охране умертвить Уаскара. Но это убийство решило и его судьбу.

К тому времени в Кахамарку прибыл Альмагро с новыми подкреплениями, и Писарро почувствовал себя гораздо увереннее. Обещанный Атауальпой выкуп был почти собран, но испанский предводитель вовсе не хотел освобождать Инку, понимая, как опасен он будет на свободе. Смерть Уаскара дала ему в руки нужный предлог. Атауальпу обвинили в убийстве брата и в заговоре против испанцев. Он был казнен, а на трон инков возвели младшего брата Уаскара Манко Капака, которого Писарро надеялся превратить в свою послушную марионетку.

В ноябре 1533 года завоеватели вступили в столицу империи Куско. Начался повальный грабеж храмов и дворцов города. Как было и в Кахамарке с баснословным выкупом Атауальпы, все добытые сокровища сваливались в одну кучу, из них отбирали пятую часть, шедшую в королевскую казну, а остальное делили между всеми участниками похода в зависимости от заслуг каждого. Получив свою долю и не обращая внимания на изящество работы перуанских ювелиров, на тонкость выделки украшений или других предметов из золота и серебра, большинство конкистадоров тут же переплавляло добычу в золотые и серебряные слитки, чтобы их удобнее было отправлять на родину, и это варварство завоевателей навсегда лишило человечество удивительных образцов искусства инков.

Какому-то из солдат Писарро при дележке досталось в качестве его законной доли золотое изображение Солнца, которое несколько веков украшало храм Кориқанча. Солдат этот был азартным картежником и в тот же вечер, сев играть с товарищами, к утру проиграл им золотое Солнце. История даже сохранила имя отпетого игрока, а в испанском языке с тех пор существует шуточная поговорка: «Проиграть солнце до восхода».

Отделив королевскую долю добычи, Франсиско Писарро отправил ее в Испанию со своим братом Эрнандо. Прибытие сокровищ произвело сенсацию при дворе, Эрнандо был ласково принят Карлом V, и на Писарро и Альмагро снова посыпались королевские щедроты (третий компаньон, Луке, к тому времени уже умер). Слухи о несметных богатствах Перу распространились по всей Испании, и поток добровольцев дал возможность Эрнандо возвратиться к брату с новыми подкреплениями.

Но к этому времени обстановка в Перу сильно осложнилась. Помня о славе своих предков и видя, что он оказался лишь игрушкой в руках Писарро, новый Инка Манко Капак бежал из Куско и поднял перуанцев на борьбу с захватчиками. Белые люди уже показали себя индейцам как жестокие палачи и жадные грабители, прежний ореол вокруг них развеялся, и по всей стране начались восстания против новых хозяев, грозившие превратиться в широкую освободительную

войну. Эти события отягчались еще и тем, что давнее соперничество между прежними союзниками — Писарро и Альмагро — обострилось и грозило перейти в открытую вражду.

Пока что ее удалось предотвратить. Альмагро с частью войск отправился на юг, завоевывать Чили, а Писарро тем временем пришлось вести нелегкую войну с Инкой. В то время как он усмирал восстания вокруг основанной им Лимы и в соседних областях, Инка во главе большой и сильной армии осадил Куско, защитников которого возглавил Эрнандо Писарро, а два других брата — Хуан и Гонсало — были тоже в числе командиров испанского гарнизона. Больше пяти месяцев продолжались у стен столицы жестокие бои, в которых пал Хуан Писарро. Только начавшийся сезон полевых работ и трудности снабжения армии заставили Инку снять осаду. Он засел в сильной крепости Тамбо, и испанцы тщетно пытались штурмовать ее. Потом Инка ушел в труднодоступные лесистые горы в долине реки Урубамбы, где находилась древняя столица его предков — Вилкапампа. Оттуда он продолжал борьбу против испанцев, нападая на их мелкие отряды и караваны. Имя Манко Капака вызывало страх у завоевателей вплоть до его смерти в 1544 году.

Эта же горная столица Вилкапампа служила резиденцией двум последним Инкам, сыновьям Манко, — Тито Кузи и Тупаку Амару. Но индейцы свято берегли тайну ее местонахождения, ни один европеец никогда не видел этого города. Даже когда в 1572 году испанцы окончательно разбили войска Тупака Амару, а самого его захватили в плен и казнили, они так и не обнаружили Вилкапампы, и этот город на протяжении нескольких столетий оставался загадкой для историков.

Говоря о завоевании Перу, невозможно обойти молчанием эпопею открытия Амазонки, связанную с именем Гонсало Писарро. Среди многих кровавых и позорных страниц конкисты эта эпопея отмечена высоким мужеством и истинным героизмом ее участников, сумевших вынести испытания необычайные, казалось лежащие за пределами сил человека.

Уже давно от индейцев, населявших северные области империи — земли нынешнего Эквадора, конкистадоры слышали рассказы о легендарной стране пря-

ностей, лежащей где-то далеко на востоке за цепями Кордильер. Пряности, тогда очень дорогие в Европе, представляли лакомую добычу для завоевателей. Когда Франсиско Писарро назначил своего брата губернатором Кито, он приказал ему организовать экспедицию на восток с целью поисков страны пряностей.

Гонсало Писарро организовал ее с широким размахом и сам встал во главе предприятия. В начале 1540 года из Кито выступил отряд из 350 испанцев и 4 тысяч индейцев с большим продовольственным обозом, который должен был надолго обеспечить экспедицию.

Первые испытания начались в Кордильерах. Чем выше поднимался отряд по крутым и извилистым горным тропам, тем нестерпимее становился холод, и ледной ветер, скатываясь со снежных вершин, дул в лицо путешественникам. Непривычные к холоду индейцы страдали особенно сильно и умирали десятками. Вдобавок экспедиция пережила одно из нередких в этой вулканической области катастрофических землетрясений, когда горы ходили ходуном и разверзшиеся трещины, изрыгая клубы серного дыма, поглощали порой индейские деревни.

Иные трудности ждали экспедицию, когда она спустилась по восточным склонам Кордильер. Теперь неделя за неделей над головами путников бушевали тропические грозы, обрушивались на землю бешеные потоки воды. Люди, мокрые до нитки, не просыхающие, задыхались во влажной жаре и с трудом продвигались по вязкой, превратившейся в болото почве.

После нескольких месяцев выматывающего путешествия они наконец пришли в землю, где были целые леса тех деревьев, из коры которых делают драгоценную корицу. Увы, практического результата это открытие не имело — как вывезешь корицу из такой глуши? Можно было возвращаться назад, но в это время Гонсало Писарро и его товарищи услышали от местных индейцев, что еще дальше к востоку, на расстоянии десятидневного пути, лежит плодородная и густонаселенная страна, богатая золотом. Они решили продолжить путешествие.

Это было роковой ошибкой. Дальше на восток на сотни и тысячи километров тянулась сельва — зеле-

ный океан непроходимого тропического леса. Необхватные деревья смыкались густыми кронами высоко наверху, а внизу, в лесном полусумраке, под ногами людей чавкала болотная жижа, и плотная растительность, перевитая лианами, стеной преграждала дорогу так, что приходилось прорубать себе путь топорами и ножами. Лес был полон ядовитых испарений, кишел смертоносными змеями, могучими удавами, болезненно жалящими насекомыми и хищными зверями. Вдобавок начался голод — продукты быстро гнили и портились в жарком климате; съедены были свиньи, взятые из Кито, за ними в пищу пошли собаки, а потом дикие животные и даже змеи, которых удавалось убивать в сельве. Питались плодами деревьев, ели корни растений, но они часто оказывались ядовитыми. Смерть сопровождала экспедицию, следовала за ней по пятам.

Шли дни, недели, месяцы, а земли, о которой говорили индейцы, все не было. Наконец, экспедиция вышла к большой реке, одному из притоков Амазонки — Напо. Продвигаясь вдоль берега в надежде найти поселения, путешественники прорубались через еще более густой лес. Потом вдали послышался гул. Он становился громче и грознее с каждым километром пути и казался голосом какой-то страшной и зловещей стихии.

То был гигантский водопад. Могучая река низвергла свои воды со скалистого обрыва высотой около четырехсот метров. Водопад далеко сотрясал землю, и грохот его еще долго слышался за спиной путников. Зато за водопадом река заметно сузилась, и по шаткому, с трудом наведенному мосту отряд переправился на другой берег. Там оказались поселения, но жители их держались враждебно и воинственно, пытаясь нападать на пришельцев. От индейцев удалось узнать, что ниже по течению Напо лежат более населенные земли.

Но силы путешественников иссякали. В отряде было много больных и ослабевших — они уже не могли продолжать поход. И Гонсало Писарро решил строить корабль и отправить часть своих людей вниз по реке за помощью.

Лесу кругом хватило бы для строительства боль-

шого флота. Из железных подков, снятых с давно павших лошадей, делали гвозди. Два месяца на берегу Напо кипела работа, и в конце концов грубый, но надежный корабль был спущен на воду — первая европейская бригантина в бассейне Амазонки. На нее посадили больных и слабых, погрузили почти весь обоз экспедиции, и во главе этого плавучего авангарда Писарро поставил кавалера Франсиско де Орельяну. Корабль должен был доплыть до первого крупного поселения и вернуться назад с запасом провианта. Унося с собой надежды всех оставшихся, бригантина, подхваченная быстрым течением, вскоре исчезла из виду. А экспедиция продолжала свой страданный путь, и в пищу уже шли даже ремни от конской сбруи и кожаные пояса солдат.

Прошло несколько недель, от уплывших вперед товарищей не было никаких вестей, а изнуренные до предела путники достигли того места, где Напо вливается в Амазонку. По рассказам индейцев, там должна была лежать населенная область, но ее не оказалось — вокруг стоял тот же бесконечный тропический лес.

И вдруг откуда-то из этой густой чащи навстречу испанцам, шатаясь, вышел полуголый, превратившийся в ходячий скелет белый человек. Хотя Гонсало Писарро и его товарищи сами давно потеряли нормальный людской облик, исхудавшие, обросшие длинными бородами, в грязных лохмотьях изодранной, сгнившей одежды, они с трудом узнали в этом человеке кавалера Санчеса де Варгаса, мужественного и прямодушного солдата, одного из тех, кто отплыл вместе с Орельяной вниз по реке. Рассказ, который они услышали от него, потряс их и, казалось, отнял все надежды на спасение.

Корабль в несколько дней доплыл до Амазонки, но Орельяна не нашел тут поселений, где можно было бы пополнить запасы провианта. Попытки повернуть назад заканчивались неудачей — быстрое течение оказалось непреодолимым препятствием. Оставалось два выхода — ждать подхода отряда на месте или идти ему навстречу, прорубаясь через сельву.

Однако Орельяна решил действовать по-иному. Он предложил своим спутникам на корабле плыть по

Амазонке, пока они не достигнут океана, а потом отправиться в Испанию и заявить об открытии новых земель, через которые пройдет их путь. Нимало не заботясь об участи своих товарищей, оставшихся в лесных дебрях, спутники Орельяны согласились с предложением. Только один из них, Санчес де Варгас, отверг этот план, как черное предательство, противное чести дворянина и солдата. Тогда его безжалостно высадили на берег и оставили одного в лесу в добычу голоду и диким зверям. Казалось чудом, что этот смелый человек сумел дойти до своих.

Орельяна тоже почти чудом проплыл на своем корабле по всей Амазонке, через ее бешеные пороги и стремнины, встречая на пути воинственные племена индейцев и переживая многочисленные приключения. Выйдя в океан, корабль сумел доплыть до Испании, и там Орельяна и его спутники, дополняя действительное фантастическими вымыслами, соблазнили многих на участие в новой экспедиции в район Амазонки. Осуществить ее не удалось — Орельяна умер на пути туда, а области эти вскоре подпали под власть Португалии.

Можно себе представить, что испытали Гонсало Писарро и его товарищи, выслушав рассказ Санчеса де Варгаса о том, как их бросили на произвол судьбы. Теперь, казалось, путешественников ждет неизбежная гибель от голода, диких зверей и индейских стрел, и даже могилы их останутся неизвестными в этой лесной глуши.

И тогда произошло нечто похожее на ту знаменитую сцену, которая за несколько лет до того разыгралась на тихоокеанском острове Петуха. Гонсало Писарро недаром носил свою фамилию, и в жилах его текла та же кровь, что и у его брата Франсиско, кровь солдата и авантюриста с неиссякаемой энергией, с негибимой волей и верой в себя. Во все время тяжелого путешествия, длившегося уже больше года, он всегда подавал пример мужества, выносливости и терпения своим спутникам. Как простой солдат, он делил с ними все труды и лишения, ел ту же, что и другие, скудную порцию пищи, прокладывая путь сквозь лес, с топором в руках строил корабль. Ему беспрекословно повиновались, ему верили и его любили. И он даже в этой

критической обстановке не позволил товарищам поддаться унынию.

Он обратился к ним с зажигательной речью и призвал в час испытаний показать себя достойными сынами гордой Кастилии. Если они сумеют вернуться, сказал он, их мужество и твердость духа будут навеки легендарным примером для других. Он обещал, что поведет их назад в Кито через этот проклятый лес более короткой дорогой и что на пути они, несомненно, должны встретить те изобильные и богатые земли, о которых твердили индейцы.

Такова была эта речь, что солдаты Гонсало почувствовали новый прилив сил. Да и они понимали — иного выхода нет. Отряд двинулся в обратный путь.

Он длился год с лишним. Когда, почти два с половиной года спустя после начала этой экспедиции, ее остатки пришли в Кито, из 350 испанцев в живых было только 80, и половина из 4 тысяч индейцев не вернулась домой. До предела истощенные, покрытые шрамами и язвами, в одежде из звериных шкур, с длинными бородами, с волосами до плеч, они с трудом передвигали ноги и показались своим соотечественникам выходцами с того света. Но мужество и твердость этих людей в самом деле остались в памяти современников и потомков.

И все же главными чертами перуанской конкисты были кровавые убийства и грабеж, обман и коварство, жестокость и алчность. Конкистадоры плохо начали, и глубоко символичен тот факт, что и кончили они плохо. История словно отомстила им за все злодеяния, вставив их обратить против самих себя оружие, обогрешенное кровью индейцев.

Давно зревшие недоверие и неприязнь между Франсиско Писарро и Диего де Альмагро вылились в открытое столкновение. Вернувшись из тяжелого завоевательного похода в Чили, Альмагро заявил претензии на владение городом Куско и занял его. В 1537 году между ним и Писарро началась гражданская война, в которой бывшие друзья и сообщники жестоко истребляли друг друга. Год спустя отряды Альмагро потерпели полное поражение от войск под командованием Эрнандо Писарро. Сам Альмагро был схвачен, предстал перед судом и по его приговору каз-

нен. Вскоре после этого Эрнандо Писарро по поручению брата отплыл в Испанию с отчетом о происшедших событиях.

А еще через три года в Лиме группа заговорщиков-альмагристов, мстя за смерть своего вождя, внезапно напала на губернатора в его резиденции. Захваченный врасплох, Франсиско Писарро храбро защищался, но был убит. Заговорщики провозгласили губернатором колонии молодого Альмагро — сына казненного конкистадора.

Но в Перу вскоре прибыл посланный уже давно из Испании королевский судья Вака де Кастро. Правительством ему была поручена должность королевского советника при Франсиско Писарро, а в случае смерти последнего Вака де Кастро имел полномочия принять пост губернатора. Умный и дальновидный политик, он сумел собрать достаточные силы и в 1542 году разбил заговорщиков. Молодой Альмагро, захваченный победителями, разделил участь своего отца.

Обеспокоенное событиями в Перу и бесконтрольным господством конкистадоров в этой стране, королевское правительство в Мадриде приняло законы, которые ограничивали их власть и ставили преграды на пути обогащения за счет индейцев. Эти законы вызвали резкое недовольство белого населения колонии, грозившее превратиться в прямое возмущение. Конкистадоры обвиняли двор в неблагодарности к их заслугам и готовы были снова взяться за оружие. Естественным вождем, к которому обращались взоры недовольных, был последний из братьев Писарро — Гонсало, лишь сравнительно недавно вернувшийся из своего беспримерного похода на Амазонку. Теперь он правил землями в районе реки Ла-Платы и там, разрабатывая серебряные копи, добыл себе большие богатства.

События были ускорены тем, что умного и толкового дипломата Вака де Кастро, хорошо понимавшего все сложности внутренней обстановки в Перу и умевшего ловко маневрировать, соблюдая интересы короны, отозвали в Испанию, а на его место прибыл назначенный вице-королем знатный дворянин Бласко Нуньес. Он повел иную политику, жестко проводя в жизнь новые законы короля и не считаясь с недовольством. Колонисты призвали на помощь Гонсало Писарро, и

тот, сформировав сильное войско, выступил открыто против вице-короля.

В 1546 году армия Бласко Нуньеса была разбита, а сам он, раненный на поле боя, был обезглавлен рукой одного из сторонников Писарро. Гонсало Писарро стал полновластным хозяином Перу, и восставшие провозгласили его губернатором колонии.

Испанское правительство не собиралось мириться с бунтом конкистадоров. В Перу с чрезвычайными полномочиями от короля был отправлен другой опытный политик — церковник Педро де ла Гаска, который начал борьбу с Писарро. Она шла почти год и закончилась поражением восставших. Гонсало Писарро был обезглавлен.

Столь бесславно закончили свое существование члены этой фамилии, сыгравшей такую важную роль в завоевании Перу. Лишь старший из братьев, Эрнандо Писарро, остался в живых, но участь его также была трагической. Посланный в Испанию, он под влиянием друзей казненного Альмагро был заключен в тюрьму и провел в ней долгие годы, пережив всех своих братьев и выйдя на свободу глубоким стариком, лишенным всех своих прав и богатств. Он не вернулся в Перу, которое после казни Гонсало было уже прочно закреплено за испанской короной на два с лишним столетия, вплоть до освободительной революции в двадцатых годах девятнадцатого века, когда страна сбросила власть одряхлевшей монархии и провозгласила себя независимой республикой.

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Завоевание Перу испанцами было одной из самых кровавых страниц мировой истории. Если перед вторжением конкистадоров население империи инков насчитывало приблизительно от 8 до 12 миллионов человек, то через какие-нибудь сорок лет, к 1570 году, когда в основном закончилось покорение страны, в Перу осталось всего полтора миллиона жителей. И истребление индейцев продолжалось — колонизаторы установили жесточайший режим эксплуатации и превратили коренных жителей в бесправных рабов.

Испанские правители на местах — коррехидоры, помещики, владельцы рудников и мастерских были бесконтрольными хозяевами жизни и смерти индейцев. Они ввели в практику изощренные до издевательства способы грабежа крестьян и ремесленников. Установленная для индейцев подушная подать взималась по нескольку раз в год, причем ее заставляли платить за неработоспособных стариков, за женщин, за детей, даже за покойников и за младенцев, еще находившихся

в утробе матери. Малейшая недоимка наказывалась отправлением на рудники, откуда люди редко возвращались живыми, или в мастерские, где работа шла от зари до зари, а за невыполнение дневной нормы полагались плети. Смертность среди индейцев была очень высокой, и колонизаторы пополняли недостаток рабочей силы за счет негров-рабов, вывезенных из Африки. Только верхушка индейской аристократии — так называемые касики (вожди), помогавшие испанцам в этом грабеже народа, — получала свою долю добычи.

Испанские короли смотрели на свои заморские владения лишь как на резервуар для выкачивания средств. Мадридский двор неустанно требовал золота. Огромные деньги тратились на содержание большого бюрократического аппарата и церкви. Эта постоянная утечка богатств из страны вызывала недовольство не только у крестьян и городской бедноты, но даже у местных помещиков-креолов, у владельцев рудников и мастерских, у торговцев. И по мере того как вступали в жизнь новые поколения и происходило постепенное перемешивание рас, все больше ослабевали связи с метрополией и люди все сильнее чувствовали себя не испанцами, а перуанцами.

Между тем испанская монархия неудержимо дряхла. К середине XVIII века Англия, Франция, Нидерланды уже далеко обогнали в своем развитии некогда всемогущую Испанию. Испанским властям становится все труднее удерживать в повиновении заокеанские колонии, и там все чаще происходят бунты и восстания против колонизаторов.

В Перу и до этого народ не раз поднимался на борьбу с испанскими властями, но в XVIII веке эти выступления приобрели особый размах. В 1742 году здесь вспыхнуло восстание крестьян во главе с Хуаном Сантосом, и восставшие даже попытались овладеть Лимой. С трудом королевским войскам удалось разбить их, но повстанцы еще много лет продолжали действовать в горных районах. Самое же крупное восстание, до основания потрясшее господство испанцев в Перу, вспыхнуло в 1780 году и было связано с именем Хосе Габриэля Кондорканки, Инки Тупака Амару Второго.

Хосе Габриэль Кондорканки, родившийся в 1740 году, был весьма примечательной личностью. Он при-

надлежал к высшей индейской аристократии — был сыном касика и сам стал касиком местечка Тунгасока. Титул Инки он носил недаром — он был прямым потомком дочери последнего перуанского императора Тупака Амару, после упорной борьбы захваченного и казненного испанцами. Выросший в довольстве и даже в роскоши, он получил хорошее образование — окончил католический колледж в Куско, а потом учился в университете Сан-Маркос в Лиме. В дополнение к своему родному языку кечуа он хорошо владел испанским и знал латынь. Судя по всему, в университете он познакомился с идеями французских энциклопедистов, которые оказали на него свое влияние. В 20 лет молодой касик женился на Микаэле Бастидас Пуюкауа, которая не только родила ему троих сыновей, но стала верным товарищем и талантливым боевым соратником своего мужа, хотя и оставалась совершенно неграмотной женщиной.

Как описывают его современники, Хосе Габриэль Кондорканки был высоким человеком с красивым лицом, обрамленным длинными черными волосами, с большим темными глазами и типично индейским орлиным носом. Всегда роскошно одетый в шелка и бархат, с золотыми и серебряными украшениями, он держался с природным достоинством аристократа, но всегда был добр и внимателен к людям. Получив богатое наследство от отца, он занялся посреднической торговлей и много путешествовал по стране. Эти постоянные поездки хорошо познакомили его с тяжелой жизнью народа, и он, пользуясь своим положением, не раз обращался к властям, указывая на отчаянные условия, в которых находятся индейцы. Однако обращения эти оставались бесплодными, и молодой касик все больше приходил к убеждению, что только вооруженное восстание может облегчить участь его земляков. Как потомок Инков, он решил организовать и возглавить это восстание.

Оно началось 4 ноября 1780 года судом над одним из жестоких королевских чиновников — местным коррехидором — и его казнью. При этом Хосе Габриэль Кондорканки заявил, что он действует от имени короля Испании, выполняя его поручение. Но уже вскоре, видя широкую поддержку народа, он прямо призвал

людей к борьбе против власти колонизаторов, отменил все ненавистные подати и повинности и провозгласил восстановление инкского государства, а себя самого Инкой Тупаком Амару Вторым. В короткое время многие тысячи индейцев, креолов, метисов, негров влились в его отряды, и он, двинувшись в сторону Куско, наголову разбил высланный оттуда ему навстречу отряд карателей. Путь на древнюю столицу инков был открыт, и испанские власти в городе слали отчаянные призывы о помощи в Лиму.

И тут Тупак Амару совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы использовать плоды своей победы, двинуться на Куско и быстро овладеть этим городом, где у него было немало сторонников, он вернулся назад в Тунгасоку и принялся рассылать оттуда гонцов в разные районы Перу с призывами о поддержке его движения. Тщетно говорили ему об опасности промедления некоторые из приближенных Инки, и прежде всего его жена Микаэла. Эта женщина проявила необыкновенный организаторский талант и стала как бы заместителем Инки в тылу, взяв в свои руки снабжение его войск и пополнение их людьми. Одно за другим посылала она ему продиктованные секретарям письма, упрекая мужа в губительной медлительности, заявляя, что он ставит под угрозу судьбу своего дела.

Когда в декабре, вняв этим советам и уговорам, Тупак Амару двинул свое войско на Куско, было уже поздно. Местные власти успели расправиться с его сторонниками, сумели посулами и обещаниями привлечь на свою сторону колеблющихся, использовали против восставших авторитет церкви и объявили амнистию всем повстанцам, которые сложат оружие (исключая главарей). К Куско подоспели подкрепления, посланные из Лимы, и когда Тупак Амару в январе 1781 года начал штурм города, он был отбит и вынужден отступить.

Постепенно откалывались от восстания состоятельные креолы и метисы — помещики и владельцы рудников, испанцам удалось привлечь на свою сторону многих индейских касиков. Армия Тупака Амару, отступая с боями, слабела и таяла. В апреле 1781 года войска Инки были окружены и разбиты, а сам он с

женой и двумя сыновьями был выдан предателями и захвачен в плен. Подвергнутый страшным пыткам, он перенес их с непоколебимым достоинством и был мучительно казнен вместе с Микаэлой и детьми на площади в Куско.

Но некоторые из родных и приближенных Инки остались на свободе и продолжали борьбу. Восстание охватывало по временам новые районы и даже перекинулось на территорию Боливии, Колумбии и Венесуэлы. Только в 1783 году испанцам с трудом удалось подавить его последние очаги. Это восстание расшатало устои колониального господства испанских королей в Южной Америке и было предшественником освободительных революций в странах этого континента. Имя Тупака Амару навсегда осталось в памяти перуанцев и стало символом их борьбы за свободу и независимость.

Эта борьба с новой силой развернулась в начале XIX века. Предыдущий век дал человечеству великолепные примеры революционно-освободительного движения — победоносную войну североамериканских колоний за свою независимость, Великую французскую революцию, негритянскую революцию на острове Гаити. Такие события не могли не сказаться в Южной Америке — континенте, уже чреватом революцией. И когда войска Наполеона в 1808 году вторглись на территорию Испании, это эхом отозвалось в заокеанских колониях испанских королей.

Весной и летом того же года вспыхнули восстания в Верхнем Перу, но к концу 1809 года они были подавлены. Началась война за независимость в Венесуэле, в провинциях Рио-де-ла-Платы, в Новой Гренаде, в Чили. Она шла с переменным успехом — испанцы то терпели поражения, то теснили освободительные войска. В 1814 году новое восстание против колонизаторов началось в Куско, и повстанцы даже заняли крупный город Арекипу, но уже к весне следующего года были разбиты королевскими войсками. И хотя освободительная революция одержала важные победы в провинциях Рио-де-ла-Платы, в Колумбии, в Венесуэле, Перу по-прежнему оставалось главной цитаделью колониального господства Испании.

В 1818 году один из вождей освободительного дви-

жения генерал Сан-Мартин, завершив победой борьбу против испанцев в Чили, стал готовиться к походу на Перу. В 1820 году он с военной эскадрой и с войском в 4,5 тысячи человек отплыл из Вальпараисо и высадился южнее Лимы. Восторженно встреченный перуанскими патриотами, он, набирая силы, двинулся на столицу и занял ее. 28 июля 1821 года там, в Лиме, он провозгласил независимость Перу, объявив об отмене рабства негров и принудительных повинностей для индейцев.

Однако впереди была еще трудная борьба, и испанские войска сохраняли свои силы. А освободительная армия страдала от тяжелого климата и болезней, и Сан-Мартин понял, что без помощи извне он будет не в состоянии одержать решительную победу.

Самой яркой и авторитетной фигурой среди вождей южноамериканской революции был тогда Симон Боливар, которому народы этого континента навсегда присвоили титул «Либертадор» — «Освободитель». К нему, незадолго до этого ставшему президентом освобожденной Колумбии, обратился за помощью Сан-Мартин. Оба вождя встретились в эквадорском порту Гуаякиль, но встреча эта осталась безрезультатной. Положение в Колумбии еще далеко не стабилизировалось, и Боливар счел себя не вправе отвлекать оттуда свои войска, и вдобавок генералы разошлись во взглядах на будущее Перу — Сан-Мартин был сторонником конституционной монархии, а Боливар — убежденным республиканцем. Вернувшись ни с чем в Лиму и видя, что его авторитет в войсках падает, Сан-Мартин сложил свои полномочия и уехал в Чили, навсегда удалившись от общественных и военных дел. Власть в Перу перешла в руки хунты, которая не сумела противостоять роялистам и потерпела ряд поражений в борьбе. Тогда перуанский конгресс обратился к Боливару с настоятельным призывом возглавить борьбу.

Боливар сначала прислал в Лиму колумбийские войска под командованием одного из своих талантливых генералов — Сукре, а в сентябре 1823 года сам прибыл в перуанскую столицу, восторженно встреченный населением. Но торжествовать победу было еще рано. Хотя конгресс назначил его полновластным диктатором, Боливар оказался перед лицом очень трудных

обстоятельств. Против него начались интриги, плелись заговоры, вспыхнул роялистский мятеж в порту Кальяо, и предатели готовились сдать врагу Лиму, а прибытие подкреплений из Колумбии задерживалось. В конце концов Лиму пришлось оставить, и большая часть Перу снова оказалась под властью испанцев.

Отойдя к городу Трухильо, Боливар принялся укреплять свою армию. Он издал ряд важных законов, обеспечивших ему поддержку местного населения. Наконец подошли и войска из Колумбии. А силы роялистов постепенно слабели.

В августе 1824 года Боливар нанес противнику серьезное поражение на равнине Хунин и в декабре опять вступил в Лиму. 9 декабря произошло решительное сражение в районе Айякучо, между Куско и Лимой. Разгромив испанцев, войска Сукре заняли Куско. В январе был занят и Ла-Пас (нынешняя столица Боливии). Испанское владычество в Верхнем Перу было сокрушено, и год спустя прекратили сопротивление последние остатки роялистских войск. Созванное здесь учредительное собрание провозгласило на этих землях независимую республику, которую в честь заслуг освободителя назвало республикой Боливар, а впоследствии она стала зваться Боливией. Верховная власть была пока вручена Симону Боливару, а его заместителем назначен генерал Сукре.

В 1826 году, вернувшись в Лиму, Боливар разработал для новой республики конституцию. Тогда же она была принята конгрессом, и первым президентом Боливии был избран Сукре. Началась новая полоса истории перуанского народа.

КУСКО

Мы почти не отрывались от иллюминаторов самолета — внизу, под нами, сменяя одна другую, развертывались картины, полные сказочного величия и суровой красоты.

Горы, могучие и хмурые, то оголенные — красно-желтого камня, то темно-зеленые — покрытые густым лесом, громоздились от горизонта до горизонта. Иногда в стороне, одиноко возвышаясь над другими, медленно проплывала особенно высокая вершина, поблескивающая на солнце своим снежно-ледяным шлемом. По лабиринтам глубоких ущелий змеились реки, и даже отсюда, с самолетной высоты, было видно, что они стремительные и бурные. Кое-где горы раздвигались, уступая место нешироким зеленым долинам, и тогда на дне их виднелись, как казалось отсюда, тесно скученные домики деревень с поднимающимися над ними колокольнями церквей. И рядом — зеленые поля, порой взбирающиеся по горному склону лестницей террас.

Мы летели в Куско, город, выросший в глубине Кордильер, древнюю столицу Перу, колыбель великой империи инков. Он лежит на высоте 3400 метров над уровнем моря в долине, которую со всех сторон тесно обступили горы, и самолеты, как нам сказали, садятся здесь только днем — ночная посадка была бы слишком рискованной.

Наш самолет стал снижаться, потом накренился на крутом развороте так, что крыло в пугающей близости прошло около скалистой вершины. Впереди зазеленела долина, а за ней открылась густая россыпь красных черепичных крыш. Как-то очень быстро надвинулась земля, машина запрыгала на посадочной полосе и вырулила к зданию аэропорта.

В Куско мы приехали как гости местного университета, хотя и была пора студенческих каникул. В аэропорту нас встречали ректор и два университетских профессора — Уилберт Салас и Карлос Нуньес, ставшие нашими неразлучными спутниками и гидами во всех путешествиях вокруг Куско. Внешне чем-то похожие друг на друга — невысокие, плотные, они, видимо, были давними товарищами и приветливыми, веселыми людьми. Только Нуньес, с большой, коротко остриженной головой и темными роговыми очками, казался более серьезным и солидным, а подвижный, энергичный Салас был человеком характера иронического и то и дело сыпал остротами и шутками. Оба они, как и можно было ожидать от профессоров Кускинского университета, оказались кладезем знаний в области истории, быта и нравов древних инков.

Ректор тут же уехал по делам, сказав, что мы вскоре встретимся на обеде, который дает в нашу честь руководство университета, а Салас и Нуньес повезли нас на машине в небольшой туристский отель, скромно приютившийся на узенькой, как квартирный коридор, улочке, неподалеку от центра. Они тут же уехали, оставив нас отдохнуть и переодеться перед обедом, и обещали вернуться через два часа.

Мы еще не успели разойтись по своим комнатам и сидели в моем номере, обмениваясь первыми впечатлениями, как вдруг раздался стук в дверь, и на пороге появился молодой человек с лицом явно индейского

типа, смуглый и черноволосый. Он извинился и спросил: мы ли те русские, что приехали из Советского Союза? Потом он взволнованно и прочувствованно пожал наши руки и представился. Это был один из руководителей местной федерации профсоюзов. Снова извинившись, он сказал, что внизу, в вестибюле отеля, ждут руководители и активисты профсоюзных организаций Куско, и они пришли только затем, чтобы поприветствовать советских гостей. Они понимают, что мы устали с дороги, но просят разрешения зайти на две-три минуты лишь посмотреть на нас и сказать свое «добро пожаловать». Получив наше согласие, он выбежал, и в следующую минуту комната стала заполняться людьми.

Их было человек двадцать — двадцать пять. Они шли по коридору гуськом и поодиночке входили в комнату с такими торжественно-взволнованными лицами, как будто им предстояло свидание необыкновенной исторической важности. Поочередно они подходили к каждому из нас, молча пожимали руку и крепко обнимали. Эти молчаливые рукопожатия и объятия были красноречивее любых слов — столько братского тепла, любви и сердечности ощущалось в них. Пока в торжественной тишине длилась эта церемония, у меня и у моих товарищей, тронутых до глубины души, от волнения подступал к горлу ком.

То были рабочие люди, бедно одетые, в рваных и стоптанных башмаках, с большими и грубыми, бугристыми ладонями, со следами нужды и лишения на изможденных лицах, молодые и старые, мужчины и женщины. Только глаза у них радостно и растроганно светились, потому что они видели нас, гостей из той далекой страны, которая для каждого из них, рабочих людей, была примером и воплощением надежд на лучшее, справедливое будущее. И мы сами, видя эти обращенные на нас восторженные и нежные глаза бедняков, вдруг почувствовали свою значительность, не личную, а общественную, гражданскую, и с какой-то особой остротой постигли ответственность и важность своей миссии.

Заполнив всю небольшую комнату, они стояли, молча и неотрывно глядя на нас. Большинство их, видимо, были чистокровными индейцами — смуглые

удлиненные лица, черные с блеском волосы, крючковатые орлиные носы. Потомки древних инков, они пришли приветствовать советских людей на исконной земле своих предков, и что-то глубоко символическое было в этом посещении.

Тут неуместными казались речи, и мы просто взволнованно поблагодарили их. Молодой руководитель заторопил наших посетителей, сказав, что мы должны отдыхать с дороги, и вся церемония повторилась в обратном порядке — гости обнимали каждого из нас и один за другим скрывались за дверью. Хотя мы больше так и не видели никого из них во все время нашего пребывания в Куско, мы не раз вспоминали молчаливое и прочувствованное «добро пожаловать», каким встретили нас в первый час приезда хозяева этой древней земли.

Днем был обильный и вкусный обед с ректоратом и профессорами университета в загородном ресторане на открытом воздухе, обед с чинными тостами вначале и с веселыми, непринужденными шутками в конце. После этого нас снова отвезли в отель на отдых и лишь вечером повели на концерт народных танцев в местный Дом культуры, а осмотр города был назначен на следующий день. Наши заботливые хозяева Салас и Нуньес не хотели слишком загружать нас в первый день, так как непривычному человеку надо сначала акклиматизироваться в Куско.

Все дело в высоте 3400 метров над уровнем моря, это не шутка, и хотя на первых порах ты не очень замечаешь влияние этой высоты, оно вскоре неизбежно скажется.

Не то чтобы ты чувствовал разреженность воздуха. Правда, иногда хочется лишний раз вздохнуть, но в общем это тебя не беспокоит. Нельзя пожаловаться и на то, что сердце болит, — просто начинаешь ощущать его, не больше. Нет, высота, а вернее, недостаток кислорода на этой высоте проявляет себя по-другому.

Пусть даже ты хорошо отдохнул, нормально выспался и утром встал свежим и полным энергии. Этого запаса бодрости хватит ненадолго. Пройдет три-четыре часа — и появляются усталость, слабость, апатия, словно ты все время занимался изнурительной физиче-

ской работой. И потом до конца дня ты делаешь все через силу, с трудом преодолевая эту усталость и приходящую вместе с ней сонливость. Если же на очередном обеде или приеме пришлось выпить рюмочку спиртного, действие высоты на организм усиливается. Говорят, что через несколько месяцев человек приспособляется и чувствует себя уже лучше, но нам проверить это не довелось — мы пробыли в Кордильерах всего неделю. Впрочем, столько интересного повидали мы за эту неделю, что коварное влияние высоты ни в коей мере не могло омрачить впечатления от нашей поездки.

Человек, прилетающий из Лимы в Куско, попадает сразу в другой мир. Нынешняя и древняя столицы Перу разительно не похожи друг на друга. Лима бурлит шумными потоками машин, пестрыми толпами пешеходов, спешит, куда-то несется день и ночь, как сумасшедшая горная река. Куско в сравнении с нею кажется тихим, полусонным провинциальным городом. Лима — жаркая, залитая горячим солнцем выжженного океанского побережья. Куско, окруженный хмурыми горами, часто видит над собой такое же хмурое, дождливое небо; здесь к вечеру бывает довольно прохладно, а ночью даже холодно. В Лиме ее прошлое — старые дома, дворцы и соборы — уже задавлено новым, сегодняшним и лишь слегка, чуть заметно проступает сквозь него. Куско, особенно в центральных кварталах, — это хорошо сохранившийся старый город типичной испанской колониальной архитектуры с домами под красной черепицей, с балконами по фасадам, с внутренними двориками, обнесенными открытыми галереями и колоннадами. Облик современной Лимы определяют многоэтажные стеклобетонные здания, нынешний высотный модерн. Над Куско господствуют церкви, множество старых церквей и соборов, колокольни и купола которых четко рисуются на фоне гор.

Но разница между двумя городами сильнее всего сказывается, когда смотришь на людей, на уличную толпу. Поток пешеходов в Лиме обезличенно космополитический, как в любой другой американской или европейской столице, и в этом потоке стирается всякая индивидуальность лиц и костюмов. В Куско с его ста

тысячами жителей народу на улицах, конечно, гораздо меньше, но зато лицо горожанина вы сразу же примете и надолго запомните.

Здесь преобладают индейский тип лица и национальный индейский костюм: пестро расшитые шерстяные ткани с ярким узором, доставшимся в наследство от инков, такие же яркие, странной формы шляпы, безрукавные накидки — пончо и вязаные сумки, переброшенные через плечо. Попав на улицы Куско, нельзя не почувствовать, в какой древней и своеобразной стране вы находитесь. Никакие толпы туристов, главным образом североамериканских, не могут ослабить этого впечатления, а туристов в Куско предостаточно — не даром этот город называют археологической столицей Южной Америки. Просто туристы тут, в отличие от Лимы, не растворяются в уличной толпе, не сливаются с ней в одно целое, и их всегда отличишь от местных жителей и по лицу и по одежде.

Утром Уилберт Салас вместе с Нуньесом приехал за нами на своем «козлике» — незаменимой для путешествий по горным дорогам машине «лэндровер», типа нашего ГАЗ-69. Через несколько минут мы были на центральной площади города, называвшейся конечно же площадью Оружия, над которой высоко вознес свои две колокольни главный кускинский собор.

Но начали мы не с собора, а с раскинувшегося тут же, неподалеку от него, прямо на мостовой, утреннего рынка. Это было красочное зрелище — груды алых помидоров, золотистого крупного лука, оранжевой моркови и такие же разноцветные одежды индейцев, приехавших из окрестных горных деревень: богато расшитые узорами пончо, широкополые сомбреро или древние перуанские шляпы, похожие по форме на большие тарелки. Старая индианка с темным лицом в глубоких морщинах дымит трубкой над кучей привезенного на продажу зеленого перца, и рядом, старательно отбирая стручки покрупнее, склонилась молодая женщина в домотканых красно-белых пончо и юбке, но босоногая, несмотря на утреннюю свежесть; а из такого же пестро вытканного полотнища, концы которого подвязаны у нее на груди, за спиной матери торчит головка черноволосого младенца, и удивленно

смотрят вокруг большие детские глаза. Дальше — палатки с разношерстным городским ширпотребом для крестьян, лотки, где выставлены сувениры для туристов — больше всего типичная для Куско и его окрестностей черная керамика, среди которой выделяются фигуры характерных «кускинских» быков — круторогих, свирепого вида, с блестящими бусинками, вставленными вместо глаз. Рынок шумит и толпится на этой площади и прилегающих улицах каждое утро до полудня, а потом все затихает, торговцы разъезжаются, и опять хозяином тут остается мрачно-торжественный серый собор.

Куско — город церквей. В давнем прошлом центр религии Солнца, он с приходом испанских завоевателей стал таким же важным католическим центром Перу. Богомольные конкистадоры, фанатики-монахи, захватив это «капище сатаны», каким они считали языческий Куско, принялись старательно разрушать все храмы и дворцы инков и застраивать город церквями и соборами. Здесь сейчас несколько десятков католических храмов, где в обычные часы, когда нет церковной службы, в угрюмом прохладном полумраке замерли, стоя на коленях или сидя на скамьях и молитвенно сложив руки, две-три особо благочестивые прихожанки да бродят группами туристы, любуясь кружевной резьбой позолоченных деревянных алтарей и разглядывая потемневшие от времени картины на стенах.

Куско создал свою оригинальную школу религиозной живописи, очень своеобразную и глубоко реалистическую по манере. Из чисто внешних признаков для нее характерны обильное использование позолоты и почти неперемное присутствие на полотне цветочков — то букетами, то гирляндами. Как правило, такая картина заключена в большую затейливо вырезанную раму почти всегда с орнаментом в виде ветвей и листьев, типичным для колониальной испанской живописи. Стоя перед картинами этой школы, вы часто замечаете в ликах Христа, Мадонны и святых характерные индейские черты, а нимб вокруг головы богоматери порой представляет собой изображение солнечного диска — след древней религии этой земли, неведомо как ускользнувший от зоркого глаза отцов церкви и святой инквизиции.

На центральной площади стоят даже два католических храма — главный городской собор и церковь ордена Иезуитов, рядом с которой находится здание бывшей иезуитской школы, где теперь помещается часть факультетов Кускинского университета. Салас и Нуньес, конечно, привели нас на университетский двор, окруженный каменной галереей с колоннами. Но двор был совсем пустынным, а аудитории закрыты — еще продолжались студенческие каникулы, и это старое здание казалось давно покинутым, тем более что часть колоннады лежала грудой каменных обломков. Года два назад университет пострадал от сильного землетрясения и лишь постепенно восстанавливается.

Кордильеры, как известно, одна из самых «трясучих» областей земного шара. Мощные сейсмические бури то и дело прокатываются по странам Южной Америки на всем протяжении этой длинной горной цепи, и мы часто читаем в газетах о бедствиях, причиненных подземной стихией, то в Перу, то в Чили, то в Боливии, то в Эквадоре. Жители Куско за время существования города не раз испытывали катастрофические землетрясения, сопровождавшиеся и разрушением домов, и человеческими жертвами. Недаром одна из главных святынь города, хранящихся в соборе, — раскрашенная статуя Христа, которая, согласно поверью, защищает Куско от землетрясений. Когда начинаются подземные толчки, эту статую выносят на площадь, и толпа верующих во главе со священниками возносит молебен к своему защитнику «Сеньору де лос Темблорес» (господу землетрясений). Судя по следам разрушений в университете, молитвы эти не всегда доходят по адресу.

Древние инки были хорошо знакомы с землетрясениями и, строя свои дворцы и храмы, учитывали испытания, которые предстояли этим зданиям. Поэтому постройки их отличались такой массивностью, и не столько подземная стихия, сколько испанское завоевание dokonало памятники великой империи Тауантинсуйю.

Попав в Куско и в первый раз пройдя по его улицам, вы с недоумением спрашиваете себя: где же тут прежняя столица инков, неужели от нее не осталось совсем ничего?! Перед вами типичный колониальный

испанский город, в котором, как кажется сначала, ничто не напоминает о его давнем, доколумбовском прошлом.

Но вот вы сворачиваете в узкую улочку, где едва проедет машина, и с удивлением останавливаетесь около стены дома. Наверху, на высоте второго-третьего этажа, это обычный выбеленный и краснокрыший колониальный дом с кованой решеткой на окнах и с балконами-беседками. Однако ниже, в двух-трех метрах от мостовой, выбеленная стена переходит в другую, странной, необычной кладки. Глухая, без окон, она стоит не вертикально, а с некоторым наклоном внутрь дома, и сложена она из больших, ровно обтесанных кусков твердого серого камня, из таких мощных каменных кирпичей. Никаких следов скрепляющего их цемента не заметно, но камни так плотно пригнаны друг к другу, что между ними не просунешь даже лезвие ножа. Эта странная стена когда-то принадлежала зданию, возведенному древними каменщиками инков, и использована испанцами лишь как основание для своей постройки.

В соседней улочке такие же наклонные стены поднимаются уже по обеим ее сторонам и так же заканчиваются наверху колониальными домами. А если вы пройдете от центральной площади несколько кварталов туда, где высится одна из самых знаменитых церквей Куско — храм Святого Воскресения, вас ждет еще более любопытное зрелище. Вы увидите: одна стена этой церкви построена из тяжелых каменных плит, идеально плотно прилаженных друг к другу так, что они образуют правильную полукруглую и слегка наклоненную внутрь поверхность — как бы часть большого конуса.

Полукруглая стена — это доживший до наших дней остаток самого главного святилища инков — храма Солнца — Кориканчи. Церковь Святого Воскресения построена на фундаменте этого монументального сооружения архитектуры древних перуанцев. Святые отцы, разрушив ненавистное им «прибежище дьявола», отнюдь не побрезговали использовать и его фундамент и стену при сооружении божьего храма. Они практически отнесли и к другим остатками инкских зданий. Главный собор города стоит на мощном фундаменте

бывшего дворца Инки Виракочи, а иезуитская церковь на центральной площади имеет своим основанием фундамент храма Змей. И не столько статуя Христа из собора защищает от землетрясений испанские церкви, сколько прочность массивной каменной кладки инков, на которую они опираются.

Стены, воздвигнутые инками,—там, где они остались на улицах Куско,—красноречиво говорят об искусстве их строителей. Но какого высокого мастерства достигли инки в строительном деле, мы поняли, лишь когда в тот же день Салас и Нуньес показали нам крепость Саксайуаман.

Крепость стоит на горе, у северной окраины города, и господствует над ним. Вероятно, современный фортификатор не нашел бы лучшей позиции для укрепления, прикрывающего подступы к Куско. И крепость эта действительно сыграла важную роль в борьбе войск Инки Манко Капака с испанцами. Осадив Куско, армия инков сумела завладеть крепостью и с ее командной высоты обрушивала на испанцев, оборонявшихся в центре города, град камней и стрел. Иногда индейцы пускали стрелы с огнем и поджигали тростниковые крыши домов так, что конкистадоры оказывались в кольце пожаров и едва не задыхались от дыма. Они поняли, что погибнут, если не отобьют крепость у противника. Но отбить ее штурмом было невозможно — крепость казалась неприступной. Помочь могла только хитрость.

Ночью в полной тишине отряд испанцев во главе с младшим братом Франсиско Писарро, Хуаном, сделал глубокий обход и, воспользовавшись беспечностью гарнизона, не ожидавшего ночного нападения, бесшумно проник сначала в первый, а затем и в возвышавшийся над ним второй двор крепости. В это время в темноте споткнулась одна из верховых лошадей, громко лязгнули доспехи всадника, и защитники крепости, проснувшись, схватились за оружие.

Начался жестокий рукопашный бой, в котором смертельно ранен был Хуан Писарро. Внезапно напавшим испанцам удалось вскоре овладеть и вторым ярусом крепости. Но был еще третий, самый высокий, и последние защитники Саксайуамана упорно оборонялись там. Ими командовал молодой инкский воена-

чалыник, человек большой физической силы, храбрости и энергии. Воодушевляя своих солдат, он бросая туда, где возникала опасность, наносил могучие удары нападавшим своей тяжелой медной булавой, сходящая вниз испанцев, которым удавалось взобраться на эту верхнюю площадку. Так отчаянно смел и неистов был в бою этот воин, что испанские офицеры отдали солдатам приказ: пощадить его жизнь и невредимым захватить в плен. Но когда в конце концов испанцы, штурмовавшие со всех сторон верхний ярус крепости, одолели противника и молодой вождь увидел, что поражение неизбежно, он, отбросив свое оружие, закрыл плащом лицо и кинулся с обрыва головой вниз на камни, предпочитая умереть, но не попасть живым в руки врагов. Взятие крепости дорого обошлось завоевателям, они понесли в бою немалый урон, однако, отбив Саксайуаман и укрепившись там, они смогли выдержать осаду инков и дожидаться подхода своих подкреплений.

Крепость выглядит сейчас почти такой же, как четыре столетия назад, когда происходили эти события. Никакие землетрясения, видимо, не в состоянии повредить ее циклопических стен, и даже разрушительный гений испанских завоевателей в бессилии остановился перед этой твердыней. Разве что современной взрывчатке удалось бы одолеть ее.

Саксайуаман производит впечатление необыкновенное, едва ли не более сильное, чем пирамиды египетских фараонов. Его три могучих стены, как бы тремя концентрическими кольцами опоясывающие холм на разной высоте, сложены, подобно пирамидам, из монолитных каменных глыб в десятки и сотни тонн весом каждая. Но пирамиды построены из гигантских плит правильной прямоугольной формы, которые, как кирпичи, укладывались друг на друга. Глыбы же, лежащие в стенах Саксайуамана, по своей форме совсем не похожи одна на другую: они и четырех-, и пяти-, и шестиугольные, а в одном месте я увидел и сфотографировал каменный монолит с девятью углами. По размеру они тоже неодинаковы: самые большие достигают метров двенадцати—тринадцати в длину, пяти-шести метров в ширину, при полутора-двухметровой толщине. Во всех трех стенах крепости, нижняя из кото-

рых тянется на довольно большое расстояние, уложено свыше ста тысяч таких каменных глыб. Вырубались они в дальних каменоломнях где-то в Кордильерах и доставлялись сюда по крутым горным дорогам, по мостам, переброшенным через бурные реки. Страшно подумать, сколько немислимого человеческого труда вложил в это сооружение народ, не знавший механизмов и обладавший лишь примитивными инструментами. Неудивительно, что, по преданию, эта крепость строилась 80 лет (с 1440 по 1520 год) и ежегодно на постройке работало 20 тысяч человек.

Самое поразительное заключается в том, что все эти каменные глыбы разнообразнейшей формы и размеров и огромного веса не только уложены без всякого цемента, но пригнаны своими поверхностями одна к другой настолько плотно, что в местах их соприкосновения, так же как и в стенах из обтесанных плит на улицах Куско, не просунешь даже лезвие ножа. Они лежат плотнее, чем кирпичи в стене современного дома. Как удалось каменщикам, не имевшим железного или стального инструмента, с такой точностью и тщательностью пришлифовать друг к другу эти многотонные и многоугольные глыбы, остается загадкой. Секреты строительного искусства инков навеки утрачены, и мы, вероятно, никогда не узнаем их.

Да и с точки зрения военно-инженерного дела крепость построена отлично. Ее внешняя, нижняя стена, замкнутым кольцом опоясывающая холм, по очертаниям как бы напоминает зубчатку — ее линия зигзагообразна для того, чтобы нападающие нигде не могли укрыться, а всегда были бы подвержены фланговому обстрелу гарнизона из пращей и луков. Если врагу удавалось взять штурмом эту стену и ворваться в первый ярус крепости, защитники ее со второго и третьего ярусов на выбор поражали неприятеля камнями и стрелами. А если невозможно было удержаться в второй двор, у гарнизона Саксайуамана оставалась еще высокая верхняя площадка третьего яруса, та самая, откуда бросился головой на камни отважный предводитель инков. Подготовленная к обороне, эта крепость поистине могла быть неприступной, и ее строители не виноваты в том, что она не выполнила предназначенной ей задачи в борьбе против испанских завоевателей.

Рядом с крепостью, за ее внешней стеной, стоит массивный, вырубленный из цельного камня жертвенник, на котором жрецы убивали выбранных на заклание богу Солнца лам. Чуть поодаль грубые каменные ступени вели куда-то вниз, в щель между скалами,— там находился подземный храм инков. Мы вошли в первое полутемное помещение, но каменный коридор вел дальше, в главный зал, посмотреть который уже не удалось — фонарей у нас с собой не было. По словам Нуньеса и Саласа, в народе живет легенда о том, что где-кто вблизи этого храма, в каменном подземном тайнике, лежит часть сокровищ Куско, спрятанных инками от конкистадоров.

Перу вообще обетованная земля для кладоискателей. Как ни много награбили тут испанцы, как ни велики были груды золота и серебра, свозившиеся со всех концов страны в Кахамарку в счет выкупа за Инку Атауальпу, все это, по свидетельствам современников, не могло ни в коей мере исчерпать золотых запасов древней перуанской империи. Многие из сокровищ самого Инки, храмов Кориқанчи, Пачакамака и других были заблаговременно спрятаны в потайных местах, и местонахождение их доньше остается неизвестным. Старые испанские хроники полны легенд и преданий об этих кладках. Так, например, в одном из манускриптов семнадцатого века «Древности и памятники Перу», автор которого остался неизвестным, содержится любопытный рассказ, записанный со слов женщины, доньи Марии де Эскивел, жившей с мужем в самой крепости Куско уже много лет спустя после ее завоевания испанцами.

Муж этой женщины, дон Карлос, был последним Инкой — прямым потомком прежних перуанских императоров. Однако жил он очень скромно, с точки зрения жены, даже убого, и донья Мария не раз упрекала его, говоря, что была обманута и вышла замуж за бедного индейца, а не за человека королевской крови, каким он считался. Так часто повторялись упреки жены, что однажды дон Карлос, несмотря на свою обычную индейскую флегматичность, был выведен из себя и с гневом сказал ей:

— Женщина! Ты хочешь знать, богат я или беден?

Ты увидишь, что ни один король в мире не имеет таких сокровищ, какими владею я.

С этими словами он завязал ей глаза, повернул ее несколько раз вокруг, чтобы она потеряла ориентировку, и куда-то повел. Они прошли какие-нибудь двести шагов, спустились по недлинной лестнице, и, когда муж снял повязку с ее глаз, донья Мария увидела себя в большом подземном зале, где на скамьях у стен стояли статуи всех правивших в Перу Инков, и каждая статуя высотой с мальчика-подростка была отлита из чистого золота. Тут же, на полу, лежало множество ваз и других сосудов из драгоценных металлов. Это было, по ее словам, одно из самых сказочных сокровищ во всем мире. Потом муж снова завязал ей глаза и вывел наверх тем же путем, а донья Мария уже никогда не осмеливалась упрекать его в бедности.

Трудно сказать, насколько достоверны подобные рассказы, но на протяжении веков они распаляют фантазию многих жадных до золота авантюристов, и поиски древних кладов инков не прекращались до наших дней. К чести нашего времени надо сказать, что теперь это кладоискательство все чаще заменяют собой научные археологические исследования и раскопки.

СВЯЩЕННАЯ ДОЛИНА

Километрах в тридцати к северу от Куско Кордильерское плато, на котором стоит древняя столица Перу, как бы рассечено глубоким 800-метровым провалом. Это широкая и длинная долина, когда-то промытая быстрой и бурной рекой. В прошлом эту реку называли Вильканота или Вилкамайо, а теперь она носит звучное имя — Урубамба.

Среди окрестных суровых гор долина Урубамбы выглядит как ласковый зеленый оазис. Берега реки поросли лесом и фруктовыми садами, вокруг городков и деревень раскинулись сочные поля, и климат в этой долине особый — мягкий и ровный, резко отличающийся от капризного и изменчивого климата Куско. Вот почему с давних времен Инка и его придворная знать облюбовали это место, и оно стало их дачной резиденцией. Тут были построены дворцы и храмы, и часть года император и его приближенные проводили здесь на отдыхе. С тех пор долина Урубамбы называется Священной Долиной инков.

Особенно благоприятная для земледелия, Священная Долина, видимо, была одним из важных сельскохозяйственных центров страны, и поля маиса и картофеля не только занимали низину по обоим берегам реки, но и поднимались широкими ступенчатыми террасами по склонам соседних гор, причем эти террасы обрабатываются крестьянами и сейчас. А по заливным лугам и по горным пастбищам бродили большие стада лам. То был обильный, плодородный край, и таким он остается и в наши дни.

Теперь Священная Долина стала туристической достопримечательностью Перу. Машины богатых североамериканских путешественников и переполненные приезжими автобусы туристских фирм с удобными самолетными креслами каждый день отправляются туда из Куско. Комфортабельные отели, построенные в городках над Урубамбой, в летние месяцы забиты туристами; гиды водят повсюду бесчисленные экскурсии; среди развалин инкских дворцов, храмов и крепостей жужжат кинокамеры и щелкают фотоаппараты; толпы иностранных гостей осаждают местные ярмарки и базары, где торгуют ковриками, шапками и спальными туфлями из мягкого меха ламы, куклами в национальных индейских костюмах, яркими пончо, глиняными быками из Куско, маленькими медными церковками со звенящими колокольчиками на башенках. Тут бывают красочные религиозные процессии и народные танцы на площадях, которые, судя по всему, не столько являются традицией населения, сколько служат приманкой для туристов, приносящих жителям долины немалые доходы.

Тот же Уилберт Салас в сопровождении того же Карлоса Нуньеса повез нас в Священную Долину на своем выдавшем виды «лэндровере». Выехали мы из Куско утром после завтрака. В этот день в перуанских газетах был напечатан новый правительственный закон об университетах, и оба профессора оживленно комментировали его, объясняя Нине Булгаковой особенности того или иного пункта. Прислушиваясь к их разговору, я поглядывал по сторонам и щелкал фотоаппаратом, стараясь на ходу запечатлеть переменчивые картины горного пейзажа.

Асфальтовое шоссе тянулось сначала вдоль желез-

ной дороги, потом пересекло ее и свернуло на север. Оно вилось у подножья некрутых округлых гор, иногда переваливало через их склоны и вело нас из долины в долину. Горы были очень разными, непохожими друг на друга — то оголенно-скалистыми, серо-желтыми, то космато-зелеными от густого леса. И долины так же резко отличались одна от другой — то мы ехали по желтой, почти бесплодной низине, поросшей какими-то чахлыми колючками, то, переехав склон горы, оказывались среди зеленых лугов, пестреющих яркими желтыми цветами или алыми маками. Погода была тоже под стать этому изменчивому пейзажу — то жарко пригревало солнце, то как-то вдруг наплывали хмурые низкие тучи и начинал лить дождь.

Остались позади небольшая деревушка Тиобамба и почему-то построенная далеко в стороне от нее и одиноко стоящая в долине старая католическая церковь с двумя колокольнями. Вдали поднимались уже высокие, припорошенные снегом вершины. Дорога круто вильнула и вывела нас на край глубокого обрыва.

Внизу, почти на километр ниже нас, зеленела Священная Долина инков. Видно было голубую ленту реки в серых галечных берегах, квадраты кукурузных полей и в густой темной зелени садов — белые стены и красные черепичные крыши домов города Урубамбы. Дорога змеилась по крутому склону, спускаясь все ниже и выписывая замысловатые петли. Салас, энергично крутивший баранку руля, посмеиваясь, сказал, что такую дорогу тут принято называть Брижитт Бардо — ее неожиданные резкие повороты напоминают причуды характера капризной красавицы.

«Брижитт Бардо» оказалась затяжной, но в конце концов мы благополучно спустились в долину, въехали в затененный высокими деревьями городок Урубамбу и остановились во дворе комфортабельного туристского отеля, почти пустого в это время года. Был час обеда, и мы поели на застекленной веранде ресторана, открывающей вид в заботливо подстриженный и полный цветов сад. Потом Салас заторопил нас — впереди лежал еще немалый путь.

За городом дорога повела на запад, вдоль по тече-

нию Урубамбы. Сквозь окаймлявшие шоссе кусты и подходившие вплотную заросли маиса иногда просвечивала лента реки, быстрой, но сравнительно широкой и спокойной тут, в просторной долине. Только что прошел дождь, снова пригревало яркое, но уже клонившееся к закату солнце, влажно блестели длинные листья высокой кукурузы, капало с деревьев, и безветренный теплый воздух был пропитан влажной свежестью. Протяжно гудя и разбрызгивая лужи, наш «лэндровер» проскакивал через индейские деревушки; босоногие темнолицые мальчишки, игравшие на асфальте, с криком и хохотом разбегались в стороны, а лохматые и грязные деревенские собаки с яростным лаем гнались за машиной.

Горы по обоим берегам реки становились все выше и заметно сближались. Впереди был так называемый Каньон Урубамбы — горловина Священной Долины, где река, стесненная скалистыми громадами, сужается и уже несется вскачь, бешено кипя в своем порожищем русле. Шоссе теперь шло по самой кромке каменистого берега, а потом через мостик перебросилось на левую сторону реки и потянулось вдоль насыпи узкоколейной железной дороги, идущей из Куско в Мачу Пикчу. Еще один мост вернул нас опять на правый берег, и тут же, рядом с железнодорожной станцией, мы въехали на площадь городка Ольянтайтамбо — конечной цели нашего сегодняшнего путешествия.

В самом городке сохранились остатки построек эпохи инков. Но главное — он стоит у подножья высокой горы, на вершине которой находится знаменитая инкская крепость Ольянтайтамбо, сооружение не менее грандиозное, чем кускинский Саксайуаман.

С этой крепостью связана народная легенда о генерале Ольянтае, послужившая материалом для единственного известного нам театрального произведения инков. Стихотворная драма «Ольянтай» была создана на языке кечуа и впервые записана, а потом переведена испанцами.

Содержание ее таково. В царствование Инки Пачакутека из простолюдинов выдвинулся благодаря своим необыкновенным талантам молодой человек Ольянтай, ставший генералом. Он тайно полюбил дочь Инки, Ку-

зи Койльор, и от их связи родилась девочка Има Сумак. Инка, узнав об этой святотатственной любви раба и дочери Солнца, заточает Кузи Койльор в пещеру, но своего любимца Ольянтая не казнит, а только изгоняет.

Сделавшись уже взрослой девушкой, Има Сумак, гуляя по дворцовым садам, слышит стенания, доносящиеся из пещеры, и не знает, что это плачет ее родная мать. Между тем тоскующий о любимой Ольянтай, находясь в крепости Ольянтайтамбо, поднимает мятеж и задумывает поход на Куско. В это время умирает Пачакутек, и трон наследует его сын, Тупак Юпанки, который отряжает против восставших войска под командой одного из своих генералов. Тот прибегает к хитрости, делая вид, что он тоже изгнан Инкой, и Ольянтай, радуясь новому союзнику, устраивает в его честь пир. Когда защитники крепости напиваются допьяна, коварный генерал вводит в Ольянтайтамбо свои войска и захватывает вождя мятежников, препровождая его в Куско.

Но Има Сумак уже проникла в тайну заключения матери. С помощью няни она пробирается к новому Инке, своему родному дяде, и бросается ему в ноги, умоляя освободить мать. Благородные чувства берут верх в душе Инки — он прощает мятежного Ольянтая и назначает его правителем Куско, соединяя узами законного брака с освобожденной из темницы сестрой.

Эта талантливая, очень поэтическая трехактная драма пользуется большой популярностью у перуанцев. Она не раз ставилась на сцене, и по ней создана опера. А крепость Ольянтайтамбо, уже сама по себе интересная как неприступное военное укрепление, овеяна к тому же романтикой этой легенды.

От окраинных домов городка, теснящихся у подножья горы, вверх по крутому склону гигантскими полутораметровыми ступеньками поднимались поля-террасы, сейчас поросшие только травой. Сбоку, рядом с этими великанскими ступенями, шла обычная лестница для пешеходов, бесконечно длинная, которую мы не без труда одолели. Потом следовали развалины каких-то зданий — видимо, казарм для солдат, и, наконец, на вершине высилась сама цитадель — шесть огромных монолитов из красноватого гранита, соединенных в одну сплошную стену и гладко обтесанных. По-

добно каменным глыбам Саксайуамана, эти гранитные плиты Ольянтайтамбо весят не меньше 15—20 тонн каждая. Вырубались они в каменоломнях, отстоящих отсюда на несколько километров, и даже при современной технике доставить их на место и поднять на эту крутизну было бы весьма нелегким делом. Можно представить себе, какой подвиг труда и изобретательности должны были совершить строители крепости, чтобы вручную втащить наверх и установить здесь эти монолиты.

Гранитная стена высотой шесть-семь метров защищает вершину только с одной стороны — там, где склон горы, по которому мы поднимались, делает ее доступной для людей. С трех других сторон гора отвесно обрывается в долину Урубамбы, и, наверно, даже современные скалолазы со всем альпинистским снаряжением не сумели бы одолеть этих каменистых обрывов. Не приходится удивляться тому, что Ольянтайтамбо всегда считалась неприступной крепостью. Испанцы на своем опыте убедились в этом во время войны с Манко Капаком. Когда Инка вынужден был снять осаду с Куско, он укрылся именно здесь, в Ольянтайтамбо, и отсюда его войска совершали опустошительные набеги на гарнизоны испанцев и на их обозы. Франсиско Писарро, решив покончить с противником, послал к Ольянтайтамбо сильный отряд, приказав ему овладеть крепостью. Но ее гарнизон, в отличие от защитников Саксайуамана, не дал захватить себя врасплох, и конкистадоры, попытавшиеся скрытно взобраться наверх, встретили уверенный отпор. Штурм оказался безуспешным и принес испанцам такой урон, что отряд, преследуемый инками, вынужден был второпях отступить к Куско. Больше завоеватели уже не пробовали овладеть Ольянтайтамбо, хотя Инка впоследствии сам покинул это укрепление и ушел вниз по течению Урубамбы, в глубину недоступных гор.

От крепости открывается великолепный вид на лежащую внизу долину, на бурливую Урубамбу, исчезающую вдаль за стеснившими ее громадами поросших густым лесом гор. Вокруг высятся еще более крутые и неприступные вершины, и на них кое-где заметны остатки древних строений, — судя по всему, там были

аванпосты и наблюдательные пункты крепостного гарнизона.

К одному из них от крепости вела узкая тропка, вырубленная в совершенно отвесном обрыве горы так, что местами скала даже нависала над ней. Салас, хитро перемигнувшись с Нуньесом, предложил пройти туда.

У меня несколько лет назад была спазма вестибулярного аппарата, после чего я стал особенно плохо переносить высоту. Вид обрыва, даже не очень высокого, вызывает у меня головокружение, и на балконе верхних этажей я всегда испытываю неприятное чувство. Подъем на Ольянтайтамбо и лазанье по его кручам и так стоили мне немалых усилий и большого внутреннего напряжения, и я наотрез отказался идти по этой сумасшедшей тропе. С профессорами пошел только Роберт, а мы наблюдали за путниками издали.

Роберт мужественно выдержал испытание, хотя оно, видимо, было нелегким. Возвращаясь по той же тропке, он в одном месте вдруг остановился и раскинув руки, прижался спиной к скалистой стене. Он тут же преодолел страх и вернулся к нам, слегка бледный, но вполне довольный — дорожка, по его словам, действительно захватывала дух.

А Салас, посмеиваясь над моей боязнью высоты, сказал, что повезет нас назад в Куско по старой дороге инков, которая проложена через перевал, превышающий четыре тысячи метров.

— Там ты увидишь, что такое высота, — злорадно обещал он мне.

Мы начали спускаться вниз, но Салас, остановившись вдруг на каменной площадке лестницы, показал на соседнюю гору, почти отвесно вздымавшуюся по ту сторону городка. Под ее скалистым гребнем, метрах в десяти ниже, в обрыве, чернели какие-то отверстия. Оказалось, что это тюрьма инков, там они держали своих преступников или захваченных пленных. Тропок, ведущих к пещерам, не было видно, и мы безуспешно гадали, каким образом удавалось препроводить узников в эти высотные камеры. Может быть, их спустили туда на веревках с вершины?

По словам наших друзей, раньше на склонах Ольянтайтамбо зеленели красивые висячие сады. Остатком этой прежней роскоши был тенистый сад, оказав-

шийся за каменным забором у самого подножья горы. Тут под сенью деревьев журчал прохладный и прозрачный ручей, и в одном месте была сооружена каменная чаша — своего рода ванна, в которой купался Инка. Цепкие вьющиеся растения, быть может потомки древних висячих садов, стлались по нагроможденным здесь обломкам скал. Затененная их зеленью, в большой скале была вырублена неглубокая ниша, и в ней виднелось что-то непонятное с первого взгляда.

— Это макет Мачу Пикчу,— пояснил Салас.— Остался со времен инков.

Высеченный в камне неизвестным древним скульптором, здесь был воспроизведен в маленьком масштабе горный пейзаж — скалистые вершины, теснящиеся друг к другу, глубокое ущелье, поля-террасы, ступеньками взбирающиеся по склону, и лишь слегка намеченный город, прилепившийся к горе тремя уступами. Здесь, в Ольянтайтамбо, этот каменный макет как бы напоминал защитникам крепости о том древнем и тайном городе инков, который лежит в нескольких десятках километров отсюда вниз по течению Урубамбы и прикрывать подступы к которому составляло главную задачу их горной цитадели.

Неподалеку от макета лежал на земле гранитный монолит, и верхняя сторона его была обтесана ровно, как стол. Салас взобрался наверх и пригласил нас последовать его примеру.

— Смотрите,— показал он на обтесанную поверхность камня.— Попробуйте догадаться, что это такое.

В камне было выбито большое, неправильной формы углубление сантиметра на полтора-два ниже его поверхности. Приглядевшись, мы заметили, что по своим очертаниям оно напоминает грубо обведенный контур человеческого тела. В нескольких местах от этого углубления ответвлялись выдолбленные в граните желобки, тянувшиеся к краям плиты.

— Никогда не догадаетесь,— усмехнулся Салас.— Вы стоите на операционном столе инкских хирургов.

Он объяснил, что в это углубление укладывали больного или раненого, и помощники врачей крепко держали его, пока хирурги своими примитивными инструментами вскрывали грудь или брюшную полость,

проводя необходимую операцию. Канавки же служили для стока крови.

Мы внимательно разглядывали этот уникальный операционный стол, как вдруг Салас спохватился и сказал, что нам надо торопиться, чтобы до захода солнца попасть на перевал, а то он не сможет показать ту головокружительную высоту, которая должна всех нас, а особенно меня, привести в трепет. Смеясь над его жестоким замыслом, мы подчинились, и «лэндровер» помчал нас обратно.

Но Салас явно просчитался. Солнце уже скрылось за вершинами гор, и вечер спускался в Священную Долину. Оставив в стороне поворот на город Урубамбу, мы продолжали ехать по правому берегу реки, поднимаясь против ее течения. Кончился рабочий день, крестьяне вернулись с полей, и в деревнях, которые мы пролетали, молодежь в пестрых костюмах собиралась на улицах веселыми группами, играя на замысловатых музыкальных инструментах и танцуя — шла подготовка к будущему карнавалу. Но как мы ни просили Саласа остановиться, чтобы поглядеть на танцы, он не соглашался, спеша засветло привезти нас на перевал. Только окончательно убедившись, что это не удастся, он уже в сумерки притормозил машину на площади очередного индейского местечка, где, впрочем, уже не было танцев, и, досадливо махнув рукой, побежал в продовольственный магазин, откуда вернулся через пять минут, принеся какие-то две бутылки, которые сунул под свое шоферское сиденье.

В сгущавшейся темноте мы проехали по мосту через реку, и дорога потянулась вверх по склону горы. Салас объявил, что начинается подъем на перевал, и, запустив руку под сиденье, передал назад Нуньесу одну из купленных давеча бутылок.

Бутылка оказалась с анисовой водкой — весьма крепким и хмельным зельем. Нуньес быстро откупорил ее и пустил вкруговую. После того как каждый из нас поочередно сделал глоток прямо из горлышка, Салас требовательно протянул руку назад. Я подумал, что он хочет спрятать бутылку, но вместо этого он, не отпуская руля, поднес ее ко рту и, запрокинув голову, хлебнул, причем уровень жидкости значительно понизился. Мы с некоторым беспокойством переглянулись,

вспоминая то, что говорилось о трудностях пути через перевал.

— А ну-ка еще раз! — поощрительно сказал наш водитель, возвращая нам бутылку.

Круг повторился. Салас опять пил последним и, осушив бутылку, швырнул ее куда-то в черную пустоту, зияющую слева от машины.

Между тем дорога становилась все круче. Свет фар выхватывал впереди узкую полосу асфальта, на которой не без труда могли разъехаться две машины. Повороты, все более резкие, следовали один за другим, и Салас безостановочно крутил руль. Справа поднималась скалистая стена, иногда даже нависавшая над дорогой, а с другой стороны чернела пропасть, в глубине которой светились огоньки какой-то деревни, то исчезающие на очередном повороте, то появляющиеся вновь.

Мы не успели проехать и километра, как Салас снова нагнулся и вытащил из-под сиденья вторую бутылку анисовки.

— Начинайте! — скомандовал он.

— Может быть, достаточно? — робко спросил кто-то из нас.

— Вы что же, хотите, чтоб я один ее выпил? — грозно сказал он.

Довод был неотразимым, и мы, вздохнув, опять пустили бутылку по кругу. И опять Салас, еще ожесточеннее вертя руль на извилистых петлях дороги, исправно прикладывался к горлышку, пока и вторая опустевшая бутылка не последовала за первой.

А дорога все лезла вверх и, как нам казалось, становилась еще уже. Огоньки деревни теперь мерцали, как скопление звезд где-то в сумасшедшей, бездонной глубине. Начало закладывать уши, как на самолете, — сказывалась высота. Учащались повороты. Впереди наверху показались какие-то плывущие в небе огни — это с высоты перевала шли встречные машины. Вдобавок этот участок шоссе, видимо, давно не ремонтировался, здесь и там темнели выбоины в асфальте, и «лэндровер» тяжело прыгал и порой опасно клонился над обрывом.

Наступила тишина, и все мы напряженно следили за дорогой. Судя по всему, машина миновала какую-то

седловину и начала взбираться по склону другой горы. Теперь скалистая стена была слева, а пропасть справа. Она уже стала совсем космической, непроглядной, и ни одного огонька не блестело в черноте этой бездны.

Впереди показалась полоска движущегося света, и одна за другой три встречные машины, осторожно сбавляя скорость, промелькнули мимо. Третья была автобусом, и нам пришлось прижаться к самому краю обрыва, так что колеса, казалось, вот-вот соскользнут с усыпанной мелкими камешками обочины. Невольно перехватило дыхание. И вдруг кто-то из нас с сердцем воскликнул:

— Карамба! (Черт возьми!)

Раздался общий хохот, и атмосфера как-то сразу разрядилась. Видно, мы порядком устали от этого непрерывного нервного напряжения, и, наверно, каждый подумал о том, что от нас уже ничего не зависит — мы были в полной власти своего водителя, и случись что — никто не успел бы даже выскочить из машины. Нам оставалось только полагаться на шоферское искусство Саласа и надеяться, что выпитая им анисовка не окажет на него рокового влияния.

Нас охватило то состояние веселого возбуждения и бесшабашной лихости, какое иногда приходит к людям в минуты опасности, помогая им отвлечься от мрачных мыслей и как бы бросить задорный вызов судьбе. Посыпались шутки, мы непрерывно хохотали, остряли. Мы даже сочинили тут же новое звучное испанское ругательство «Карамба де Урубамба!», очень понравившееся нашим спутникам.

«Лэндровер» натужно гудел, преодолевая еще более крутые подъемы. Салас вдруг запел какую-то веселую перуанскую песню, и ее тотчас же подхватил Нуньес. Потом мы грянули нашу русскую, выбрав самую подходящую в этой обстановке, песню о «Варяге», и с особенным удалством, в котором было нечто вызывающее, отбарабанили куплет:

Прощайте, товарищи!
С богом, ура!
Кипящее море под нами.
Не думали с вами еще мы вчера,
Что нынче умрем под волнами.

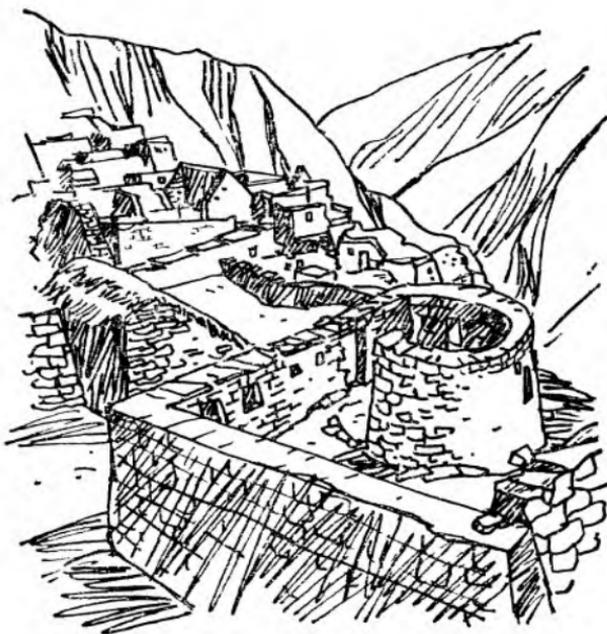
И вдруг песня разом оборвалась, и мы замерли, не дыша: Салас резко повернул руль, и машина, накренившись, съехала с шоссе... Но не в пустоту пропасти, как нам почудилось в первое мгновение, а на вполне надежную твердую землю, зашуршавшую под шинами россыпью камней. Свет фар вырвал из темноты каменную коробку полуразрушенного строения с черным провалом двери. Мы подъехали вплотную к развалинам и остановились.

— Перевал! — объявил Салас. — А это перед вами развалины старой крепости инков.

Мы вышли из машины. Здесь, наверху, было свежо, даже прохладно. Густая темнота беззвездной ночи скрывала все вокруг. Серые камни плотной инкской кладки отсвечивали розовым в лучах фар. Видны были только кусок стены и черный прямоугольник дверного проема, контуры всего строения терялись во мраке. Стояла тишина, такая же глухая и непроницаемая, как ночь.

Осторожно, словно боясь потревожить эту тишину, мы вошли внутрь здания. Отблеск света машины лишь чуть-чуть проникал в помещение, и углы большой комнаты прятались в темноте. Мы молча стояли, и, наверно, каждый из нас мысленно старался представить себе, как столетия назад в такие же темные, хмурые ночи в этой комнате дымил тусклый факел и, завернувшись в свои шерстяные пестрые пончо, спали на земляном полу смуглые горбоносые воины инков, стражи этой заоблачной крепости.

Спуск с перевала был не менее трудным, чем подъем на него. Но мы уже окончательно уверились в нашем искусном водителе и оживленно и весело разговаривали, смеялись и пели всю дорогу, пока впереди не показались широко рассыпанные внизу по долине и окрестным холмам яркие и многоцветные огни Куско.

ПОТЕРЯННЫМ ГОРОД ИНКОВ

Мачу Пикчу — жемчужина Перу, символ его древней славы и гордость современных перуанцев. С кем бы вы ни встретились — с университетским профессором или с рабочим-шахтером, с армейским офицером или с крестьянином из индейской деревни, — вслед за первым любезным вопросом: «Нравится ли вам Перу?» — вас обязательно спросят, видели ли вы Мачу Пикчу и что вы о нем думаете. А так как зрелище этого города неизбежно оставляет у каждого посетителя яркие и сильные впечатления, вы, рассказывая о них, непременно увидите на лице своего собеседника радостную и благодарную улыбку. Перуанец гордится Мачу Пикчу так же, как русский Кремлем, как грек Акрополем, римлянин — Колизеем, египтянин — пирамидами.

Но если бы древние инки услышали это имя, они очень удивились бы. Мачу Пикчу называется гора, на крутом склоне которой раскинулся город, и она-то,

уже в нашем веке, передала ему свое название. Сами же инки называли свою последнюю столицу совсем по-другому — Вилкапампой. Под этим именем она и упоминается в испанских летописях времен завоевания, как таинственная и неизвестная европейцам резиденция последних инков, лежащая где-то в глубине лесистых Кордильер.

Кстати, народная молва тех давних времен утверждала, что где-то там же, в бассейне реки Урубамбы, запрятано среди гор и другое древнее поселение инков — их первая, еще докусинская столица. Я уже знакомил читателя с легендой, по которой Куско был основан детьми бога Солнца Манко Капаком и Мамой Окльо, вышедшими из вод озера Титикака. Однако наука придерживается иной, менее поэтической, но более реальной гипотезы происхождения инкского государства, также основанной на устных народных преданиях перуанцев.

По этой гипотезе, в долине, где сейчас находится Куско, издревле жили племена индейцев кечуа, достигшие передового для своей эпохи уровня развития. Потом с юга, от гор Боливии, от высокого нагорья озера Титикака, появились многочисленные и воинственные пришельцы — какие-то варварские племена. Под их натиском жители долины вынуждены были уйти в дальние горные районы и там поселиться. В то время выдвинулся среди них один из вождей — Манко Капак Первый, положивший начало династии Инков.

Под его руководством в горах была построена столица — город, который, как говорит легенда, особенно украшали два прекрасных здания. Первым был храм Солнца с искусно выложенной полукруглой стеной. Вторым — храм, посвященный Манко Капаком своим предкам. В отличие от обычных для инкской архитектуры безоконных домов или зданий с одним-двумя окнами, храм этот имел стену в три окна, обращенных на восток. Таким образом, он был единственным в своем роде творением зодчества инков. Больше никаких примет этой первой столицы Манко Капака, как и места, где она расположена, народная память не сохранила.

Позднее Манко Капак повел своих соотечественни-

ков отвоевывать назад их исконные земли. Пришельцы были изгнаны из долины, и прежние хозяева снова поселились там. Тогда начал строиться Куско, причем главным его зданием стал храм Солнца Кориканча — почти точная копия храма в горной столице, с такой же полукруглой стеной, но уже гораздо больший по размерам.

Что же касается последней столицы, Вилкапампы, то она была связана с именем Инки Манко Капака Второго и его трех сыновей — Сайри Тупака, Тито Кузи и Тупака Амару, которые один за другим стали жертвами испанских завоевателей. Ими завершилась история древней перуанской империи, и страна надолго стала колонией испанской короны.

Когда Манко Капак Второй, бежавший от испанцев и поднявший народ на освободительную войну против завоевателей, потерпел неудачу и вынужден был прекратить осаду Куско, он с остатками своих войск ушел вниз по течению Урубамбы в глубину кордильерских теснин. Оттуда он неутомимо совершал набеги на испанцев и порой причинял им немалый ущерб. Движение по горным дорогам стало небезопасным — то камень, метко пущенный притаившимся среди скал индейцем, поражал путника, то из лесных зарослей вылетало индейское лассо, «бола», и, опутав всадника, сдергивало его с седла в глубокую пропасть.

Не раз испанцы пытались посылать вооруженные отряды вниз по ущельям Урубамбы, чтобы захватить Инку в его горном убежище, но дорога туда оказывалась непроходимой. Каньон Урубамбы — это узкая щель, промытая рекой в гранитном монолите. Высокие и необычайно твердые скалы поднимаются с обеих сторон многоводного стремительного потока. На сумасшедшей крутизне вьются по скалам едва заметные тропки, где проходили индейские воины, но не могли пройти вооруженные испанцы с лошадьми или мулами. Надо было не раз пересекать реку по висячим мостам, которые воины Манко Капака разрушали, как только возникала опасность нападения испанцев. Спуститься же на плотах по Урубамбе почти невозможно: река изобилует порогами и водопадами. Оставалось лишь строить укрепленные пункты для прикрытия до-

рог и зорко следить за вылазками индейцев из их недоступного горного района.

От служивших им индейцев испанцы узнали, что резиденцией Инки служит город Вилкапампа, где, в частности, находится школа инкских жрецов Солнца — центр древней религии, переместившийся туда из Куско. Военным же центром, где стояли войска Инки, была крепость Виткос, лежавшая неподалеку от новой столицы и прикрывавшая подступы к ней.

После убийства Франсиско Писарро и последовавшего за ним разгрома партии альмагристов два испанца, сторонники казненного сына Альмагро, бежавшие от преследования властей, сумели проникнуть в горные области, занятые Манко Капаком. Они предложили Инке свои услуги, обещая научить его воинов пользоваться огнестрельным оружием и успешно бороться с завоевателями. Инка с готовностью принял это предложение, и хотя не допустил обоих беглецов в свою столицу, но поселил их среди войск в крепости Виткос. Ему самому приходилось часто жить там, и он подружился с испанцами, разделяя с ними свои пиршества или коротая досуг за игрой в кегли и в шахматы, которой они его научили. Как-то во время игры Инка, рассердившийся на одного из испанцев, в гневе ударил его. Тот пришел в ярость и, выхватив кинжал, нанес Инке смертельную рану. Опомнившись, испанцы пытались бежать, но были схвачены и преданы мучительной смерти, а головы их, насаженные на колья, долго стояли в Виткосе.

Манко Капаку наследовал его сын, слабохарактерный Сайри Тупак, который, уступая уговорам своих родственников, пошел на примирение с испанцами и, покинув Вилкапампу, поселился в Священной Долине инков, где вскоре умер. Молва утверждала, что он был отравлен по приказу испанских властей.

Опасаясь участи брата, следующий Инка, Тито Кузи, уже не покидал своего горного убежища. Хотя он принял христианство, но, видимо, обращение это носило чисто политический характер, и у себя в Вилкапампе он по-прежнему проводил время с жрецами Солнца и выполнял обряды религии своих отцов. Однако в годы его царствования два августинских мона-

ха — брат Маркос и брат Диего — получили от Инки разрешение построить церковь в районе Виткоса и проповедовать христианское учение среди индейцев

Записи, сделанные со слов этих двух монахов, содержат единственную примету, говорящую о местонахождении Виткоса. Августинцы рассказали, что рядом с крепостью стояла одна из святынь инков — большой белый камень, у подножья которого бил подземный ключ. С этого камня жрецы приветствовали восход Солнца, а рядом с ним находился небольшой языческий храм. В своем фанатическом рвении монахи однажды сожгли этот храм, вызвав гнев Инки и его приближенных и едва избежав смерти.

Не раз они пытались уговорить Инку допустить их в Вилкапамцу, чтобы там, в цитадели язычества, дать решительный бой жрецам Солнца. Но Инка отделивался неопределенными обещаниями. Однажды под предлогом посещения города святых отцов заставили совершить необычайно трудное и изнурительное путешествие, и они оказались где-то по соседству с Вилкапампой, но столицу инков им так и не показали. Оба они потом погибли: один утонул, переплывая горную реку, а второй лечил умирающего Тито Кузи и, обвиненный в его смерти, был убит индейцами.

Последний Инка, Тупак Амару, младший брат Тито Кузи, царствовал недолго. Испанские власти решили покончить с непокорными индейцами, и против Инки был послан большой отряд во главе со смелым и очень упорным офицером. Испанцы сумели пройти каньон Урубамбы, спустились вниз по реке на плотках через пороги и водопады и штурмом взяли крепость Виткос. Тогда Инка бежал из Вилкапампы в глубину тропических лесов, населенных дикими племенами. Как ни труден был этот поход для европейцев, преследователи упрямо шли за ним по пятам. В конце концов, поставленный перед угрозой голодной смерти, Инка предпочел сдаться в плен и был казнен испанцами в Куско в 1572 году. Но ни во время погони за Тупаком Амару, ни потом, когда сопротивление прекратилось, завоеватели так и не нашли горной столицы инков, и Вилкапампа оставалась почти три с половиной столетия неподтвержденной легендой, подобно нашему гра-

ду Китежу. В прошлом веке некоторые путешественники пробовали искать ее, но безуспешно — хмурые Кордильеры и их густые леса свято берегли свою тайну.

В первом десятилетии нашего века молодой профессор латиноамериканской истории из Йельского университета в США Хирам Бингам, изучавший историю освободительных походов Боливара, совершил поездку в перуанские Кордильеры и там заинтересовался развалинами инкских поселений. Его заинтересовала загадка последней столицы инков Вилкапампы, и он решил искать ее. В 1911 году он возглавил так называемую Перуанскую экспедицию, снаряженную Йельским университетом, в которой участвовала группа ученых разных специальностей. Опираясь на помощь перуанских властей, экспедиция исследовала труднодоступную область между реками Апуримаком и Урубамбой и открыла обширный горный район, неизвестный прежним путешественникам и не занесенный на географические карты. Хирам Бингам и его спутники нашли там остатки инкских поселений, но ни одно из них не могло быть Вилкапампой.

Наконец в бассейне Урубамбы им удалось отыскать развалины крепости Виткос. Примета, сообщенная двумя августинскими монахами, оказалась вполне верной — неподалеку от разрушенных стен крепости лежал большой белый камень, нависавший над водяным источником. Теперь, сравнительно близко отсюда, должны были находиться и остатки Вилкапампы.

В июле 1911 года экспедиция разбила лагерь на дне глубокого ущелья, заросшего густым тропическим лесом, у самого берега Урубамбы. Стало известно от местных индейцев, что по соседству, на склонах гор Мачу Пикчу и Уайна Пикчу, стоят в почти непроходимой лесной чаще какие-то древние постройки. Уже утомленные долгими и бесплодными поисками, члены экспедиции не проявили особого интереса к этому сообщению, думая, что оно, подобно многим другим, окажется ложным. И только сам Бингам, заинтересовавшись, уговорил владельца небольшой соседней фермы за плату проводить его к этим развалинам. После часа пути по хорошей дороге им пришлось на четвереньках пробираться через наскоро переброшенный над водо-

падом скользкий мостик из полдюжины шатких бревен, а потом полтора часа карабкаться по очень крутому склону горы, среди зарослей, кишевших ядовитыми змеями.

На небольшой поляне, на высоте 700 метров над рекой, оказалась хижина. Два индейца жили тут, возделывая поля-террасы, оставшиеся со времен инков. Они гостеприимно приняли ученого и подтвердили, что совсем неподалеку от их жилища в лесу стоят развалины. Фермер-проводник остался отдыхать в хижине, а Бингама поручили сопровождать индейскому мальчику лет тринадцати-четырнадцати.

Они обогнули выступ горы, и перед Бингамом открылась длинная лестница полей-террас, поднимающаяся по склону почти до самой вершины Мачу Пикчу. Уже это было свидетельством того, что поблизости должно находиться древнее поселение. Мальчик провел ученого по одной из террас, очищенной от зарослей, и они углубились в лесную чащу. И тут Хирам Бингам понял, что он стоит на пороге важного открытия.

В этом лесу было множество зданий, целый город. Сквозь густо разросшиеся деревья и кусты, сквозь путаницу лиан здесь и там виднелись стены строений. И каких строений! Их каменная кладка была типично инкской, причем старой, выполненной с истинным искусством, с мастерством, которое отличало самые лучшие здания древнего Куско. Большие каменные плиты, ровно обтесанные, плотно пригнанные друг к другу, составляли мощные стены дворцов и храмов, лестницы с гранитными ступенями вели из одного яруса города в другой. С трудом пробираясь через заросли, пораженный Бингам переходил от здания к зданию. И вдруг он увидел перед собою полукруглую стену, разительно похожую на такую же стену в Куско — часть знаменитого храма Солнца Корииканчи. Видимо, эта постройка тоже была храмом Солнца.

Тогда Бингам вспомнил, что старые испанские хроники сохранили предание перуанцев, утверждавшее, будто подобный храм Солнца с полукруглой стеной сначала Манко Капак Первый построил в своей горной столице, а уже потом по его образцу был воздвигнут в Куско Корииканча. Через несколько минут дру-

гое здание заставило ученого снова подумать об этом первом Инке. В ряду следовавших друг за другом храмов выделялся один с длинной стеной, обращенной к востоку. В этой стене были три больших окна. А народное предание, записанное в хрониках, говорило, что храм именно с такой необычной трехконной стеной тот же Манко Капак Первый велел поставить в городе, который служил столицей инков до Куско.

Значит, поселение, остатки которого лежали сейчас перед ним, могло быть самой древней столицей инков. Но, осматривая другие его здания, Бингам с несомненностью видел, что они достроены или даже целиком возведены уже в эпоху последних Инков,— их отличала характерная для той поры менее искусная, торопливая каменная кладка. Судя по этому, найденный город скорее был последней столицей инков — Вилкапампой.

Внезапно еще одна догадка мелькнула у ученого. А не могло ли случиться так, что, теснимый испанцами, Манко Капак Второй, уйдя в глубину Кордильер, выбрал для своей резиденции тот самый город, который когда-то служил столицей Манко Капаку Первому? Тогда все становилось на место. Последняя столица инков оказывалась в то же время их древней столицей, и руины этого города сейчас лежали перед ним.

Сначала это было лишь предположением, догадкой. Еще предстояло уточнить, что именно он нашел. На первых порах, с осторожностью истинного ученого, Хирам Бингам назвал открытый им город — Мачу Пикчу, по имени горы, на склоне которой он находился. Так и осталось жить это название, хотя дальнейшие исследования подтвердили предположение Бингама. Найденный им город был и Вилкапампой, и древней столицей инков. Освобожденный от плена тропических джунглей, скрывших его от людских глаз на три с лишком века, он стал великим памятником истории Перу и археологическим чудом всего Американского континента.

Нынешнему посетителю Мачу Пикчу уже нет нужды преодолевать долгую и изнурительную дорогу, карабкаться по узким тропкам над опасными пропастями, переползать через пороги и водопады Урубамбы по шатким и скользким бревнам. Шесть десятилетий на-

шего стремительного века, прошедших с того дня, когда здесь появился Хирам Бингам, превратили эту почти неприступную кордильерскую глушь в один из самых многолюдных туристических центров страны. Гранитная стена каньона Урубамбы покорила взрывчатке, и вдоль реки теперь пролегли две дороги — асфальтовая лента шоссе и узкая колея железнодорожной линии. Из Куско всего за три — три с половиной часа поезд или машина доставят вас на место.

По совету Саласа и Нуньеса мы выбрали поезд, отправляющийся утром, с тем чтобы к вечеру вернуться в Куско. Он состоял из дизельного моторного вагона и трех или четырех прицепных вагончиков. Наши друзья использовали свои железнодорожные знакомства, и мы смогли сесть в поезд еще до того, как его подали к перрону, заполненному нетерпеливой толпой туристов. Это дало нам возможность захватить лучшие места — передние скамьи в моторном вагоне, рядом с кабиной машиниста, у лобового стекла, сквозь которое открывался великолепный обзор. Мы только успели устроиться, как поезд медленно попятился к перрону, и туристы шумно хлынули внутрь. Как всегда увешанные фото- и киноаппаратурой, с путеводителями и проспектами в руках, это были главным образом туристы из Соединенных Штатов, и среди них, по обыкновению, преобладали старики и старухи.

Я не знакомился с цифрами официальной статистики, но за время моих многочисленных зарубежных путешествий пришел к убеждению, что средний возраст туриста из США значительно превышает пятьдесят лет. Куда бы вы ни ехали, ни летели — в Париж или в Мадрид, в Египет или на Филиппинские острова, в Уругвай или в Японию, — в кабине самолета, в купе поезда, на палубе парохода вы обязательно встретите седоватых и лысоватых джентльменов весьма почтенных лет, громко и непринужденно разговаривающих, раскатисто хохочущих, то и дело подносящих к своим роговым очкам автоматические кинокамеры, а иногда без стеснения прикладывающихся к плоской фляге из заднего кармана брюк. И с ними непременно путешествуют спутницы их жизни, такие же веселые и разговорчивые старые леди, у которых давно побелевшие волосы обычно обработаны какими-то красителями и

отливают странными цветами — синеватым, зеленым и даже фиолетовым.

Небольшие бизнесмены, бывшие государственные служащие, учителя, лавочники, фермеры среднего достатка, они за долгие годы сумели накопить в банке кое-какие деньжата на старость, вырастили, поженили и повыдавали замуж детей, оставили свои дела и на склоне лет одержимы желанием видеть мир — той жаждой путешествий, которая, наверно, всегда живет почти в каждом человеке.

Безвыездно и размеренно проведшие всю жизнь в каком-нибудь маленьком провинциальном городке, они вдруг срываются с места и едут смотреть кенгуру в Австралии, собор святого Петра в Риме, гологрудых негритянок в лесах Камеруна и индейцев Патагонии. Из всех городов они шлют красочные открытки родным и знакомым, из каждой страны везут экзотические сувениры и дотошно расспрашивают гида о всякой достопримечательности, иногда делая заметки в блокнотах, чтобы потом было что рассказать мистеру Джонсу или миссис Смит, сидя вечером дома за партией в бридж.

Наблюдая за ними, невольно отмечаешь одну бросающуюся в глаза закономерность. Старухи всегда преобладают в этих туристских группах, их заметно больше, чем стариков, хотя, казалось бы, путешествие — дело более привычное для мужчины. Видимо, тут сказывается большая жизненная устойчивость женщин — они, говорят, чаще доживают до преклонного возраста, чем мужчины. Мне приходилось встречать таких дряхлых американских туристок, которых к обеденному столу приводили под руки и которые тем не менее продолжали колесить по земному шару.

Надо отдать справедливость — большинство этих лилововолосых старушек и розоволицых старичков из Соединенных Штатов — очень приветливые и общительные люди. Они охотно разговаривают с попутчиком, тут же начнут показывать бесчисленные фотографии детей и внучат, а на прощанье обязательно дадут вам свою визитную карточку и пригласят заехать в гости, если вам случится быть в Оклахоме или Пенсильвании. Во всяком случае, они гораздо непосредственнее и симпатичнее суховатых, сдержанных англичан или на-

дутых, самоуверенных немцев из Мюнхена или Гамбурга.

Поезд тронулся и начал взбираться на гору. Подъем был крутым, и железная дорога шла зигзагами. Направление движения то и дело менялось — постепенно поднимаясь по склону, мы ехали вперед, потом останавливались, и дизель, толкая перед собой вагоны, пятился задом по следующему участку, ведущему еще выше. Каждый такой зигзаг открывал все более широкую панораму раскинувшегося в долине краснокрышного Куско с возвышающимися здесь и там колокольнями соборов и церквей.

Наконец зигзаги кончились, и мы, обогнув склон горы, поехали уже нормально — только вперед. Быстро чередовались подъемы и спуски, мимо мелькали разноцветные скалы или пологие скаты холмов, поросшие скудной травой. Басовито гудя, поезд пролетал через недлинные туннели, яростно лязгая на стыках рельсов, и вагоны лихо швыряло из стороны в сторону. Видимо, линия эта часто страдает от обвалов и оползней — дизель не раз замедлял ход на участках, где трудились бригады путейцев, и смуглолицые индейцы-рабочие в широкополых шляпах, вооруженные кирками и лопатами, отходя на обочину, приветственно поднимали руку, здороваясь с нашим машинистом. На редких маленьких станциях такие же смуглолицые женщины в драных шерстяных пончо продавали овощи и изделия из меха лам, и кто-нибудь из старушек с фиолетовыми волосами покупал мохнатые спальные туфли или шапочку для внучки.

Горы становились выше и сдвигались теснее. Дорога вышла на берег Урубамбы и потянулась вдоль реки. Мы почти не задержались на станции Ольянтайтамбо, но долго стояли на маленьком разъезде в ожидании встречного парового поезда. Высыпав из вагонов, туристы фотографировали друг друга на фоне бурной, пенистой реки и снимали одинокую индейскую хижины, прилепившуюся к склону горы. Пожилая индианка, лущившая у порога хижины кукурузу, и старая косматая собака, лежавшая рядом с ней, флегматично поглядывали на фотографов, видимо давно привыкшие к шумным толпам туристов.

После разъезда начался каньон Урубамбы. Стис-

нутая в гранитном ложе река летела по камням словно яростными тигриными прыжками, и рев ее прорывался сквозь лязг и грохот поезда. Вместе с рекой мы спускались все ниже по ущелью, и характер окрестных гор на глазах менялся. Теперь их почти отвесные склоны уже не были голыми, лишенными растительности. Сначала появились кактусы, похожие на большие зеленые канделябры, редкий, но все густеющий кустарник. Дальше пошли уже плотные, почти непроходимые заросли — деревья и кусты, перевитые лианами, покрывали горы от подножья до уходящих к облакам вершин. Странно было думать, что мы находимся на высоте двух с лишним тысяч метров над уровнем моря, а эти мохнатые вершины поднимаются на три-четыре тысячи. Ведь у нас, в умеренной зоне, на такой высоте в горах уже ничего не растет и царят только камни и ледники. Здесь, в тропиках, иное дело, и растительность тут взбирается на дальние заоблачные высоты.

Мы уже были в глубине каньона, и по обе стороны реки высились могучие темно-зеленые громады, оттеснившие небо куда-то далеко наверх. Солнечная погода, сопровождавшая нас всю дорогу, испортилась, клочковатые облака поползли по вершинам гор, и в ущелье стало хмуро и сумрачно. И в это время поезд остановился на станции Мачу Пикчу. Мы выбрались из вагонов и пересели в автобусы, потащившие нас наверх по узкой и извилистой дороге.

Напрасно мы вертели головами, оглядываясь во все стороны и надеясь издали увидеть легендарный город. Вокруг поднимались лишь крутые зеленые склоны тесно нагроможденных гор, да внизу в ущелье белой пеной кипела река и, уже кажущийся игрушечно маленьким, стоял около станционного домика только что покинутый нами поезд.

Покружив над пропастями, дорога вывела нас на широкий уступ горы, где стояло двухэтажное здание отеля с просторной верандой ресторана и на площадке перед ним — десятка полтора машин и автобусов. Вокруг кишели туристы, звучала разноязыкая речь, гиды громко созывали свои группы, отъезжали и подъезжали автобусы, было шумно и суетно. И опять мы напрасно оглядывались вокруг — никаких развалин.

— Где же город? — недоуменно спрашивали мы.

Салас усмехнулся.

— Совсем близко, — сказал он. — Потерпите, сейчас увидите.

Он куда-то исчез и через пять минут вернулся с плотным черноволосым человеком, любезно приветствовавшим нас. Это был Мануэль Бальон, известный перуанский археолог и хранитель заповедника Мачу Пикчу. Он сам решил сопровождать советских гостей. Отдав какие-то распоряжения метрдотелю ресторана насчет обеда, он повел нас наверх по тропке, огибающей склон горы.

И как только мы обогнули его, перед нами возникла панорама Мачу Пикчу.

В начале этой книжки я попытался выразить впечатление от первой встречи с городом инков. Но думаю, что передать словами картину, открывшуюся нашим глазам за выступом горы, просто невозможно. Даже фотографии, даже цветные слайды, снятые мною там, как ни выразительно они получились, все же не в состоянии воспроизвести этот не похожий ни на что другое пейзаж. Им словно не хватает воздуха, той захватывающей дух широты и глубины пространства, без которой нельзя представить себе Мачу Пикчу.

На земле есть немало удивительных руин древности — памятников труда и искусства наших давних предков. Где-нибудь в Гималаях, на Памире или в тех же Кордильерах можно отыскать горные пейзажи не меньшей красоты и первозданной дикости. Но именно сочетание необыкновенного творения людских рук и сурового величия окружающей природы делает Мачу Пикчу единственным и неповторимым местом на нашей планете — орлиным гнездом человечества.

Уже исполинская лестница полей-террас, размашистым маршем поднимающаяся по крутому склону горы почти к самой ее вершине, поражает ваше воображение. Она кажется высоким крыльцом, ведущим в само небо и построенным словно пришельцами из иных миров, неземным племенем гигантов, которые были под стать этим горным громадам и, шагая семимильными шагами с вершины на вершину, уходили прямо в беспредельные просторы вселенной. А потом вы переводите взгляд на лежащий рядом город, и вид этих,

уже вполне человеческих, построек, тесно скученных и доверчиво прижавшихся к каменной груди горы, сразу возвращает вас на землю. С каким-то странным, неожиданным для себя чувством внезапного открытия вы постигаете, что и город и гигантская лестница сделаны людьми, такими же, как вы сами, безмерно маленькими рядом с огромными хмурыми горами и бездонными пропастями и все же победившими эту мрачно-величественную природу. Будто невидимая, но неразрывно прочная нить вдруг протягивается от этих каменных коробок инкских развалин, от ступеней этой сказочной небесной лестницы к вам, к вашему, нынешнему поколению людей, летающему высоко над землей в реактивных самолетах, вырвавшемся в черную пустыню космоса, ступившему на почву Луны, проникшему в недра атомного ядра. Нить, тянущаяся не через пространство, а через века и уводящая куда-то во временные дали будущего. И восторженная гордость за сына земли, человека, за свою принадлежность к нему возникает в вашей душе мгновением истинного счастья. Уже за это чувство, за эту счастливую гордость самопознания и самоутверждения, люди наших дней должны быть благодарны потерянному и возвращенному городу инков, перуанскому чуду двадцатого века — Мачу Пикчу.

Три или четыре часа мы пробродили по его улицам. Город вблизи производит не меньшее впечатление, чем издали. Места на уступах горы было немного, и он построен очень экономно, даже тесно — дома, храмы, дворцы плотно жмутся друг к другу, а улицы и лестницы обычно узки, так что кое-где с трудом могут разойтись два человека. Построенные на крутом склоне кварталы города и отдельные здания связаны между собой главным образом лестницами. Их в Мачу Пикчу больше сотни — коротких и длинных, а одна из них тянется сверху, почти от седловины горы, до самого низа, где начинается глубокая пропасть, и насчитывает сто пятьдесят ступенек. Вдоль этой лестницы проложен и главный акведук, ведущий к многочисленным каменным бассейнам и наполнявший их от источника, пробивающегося из-под земли где-то на середине горы.

Множество построек привлекает здесь восхищен-

ное внимание посетителей. Если трехконная стена храма, сооруженного Манко Капаком Первым, составленная из тяжелых, многотонных монолитов, поражает мощью своей кладки, то храм Солнца с его полукруглой стеной отличается благородным изяществом пропорций и заставляет любоваться ювелирно-кропотливой работой каменщиков, уложивших гранитные плиты безукоризненно симметрично и плотно пришлифовавших их друг к другу. Там, возле храма Солнца и соседних с ним построек, имевших тоже явно религиозный характер, на открытой каменной площадке стоят единственные солнечные часы инков, которые не были разбиты завоевателями в их фанатическом религиозном раже. Они выточены из громадной цельной глыбы гранита, и их высокий вертикальный выступ, как и столетия назад, отбрасывает свою движущуюся тень на основание плиты, выполняя роль хронометра с вечным заводом.

Мачу Пикчу неотделим от окружающей его суровой и величественной природы. Это относится не только ко всему городу в целом, но и к каждому его кварталу, даже к каждому зданию. Как бы ни была интересна сама по себе та или иная постройка, она словно не существует отдельно, она сопровождается своим особым пейзажем и смотрится только вместе с ним, как его неотъемлемая часть. Так бесконечно богата природа Мачу Пикчу, что с каждым вашим шагом по этому городу картина меняется, и вы находите все новые и новые ошеломляющие ракурсы окрестного пейзажа. То, выглянув из окна храма, вы невольно отшатываетесь назад, оказавшись на краю головокружительной зеленой бездны с белой лентой реки на дне. То, остановившись на лестнице, вы не можете отвести взгляда от уходящего вдаль нагромождения горных вершин, вдруг широко открывшегося с этой ступеньки. То через узкую теснину улицы, оборванную пропастью, вам открывается дальняя панорама каньона Урубамбы — хмурое ущелье, край которого теряется в мягкой дымке. Нет, пожалуй, в этом городе двух точек, с которых перед вами повторился бы один и тот же вид. Неумоимо и щедро Мачу Пикчу делает вам драгоценные зрительные подарки, и эти сокровища его буквально неистощимы.

Обращаясь к постройкам, даже неопытный взгляд сразу заметит одну их особенность. Во многих зданиях нижняя плотная и тщательная каменная кладка наверху сменяется другой, словно сделанной наспех, гораздо менее искусной. Камни в верхних рядах уже не так аккуратно пригнаны друг к другу, между ними остаются щели, иногда промазанные глиной, которая всегда отсутствует внизу. Возникает впечатление позднейшей надстройки. Видимо, так оно и было — можно предполагать, что древняя столица Манко Капака Первого, после того как этот Инка покинул ее для Куско, на протяжении нескольких веков постепенно пришла в запустение и, вероятно, не раз страдала от землетрясений. И когда Манко Капак Второй бежал туда от испанских завоевателей, ему пришлось восстанавливать и надстраивать поврежденные строения, причем делалось это торопливо, без прежней тщательности.

Как ни надежно укрыла сама природа Мачу Пикчу, как ни прочно защитили его почти со всех сторон Кордильеры отвесными каменными стенами и глубокими пропастями, все же инки подготовили свою тайную столицу к любым неожиданностям. На окрестных горных пиках были построены наблюдательные башни, развалины которых сохранились до сих пор. Часовые, дежурившие там, видели местность на десятки километров вокруг и в любое время могли оповестить о приближении врага. Единственная ведущая к городу дорога была труднопроходимой, и на самом тяжелом ее участке, там, где она проложена по отвесной стене над бездонным обрывом, прикрывалась небольшим каменным укреплением, которое горсточка воинов могла успешно защищать против целой армии противника. Но если бы даже каким-нибудь чудом вражеским войскам удалось прорваться и здесь, они встретили бы дальше массивные городские ворота и высокие стены, протянувшиеся от пропасти до пропасти с обеих сторон города и вдобавок защищенные вырытым перед ними ровом. С военной точки зрения Мачу Пикчу был настоящей твердыней. А если вспомнить, что в нескольких километрах впереди него находилась сильная крепость Виткос, где Инка держал главные силы своих войск, то можно сказать, что оборона этой горной столицы была организована отлично. И все же, когда Вит-

кос пал под натиском испанцев, Инка Тупак Амару почему-то не заперся в Вилкапампе, не стал ее защищать, а предпочел бежать вниз по течению Урубамбы в тропические леса. То ли хотел он сохранить святыни предков от поругания захватчиками, то ли уже не надеялся и там удержать своего сильного и решительного врага. Во всяком случае, первое ему удалось — испанцы так и не проникли в тайну Мачу Пикчу, и джунгли вскоре надолго укрыли это горное гнездо инков от человеческих глаз.

Несколько часов хождения по улицам города утомили нас не только физически — мы устали от впечатлений, от этого неослабевающего ощущения чуда. Хотелось бродить еще и еще, несмотря на то что ноги побаливали от лазанья по кручам и по лестницам, несмотря на то что время от времени на развалины наплывали облака, окутывая все вокруг туманом, и начинал сыпать противный мелкий дождь. Даже не стараясь обмениваться этими впечатлениями, потому что выразить их словами оказывалось невозможно, мы наконец вернулись к отелю, где на веранде нас ждал накрытый к обеду стол.

И тут один из служащих заповедника рассказал нашим друзьям, что произошло утром, когда мы ушли осматривать Мачу Пикчу. Сразу после нашего ухода прибежал, запыхавшись, какой-то тип и предъявил удостоверение агента не то Федерального бюро расследований, не то Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов.

— Куда пошли эти русские? — отдуваясь, спросил он.

Узнав, что мы на развалинах, агент поспешил туда. Видимо, все это время он издали наблюдал за нами, а мы даже не заметили его — мало ли там бродило туристов. Впрочем, даже знай мы об этой слежке, она бы только позабавила нас, но, конечно, не отвлекла бы от увлекательной экскурсии — разве можно было думать о каком-то шпике там, на поражающих воображение руинах?

Позднее нам показали этого агента. Полный, грузноватый человек лет сорока пяти с пошлыми гитлеровскими усиками черной щеточкой и со смуглым лицом испанского метиса, он стоял у стойки бара ипил что-

то прохладительное, утирая со лба обильный пот. Видно, бедняга сильно умаялся, лагая вслед за нами по крутым склонам и лестницам Мачу Пикчу,— нам даже жалко его стало: нелегко ему давался его не очень-то чистый хлеб. Физиономия у него была далеко не интеллектуальная — этакий мелкий лавочник или хозяин третьеразрядной забегаловки. Мы посмеялись на его счет и тут же забыли о нем — даже в поезде потом не поглядели, сопровождает ли он нас.

После обеда, под дождем, который уже превратился в теплый тропический ливень, Мануэль Бальон на своем джипе лихо спустил нас по извилистой и скользкой дороге к станции и повел в находящийся рядом музей. Музей еще только создается, экспонатов в нем пока не так много, но можно не сомневаться, что его, как и весь заповедник Мачу Пикчу, ждет большое будущее и туристская дорога, ведущая сюда, с годами станет еще шире и многолюднее.

Когда мы осматривали музей, я спросил: почему тут где-нибудь не поставили памятник Хираму Бингаму? Бальон неопределенно пожал плечами, а Салас и Нуньес объяснили, что перуанцы хотя и благодарны ученому за его открытие, но вместе с тем имеют свои претензии к нему — слишком уж много археологических находок, являвшихся национальным достоянием Перу, было вывезено Бингамом в Соединенные Штаты.

Я поинтересовался, когда умер Бингам. Оказалось, совсем недавно — в 1956 году. В последние годы своей жизни он стал одним из видных политических деятелей республиканской партии, занимал пост губернатора штата Коннектикут и был сенатором, причем весьма реакционным.

Признаюсь, было огорчительно услышать, что выдающийся ученый, сделавший одно из величайших открытий археологии двадцатого века, соблазнился на склоне лет сомнительной славой политика. Но пути человеческого честолюбия неисповедимы. Я не знаю, поставят ли монумент своему бывшему губернатору граждане штата Коннектикут, но думаю, что памятник ученому Хираму Бингаму в конце концов появится где-то тут, по соседству со славными руинами Мачу Пикчу, которые он открыл для народа Перу и для всего человечества.

ОЗЕРО ТИТИКАКА

За время моих довольно многочисленных путешествий по Союзу и за рубежом у меня выработалась полшутливая формула, которой я стараюсь придерживаться во время поездок в чужие края.

«Мир познается крыльями, страна — колесами, город — ногами».

В наш быстрый и торопливый век, когда большинство туристов и людей, путешествующих по делам, ограничены временем, самолет, естественно, стал самым распространенным видом транспорта при переезде из страны в страну, особенно на дальние расстояния. Но внутри страны, чтобы увидеть ее природу и хоть бегло посмотреть, как живет народ, надо стараться ездить поездом или автомашиной. Попав же в незнакомый город, следует обязательно походить по нему пешком, не жалея ног, окунуться в уличную толпу, поглазеть на прохожих, сидя в каком-нибудь открытом кафе или просто на бульваре, попробовать почув-

ствовать себя включенным в ритм городской жизни, как бы притвориться ее участником.

Мои спутники по поездке в Перу — Нина Булгакова и Роберт Рождественский — вполне признали эту формулу и заявили, что готовы следовать ей. Только потому, что времени у нас было мало — всего один месяц, а посмотреть хотелось побольше, мы решили отказаться от длинного автомобильного путешествия из Лимы в Куско и прилетели туда самолетом. Зато дальнейший маршрут был приведен в соответствие с формулой. Из Куско мы направлялись поездом на юг, в город Пуно, лежащий на берегу озера Титикака, оттуда, опять же по железной дороге, ехали до второго по величине города Перу — Арекипы, а затем, снова самолетом, возвращались в Лиму — расстояние было слишком значительным, больше тысячи километров, и потратить два дня на автомобильную поездку мы уже не могли.

Путешествие от Куско до Пуно началось с досадной неприятности. За два дня до этого наши заранее взятые билеты на самолет от Арекипы до Лимы мы отдали одному из служащих университета, который обещал забронировать места. Привезти эти билеты, уже с отметкой авиакомпании, он должен был прямо на вокзал. Однако, когда утром те же Салас и Нуньес доставили нас к поезду и усадили в купе вагона, человека с билетами на станции не оказалось. Мы высматривали его с возрастающим беспокойством, хотя Салас утешал нас, говоря, что все равно они с Нуньесом найдут возможность переслать нам билеты в Пуно. Напрасно прождав до отхода поезда и обнявшись побратски с обоими нашими друзьями, мы уехали, несколько встревоженные.

Зато буквально за несколько минут до отъезда мы увидели на перроне нашего старого знакомца — шпика, который выслеживал нас на Мачу Пикчу. Он стоял впереди, наискосок от нашего вагона, и, делая вид, что читает газету, время от времени поднимал глаза и с притворным безразличием поглядывал на окно, у которого мы сидели. Мы показали на него Саласу и Нуньесу, и те закивали головами и стали хитро подмигивать нам.

Поезд тронулся, мы замахали друзьям. Шпик сло-

жил газету и внимательным взглядом провожал наше окно. Тогда мы со смехом стали махать руками и ему. Его толстая тупая физиономия выразила недоумение, но, поняв, что мы смеемся над ним, он надменно наддулся и стал смотреть в другую сторону. Однако не уходил, видимо решив до конца убедиться, что мы уехали и не спрыгнем где-нибудь на краю перрона.

В купе кроме нас была еще пара туристов из США — очередные старик со старухой. Мы любезно улыбались друг другу, но в разговор не вступали. Озабоченные отсутствием билетов на самолет, мы обсуждали, что будем делать, если нам их не пришлют в Пуно.

Опасения наши оказались напрасными. Минут через сорок поезд остановился на ближайшей к Куско станции, и первое, что мы увидели на платформе, были веселые лица Саласа и Нуньеса. Салас победно поднимал над головой злополучные билеты.

Человек, который должен был их привезти, приехал на вокзал «по латиноамериканскому времени» — минут через пять после отхода поезда, но, к счастью, еще застал на перроне обоих профессоров. Взяв у него билеты, они сели в «лэндровер», и Салас успел приехать на первую станцию как раз вовремя, чтобы перехватить поезд. Избавленные от своих тревог, мы вдвоём нахохотались над этим приключением и уже окончательно распрощались с нашими славными друзьями.

Поезд то медленно взбирался в гору, то тревожно гудя, мчался вниз по уклону, высота все время менялась, закладывало уши. Наверно, эти перепады высоты оказывали свое действие — появилась какая-то противная тошнота, словно не хватало дыхания, и сердце, казалось, стало давать перебои. Американка морщилась и глотала таблетки. Роберт, сидевший рядом со мной, тоже признался, что ему не по себе. А задремавшая напротив нас Нина вдруг открыла глаза и со странно позеленевшим лицом, учащенно дыша, сказала:

— Ой, я сейчас упаду в обморок!..

Я бросился за водой, Роберт принялся обмахивать Нину, наши старички соседи тоже всполошились, и старушка вытащила из дорожной сумки бутылку

коньяку. Глоток его и стакан воды поправили дело — наша спутница постепенно отдышалась и почувствовала себя лучше. Да и метание поезда вверх и вниз прекратилось, горы отодвинулись дальше, стали более пологими, и мы чаще ехали по широким зеленым долинам, где текли быстрые речки, а по берегам их на заливных лугах паслись стада лам и овец.

То был край скотоводства, край мяса и шерсти. На каждой станции красочная шеренга индианок в пестрых платьях выстраивалась вдоль перрона, соблазняя туристов белыми меховыми ковриками, многоцветными домоткаными пончо, шапочками, перчатками и носками из мягкой, как пух, шерсти лам. Около площадок вагонов и у окон шла бойкая торговля, и за время пути старушки и старички из Соединенных Штатов сильно пополнили свой багаж.

Мы ехали целый день. Изредка в стороне виднелись какие-то серые и даже издали казавшиеся бедными деревушки. Городков по дороге было мало, и все они начинались непроходимо грязными окраинами с непросыхающими застоялыми лужами, гнилостный запах которых ветер заносил в открытые окна поезда, с жалкими дощатыми халупами бедняков, с массой босоногих, оборванных и сопливых ребятишек, разногласно галдящих и шлепающих по грязи. Потом за окраинами тянулись длинные скучные заборы каких-то фабрик с торчащими над ними закопченными трубами и, наконец, появлялся «центр» — две-три асфальтированные улицы, застроенные уныло-однообразными невысокими каменными домами, и колокольни собора или церкви, по-хозяйски господствующие над всем городком. Поезд на несколько минут замирал у платформы выбеленной станции, кишачей торговками-индианками, снова трогался, и все проплывало перед глазами в обратном порядке — чистенький и унылый «центр», длинные фабричные заборы и грязные лужи окраин. Насколько можно было судить из окна вагона, народ здесь жил очень бедно, и приметы неустроенности человеческой жизни выглядели грустным контрастом к роскошным картинам природы, открывавшимся перед нами, как только поезд вырывался из очередного города на зеленый простор горных долин.

Солнце уже скрылось за синеватым изломом гор,

отодвинувшихся куда-то далеко к горизонту, и закат ярко расцветил легкие облака на краю неба, когда, отражая эти краски, вдали блеснула полоска воды, с каждой минутой растекающаяся все шире по равнине. Это было озеро Титикака. Вскоре мы уже ехали по его берегу, и впереди появился город Пуно, раскинувшийся амфитеатром по невысоким горам над голубым озерным заливом.

Озеро с таким странным, смешным названием лежит на юге Перу, среди обширного Кордильерского плоскогорья, поднятого на высоту около четырех километров. Это нешуточная высота, и даже в красочных туристских проспектах, зазывающих посетителей на Титикаку, говорится, что люди с не совсем здоровым сердцем должны посоветоваться с врачом, прежде чем ехать туда. Титикака — самое высокогорное из всех судоходных озер мира, оно раскинулось на площади более восьми тысяч квадратных километров, и его акватория делится почти пополам между Перу и границей с ним Боливией.

Так как значение двух последних слогов названия озера в испанском языке то же, что и в русском, перуанцы шутя утверждают, что им досталась первая половина этого названия, а боливийцам — вторая. Но люди, бывавшие в Боливии, сказали нам, что там в ходу такая же шутка, и боливийцы, вполне довольные своей половиной озера, уверяют всех, будто именно она и соответствует первым двум слогам, а последними владеют перуанцы. Как бы то ни было, этот шуточный спор не мешает добрососедским связям, и каждый день белые пароходы с толпами туристов на палубах курсируют по озеру между Пуно и боливийскими портами.

На вокзале в Пуно, как и в Куско, нас встречали ректор и несколько профессоров местного университета. Было уже темно, когда любезные хозяева устроили нас в небольшом туристском отеле и оставили отдыхать, обещая приехать утром, чтобы показать город и организовать поездку по озеру.

Надо признаться, чувствовали мы себя прескверно — сказывались и перепады высоты в поезде, и четырехкилометровый уровень самого Пуно, и усталость от дороги. Но мы были еще и голодны — за весь день

пришлось съесть лишь несколько бутербродов в поездном буфете. Как ни тянуло нас в постель, отказываться от ужина не хотелось.

И тут мы вспомнили, как по дороге в отель кто-то из университетских профессоров сказал, что Титикака славится своей превосходной форелью. Ею мы и решили поужинать. К нашему разочарованию, в ресторане отеля форели в тот вечер не оказалось. Официант назвал нам другой ресторан, в центре города, где эта рыба обычно бывает в меню. По его словам, до центра было отсюда недалеко, и мы решили идти, невзирая на усталость.

— А может быть, ближе сходить в порт? — спросил я. — Уж в портовых ресторанах форель обязательно будет.

— Господа, в порт не ходите ни в коем случае, — поспешно сказал официант. — Вечером там очень небезопасно. Да и в городе не сворачивайте в темные улицы.

То, что в Южной Америке бандитизм дело привычное и широко распространенное, мы уже хорошо знали. Бывало, и в Чили, и в Колумбии, сопровождая нас на прогулках и в столицах и в провинциальных городах, друзья предупреждали:

— В эти кварталы не заходите даже днем — зарежут...

— Вечером по этой улице не гуляйте — ограбят...

— Следите за карманами — обворуют...

В тот день, выйдя из гостиницы в поисках форели, мы уже своими глазами убедились, что с вечерним Пуно шутить не приходится. Тускло освещенная редкими фонарями улица, ведущая к центру, казалась почти безлюдной. Но в полумраке у домов, куда едва достигал отблеск фонарей, здесь и там стояли группы обворванцев с такими разбойничьими физиономиями, что встретиться вы с ними наедине в узком переулке — и ваши руки сами собою невольно поднимутся вверх. Они замолкали при нашем приближении и провожали нас пристальными хищно-задумчивыми взглядами, рождавшими ощущение тревожной настороженности. Однако отступать не приходилось, и, в конце концов, мы с Робертом были достаточно рослыми и крепкими мужиками. Поставив между нами Нину, судорожно при-

жимавшую к груди сумку с деньгами и билетами, мы храбро двинулись вперед.

Центральная площадь города, освещенная почти так же тускло, находилась в трех-четыре кварталах от отеля. Ресторан, который мы искали, оказался поблизости, на соседней улице. Там стоял гомон множества голосов, густо висел табачный дым и не было ни одного свободного столика. Но не было и форели. Оставалось вернуться в отель, поужинать тем, что найдется в сегодняшнем меню, и скорее добраться до постели — высота Пуно сказывалась все больше, и та же противная тошнота, какую мы испытывали в поезде, снова одолевала нас.

Мы вышли из ресторана, и тут на нас налетела маленькая худенькая и черная, как жук, девушка лет двадцати.

— Вы — русские? Вы — советские товарищи? — взволнованно спрашивала она по-русски. — Наконец я вас нашла. Я была у вас в отеле, и мне сказали, что вы пошли в этот ресторан... Я так бежала...

Она говорила с сильным акцентом, от волнения путала русские слова с испанскими, но, в общем, все, что она хотела сказать, было понятно. Девушку звали Юлией, и лишь несколько месяцев назад она вернулась домой в Пуно из Москвы, где два года училась на филологическом факультете Университета имени Ломоносова. Бросить учение ей пришлось по семейным обстоятельствам — умерла ее мать. Отец остался один, и она вернулась, чтобы ухаживать за ним. О нашем приезде она узнала из местных газет и вместе с отцом приготовила все, чтобы принять нас у себя дома.

— Сейчас мы пойдем к нам поужинать и немножко выпить, — говорила она. — Мой папа уже ждет. Мы живем недалеко отсюда.

Но мы уже едва волочили ноги, и ни о каких визитах не могло быть и речи. Услышав это, Юля горестно всплеснула руками.

— Как, вы не пойдете к нам?! Пожалуйста, я очень, очень вас прошу! Нет, вы не можете отказаться! Я так обязана Советскому Союзу, советским людям. Меня два года бесплатно учили, кормили, лечили, когда я была больна. Я всегда думаю об этом, я никогда этого не забуду. Пожалуйста, дайте мне хоть чем-нибудь

отплатить вам за вашу доброту, за все, что вы для меня сделали. Я умоляю вас... и папа тоже... Ну, пожалуйста!.. Дайте мне сделать вам хоть что-нибудь приятное. Хотя бы накормить вас в моем городе...

Она уже не говорила, а кричала в голос, на всю улицу, привлекая внимание немногочисленных прохожих. Она даже плакала от отчаяния и умоляла нас так, как молят о пощаде. Столько искренней благодарности, столько неподдельного горячего чувства звучало в ее словах, что мы были глубоко тронуты и не знали, как ее утешить. Как ни жесток был отказ, силы наши подходили к пределу, и идти в гости мы действительно не могли. Объяснив это, мы обещали Юле, что постараемся побывать у нее завтра, если только позволит программа, составленная нашими университетскими хозяевами.

В это время с противоположной стороны улицы к нам направились двое в полицейской форме. Я решил, что их привлекли громкие возгласы Юли и что мы сейчас получим нагоняй за нарушение общественного спокойствия. Но все обернулось иначе.

Один из полицейских был капитаном, другой — сержантом. Безошибочно угадав в Нине нашу переводчицу, капитан подошел к ней.

— Вы — советская делегация? — спросил он.

Получив утвердительный ответ, он и сержант почередно пожали руки всем нам.

— Слушай, — доверительно переходя на «ты», сказал капитан Нине. — Меня послал алькальд (мэр города). У нас тут всякое случается... Если что-нибудь с вами произойдет, звони мне по телефону... Запиши номер.

После чего он, а за ним и сержант снова пожали нам руки и не спеша, с достоинством удалились.

Эта трогательная забота местных властей о нашей безопасности не ограничилась разговором с капитаном полиции. Решив оградить делегацию от всех возможных случайностей, нам назначили охрану. Все два дня, которые мы пробыли в Пуно, в вестибюле второго этажа отеля, где находились наши комнаты, сидел на старом кожаном диване солдат с автоматом. Мы чувствовали себя необыкновенно важными персонами, почти правительственного значения, и каждый раз, спуска-

ясь по лестнице вниз, невольно косились на черное дуло оружия, лежавшего на коленях нашего стража. Это ни в коей мере не было ни слежкой, ни наблюдением, а только охраной нашей безопасности в отеле и ни в чем не стесняло нас.

Измученные трудным днем, мы хорошо выспались в эту ночь и проснулись вполне свежими и бодрыми — от вчерашнего недомогания не осталось и следа.

Утро началось с необычного визита. Прямо в ресторан, к столику, за которым мы завтракали, подошел хорошо одетый смуглолицый человек и, осведомившись, это ли делегация, приехавшая из Советского Союза, попросил разрешения присесть к нам. Он пространно и долго стал объяснять цель своего прихода. Посетитель оказался председателем крупного объединения скотоводческих кооперативов, занимающихся разведением лам и овец. Узнав о нашем приезде, он поспешил прийти, чтобы выяснить, какое количество скота мы сможем в ближайшее время закупить в его объединении. Эта решительная постановка вопроса несколько ошеломила нас. Мы были делегацией советских литераторов, и, как нам было известно, Союз писателей СССР ни в ближайшее время, ни в дальнейшем не предполагал заниматься закупкой лам и овец. Мы осторожно объяснили это нашему гостю, и тогда обнаружилось, что произошло недоразумение.

Скотовод читал в центральных перуанских газетах о том, что в Лиму прибыла советская торговая миссия и что идут переговоры о товарообмене между Перу и СССР. Когда ему сказали, что в Пуно приехала советская делегация, он решил, что речь идет о той же торговой миссии и что надо ковать железо, пока оно горячо, и опередить возможных конкурентов. Он был немало обескуражен, выяснив, что обратился не по адресу, но потом вместе с нами от души посмеялся над своей ошибкой и, извинившись, ушел.

Надо сказать, что этот разговор с нами о торговле был не единственным. Хотя мы посещали главным образом дома писателей, артистов, университетской профессуры, случалось, что в этом обществе бывали и промышленники, предприниматели, коммерсанты. Всякий раз они пользовались встречей с нами, чтобы завести беседу о перспективах торговли между нашими

странами, выяснить, что покупает и что продает Советский Союз. Мало сведущие в подобных вопросах, мы, естественно, не могли в достаточной мере удовлетворить их любопытство, но нам было ясно, что эта тема сейчас для них одна из самых модных и живо-трепещущих. Представители национальной буржуазии Перу, мечтающие утвердить свои экономические позиции и освободиться от цепкой хватки североамериканских монополий, всегда диктовавших им свою волю, они видят большие возможности в будущем развитии связей с рынками социалистических стран. Члены нашей торговой делегации, с которыми мы как-то встретились в Лиме, рассказывали, что их повсюду принимают необыкновенно внимательно и предупредительно и что перуанские деловые круги возлагают немалые надежды на коммерческие контакты с Советским Союзом.

Утром мы часа два ездили по городу. Признаться, Пуно не произвел на нас сильного впечатления — обычный провинциальный портовый городок с тридцатью тысячами жителей. Только озеро делает его приятным для глаза и живописным. Чисто-голубое в этот безоблачный солнечный день, оно раскинуло свою спокойную гладь к самому горизонту, где сквозь тонкую дымку чуть-чуть темнел дальний боливийский берег. Мы колесили по городским улицам, где нам показывали то старые, то новые здания, но взгляд всегда и прежде всего обращался туда, к озеру, по голубому зеркалу которого то и дело скользили моторные лодки и небольшие катера. Когда осмотр был закончен и машина начала спускаться с горы к пристани, мы как-то сразу воодушевились, предвкушая удовольствие прогулки по озеру.

Сопровождавший нас служащий университета нанял у пристани небольшую лодку с подвесным мотором. Мы сели, и лодочник — флегматичный молодой индеец — принялся яростно дергать за шнур, стараясь завести мотор. Тот чихал, фыркал, но не заводился. Индеец снял верхнюю крышку с мотора и начал копать в механизме. Потом опять тщательно надел ее и приступил к новой серии рывков. Ничего не получалось, и обе операции — с крышкой и со шнуром — стали повторяться поочередно с хладнокровной методич-

ностью. Мы уже оценили упорство нашего будущего возницы и даже с некоторым спортивным интересом ждали, кто из них возьмет верх — индеец или мотор.

Победил все же человек. В тот момент, когда наш спортивный интерес иссяк и мы стали с вождедением поглядывать на соседние лодки, мотор наконец завелся и потащил нас от пристани.

День был чудесный. Солнце грело довольно жарко, но над озером веял приятный свежий ветерок, такой легкий, что даже не трогал рябью поверхность воды. А вода отсвечивала каким-то почти неестественным, изумительным лазурным цветом, словно ее покрывал густой слой яркой масляной краски, жирно поблескивающей на солнце.

Город, такой обычный и непримечательный вблизи, отсюда, с озера, смотрелся совсем по-другому, и его светлые домики, беспорядочно рассыпанные по горам, выглядели веселыми и нарядными. Белые парходики в порту сонно нежились в ярких лучах, воздух был свежим и крепким, как молодое вино, и никакой разреженности в нем не чувствовалось, а небо казалось особенно глубоким и синим.

Слева от нас проплыл какой-то безлюдный скалистый островок — беспорядочное нагромождение огромных гранитных глыб. Наш сопровождающий сказал, что в древности здесь находилась одна из главных религиозных святынь инков — храм, от которого теперь осталась лишь груда камней. Дальше, за островом, начались заросли тростника — целые тростниковые леса, разделенные то широкими, то узкими протоками.

Опять забарахлил и заглох мотор. Индеец снова взялся за крышку, легкое течение подтащило лодку к тростниковым зарослям, а наш гид стал рассказывать о месте, куда мы плыли, — одной из знаменитых достопримечательностей озера Титикака и всего Перу, неизменно посещаемой туристами.

Предание говорит, что в давние времена, когда инки далеко раздвинули пределы своей империи, где-то на юге среди покоренных ими народов оказалось небольшое индейское племя урос. В отличие от других племен, склонившихся перед силой оружия, урос проявили упорство, и, хотя войско их было наголову разбито, они отказались признать власть инков и подчи-

ниться им. Инки прибегнули к своему испытанному способу усмирения непокорных — к насильственному переселению их на исконные земли империи. Урос пригнали к озеру Титикака и поселили на его берегах. Но и это не помогло — с поражавшей завоевателей твердостью маленький народ, оторванный от родной земли, бросил вызов в лицо могущественному императору инков, заявив, что работать на победителей не будет. Тогда Инка отдал своим войскам приказ истребить мятежное племя. Почти весь этот народ — мужчины, женщины, дети — были без пощады перебиты, но нескольким семьям все же удалось спастись от смерти. Они уплыли по озеру куда-то в зеленые чащи тростниковых зарослей, построили себе из этого тростника плавающий остров и поселились на нем. Они живут там и донныне.

Как ни подготовлены мы были этим интересным рассказом к зрелищу, которое нас ожидало, но, когда лодочник, починив мотор и проплутав с полчаса по запутанному лабиринту протока, привел наконец свое суденышко к острову племени урос, мы вышли на берег, пораженные картиной, открывшейся перед нами.

Собственно говоря, это даже нельзя было назвать берегом. Лодка ткнулась носом в кучу набросанного на воду тростника. Лодочник первым перешагнул через борт, и, к нашему удивлению, эта тростниковая масса не провалилась под ним. Тогда вылезли и мы.

Странное ощущение испытываешь, ступая на этот остров. Сначала нога уходит вниз, будто увязая в тростниковых стеблях, и хочется отдернуть ее. Но тут же она чувствует опору. Ты делаешь шаг, другой — тростник прогибается под ногами, как плотный дерн на болоте, но выдерживает твою тяжесть. Иногда между стеблями чуть-чуть проступает вода, но в общем ты идешь посуху. Ты оглядываешься вокруг, и почти все, что видят твои глаза, сделано из того же тростника.

На тростниковой поверхности острова стоят домики, сложенные из связок тростника, с такими же тростниковыми крышами, скорее шалаш, чем дома. Заглядываешь в такой шалаш — и видишь постеленные на тростниковом полу толстые тростниковые циновки. У тростникового берега на воде покачиваются странные лодки — они тоже связаны из длинных пучков

тростики и похожи на тот, построенный из папируса, корабль «Ра», на котором Тур Хейердал с товарищами совершил свое знаменитое плавание из Африки через Атлантический океан. Кстати, говорят, что тростниковые лодки племени урос самые устойчивые в мире — они никогда не опрокидываются. Они бывают и парусными, но вместо паруса на мачте укрепляют опять же тростниковую циновку. Маленькими тростниковыми моделями этих лодок тут же торгуют, назойливо хватая за одежду туристов, оборванные и грязные мальчишки-островитяне.

Единственный дощатый домик на острове — это начальная школа. Но она построена совсем недавно. До последнего времени урос жили очень изолированно и почти не имели контактов с жителями побережья озера. Эта замкнутость трагически отозвалась на судьбе племени: прежде гораздо более многочисленное, оно вырождается и вымирает — урос осталось всего несколько десятков человек.

Мужчины, видимо, были на работе или уплыли на рыбную ловлю, которая составляет их главное занятие. Мы видели на острове только женщин и детей. Пожилая индианка, сидя на охапке тростника перед шалашом, ощипывала курицу. Когда я сфотографировал ее, она встала, подошла и протянула руку, требуя плату. Пришлось дать ей монету. Тотчас же подбежала откуда-то древняя и очень грязная старуха и тоже стала выпрашивать подаяние. Получив монету, она начала просить сигарету. С разных сторон приставали мальчишки, успокоившиеся только после того, как каждый из нас купил у них по тростниковой лодочке.

Ощущение вопиющей бедности, грязи и нищенства было тягостным, и захотелось скорее уехать отсюда. Правда, наш друг из университета уверял, что эта бедность показная — для туристов, а на самом деле урос сейчас живут не так уж плохо. Не знаю, верно ли это, но было грустно сознавать, что остатки некогда гордого, непокорного народа, характера которого не могла сломить жестокость могучих завоевателей, превратились теперь в горсточку нищих попрошайек и грязных оборванцев. словно стыдно становилось за свой век, за ту современную цивилизацию, что каждый день является на этот плавучий остров нищеты в образе десят-

ков богатых и сытых туристов, прилетевших на комфортабельных самолетах из далеких стран.

Я думаю, урос — единственный на нашей планете народ, не владеющий ни малейшим клочком земли. Страшно представить себе, что на протяжении веков люди рождались, вырастали и старились на этом большом тростниковом плоту, плавающем по озеру. Даже трудно назвать их жителями земли. Ведь они возвращаются к земле только после смерти: если кто-нибудь умирает на тростниковом острове, соплеменники кладут его в лодку, везут на берег озера и там хоронят.

Когда мы, вернувшись из этой поездки назад в Лиму, рассказали нашему другу Хенаро Корнеро Чека о впечатлении, оставленном у нас экскурсией на остров урос, он горько усмехнулся.

— Для меня урос — это образ всего нашего Перу, — грустно сказал он. — Их судьба — это судьба большинства наших крестьян. Правда, они живут на земле, но не владеют ею так же, как урос. Они тоже получают свой кусочек земли только после смерти.

Справедливости ради надо заметить, что сказано это было еще до объявления той земельной реформы, которая сейчас проводится в Перу. Хочется надеяться, что она изменит к лучшему прежнее бедственное положение безземельных крестьян.

Мы вернулись домой после поездки на остров урос, подавленные виденным. Да и, как всегда, во второй половине дня опять начало сказываться влияние высоты, хотелось отдохнуть и хоть бегло записать свои впечатления в блокноты. Наши университетские друзья тоже решили не перегружать нас и дальнейшую программу перенесли на завтра. Мы ждали, что нас снова атакует Юля, но она в этот день так и не появилась.

Следующее утро было посвящено осмотру университета. Он построен недавно и занимает обширную территорию на склоне горы у окраины Пуно. Очень похожий на другие новые университеты, которые нам приходилось видеть в городах Латинской Америки, он состоит из комплекса невысоких, большей частью одноэтажных зданий простой и строгой современной архитектуры и спроектирован так, что каждому факультету отведен отдельный корпус. В центре этого комплекса высится трехэтажное главное здание, где поме-

щаются ректорат с канцеляриями, библиотека и читальня, актовъй и спортивный залы и прочие общеуниверситетские помещения.

Лабораторные комнаты и аудитории очень продуманно размещены и хорошо оборудованы. Видимо, неплохо организован и быт учащихся. Но было как-то непривычно ходить по пустым университетским коридорам и помещениям — каникулы еще не кончились. Хотя нас сопровождали ректор и несколько профессоров, все же университет без студентов подобен телу без души, и нечто унылое и неестественное было в безлюдии этих зданий, всегда наполненных веселым гомоном, шумом и смехом молодежи.

В одном из корпусов к нашей группе присоединилась женщина, заговорившая с нами на странной смеси русского и украинского языков. Оказывается, и в Пуно отыскалась наша землячка. Она была родом из Тернопольской области и несколько лет назад приехала в Перу к мужу. Теперь она преподавала русский в языковой академии при университете.

Университет в Пуно — единственное из перуанских высших учебных заведений, где создана такая академия. Среди прочих языков в ней изучают и русский. Никаких учебников тут нет, и преподавателю приходится самому сочинять для студентов импровизированные грамматику и словарь. Судя по тому, как разговаривала наша новая знакомая, ее студенты получали весьма отдаленное представление о языке Пушкина и Толстого. Она говорила больше на украинском, чем на русском, да еще на том наречии, которое свойственно западным областям Украины, с многочисленными вкраплениями польских, чешских и даже латинских слов. Но нам сказали, что до нее русскому учил студентов какой-то чех, гораздо хуже владевший нашим языком. Действительно, когда нам показали составленный им и отпечатанный на машинке маленький испанско-русский словарь, мы буквально покатывались с хохота, читая, как забавно перевирал он правописание наших слов.

В общем-то смеяться было нечему — бедность не порок. Что могли сделать руководители академии, если кроме этой западноукраинки русский язык в Пуно, и то с грехом пополам, знала только Юля, недавно

приехавшая из Москвы? Где же им было взять других преподавателей? Мы от души посочувствовали им и обещали по возвращении в Москву прислать учебник русского для испанцев и кое-какую литературу. Обещание это было выполнено.

Пока мы бродили по университетскому городку, появилась группа студентов и с ними наша недавняя москвичка Юля. Они пришли пригласить нас вечером побывать в студенческом клубе, встретиться с молодежью. Однако наши хозяева — профессора — заявили, что это невозможно, — вечером в доме ректора затевался ужин в честь нашей делегации, а оттуда мы должны были ехать уже на вокзал, к поезду. Очень огорченные, ребята ушли. И все-таки они подстерегли нас. Дорога к дому ректора вела мимо университета. Когда мы, уже затемно, ехали на ужин, преграждая машине путь, на дорогу вышло несколько темных фигур, и мы невольно встопорили полицейского капитана. Шофер все же остановил машину, но, как нам показалось, с тревогой вглядывался в приближающихся людей.

Это были студенты во главе с той же Юлей. Они переквотили нас, чтобы попросить зайти всего на десять — пятнадцать минут в ближайший университетский корпус, где собрались члены студенческого клуба имени Хосе Карлоса Мариатеги, желающие просто поприветствовать советских гостей.

Так настойчиво и убедительно просили они, что отказать было невозможно. В конце концов, мы могли выждать к ректору минут на пятнадцать. Сопровождавший нас профессор согласился подождать в машине, и вслед за студентами мы взобрались по каменистому откосу горы к белевшему над дорогой зданию.

Нас привели в обычную классную комнату с длинной черной доской и небольшим дощатым помостом перед ней. Десятка два студентов и студенток встретили нас самыми бурными аплодисментами. Над доской, во всю ее длину, протянулся старательно написанный на бумаге печатными русскими буквами лозунг.

«Довре нежелование представитэли русского народа!»

У дальней стены на столике стояли стаканы и три бутылки перуанской водки. На окне был открытый патефон с приготовленной на диске пластинкой.

Отзвучали аплодисменты, и все эти молодые люди стали чередой подходить, пожимая руку каждому из нас. Они делали это так же прочувствованно и истово, как профсоюзные активисты из Куско, приходившие навестить нас в отель. Потом Юля произнесла короткую приветственную речь, а я от имени нашей делегации поблагодарил молодежь. Студенты поднесли нам трогательные маленькие сувениры и потащили к столу, где один из юношей уже разлил водку по стаканам.

Кто-то пустил в ход патефон, и в комнате раздались звуки «Интернационала». Все замерли со стаканами в руках, со строгим, торжественным выражением на лицах, и стояли, пока звучал гимн. И опять, как в тот раз в Куско, мы почувствовали перехватывающее горло волнение. Не только для тех рабочих людей из древней столицы инков, но и для этих перуанских студентов мы были посланцами страны Надежды, символом великой идеи, которую воспевал звучащий сейчас гимн пролетариата земли. Как обязывает нас это высокое доверие и как нелегко быть достойными его!

Мы выпили, и нас безропотно отпустили назад к машине, провожая на дорогу веселой шумной толпой. Так была подготовлена и организована вся «церемония» нашего приема, что она заняла ровно пятнадцать минут. Потом в доме ректора, где в тот вечер собралось много гостей, было вполне непринужденно и весело, но нам то и дело вспоминалась эта четверть часа, проведенная в университетской аудитории в обществе молодых последователей Хосе Карлоса Мариатеги и так взволновавшая нас.

Около полуночи мы были уже на вокзале и заняли свои места в спальном вагоне. Рано утром поезд пришел в Арекипу — второй по величине город страны, который был заложен, как и Лима, тем же Франсиско Писарро. Мы успели поездить по его улицам с домами, построенными из розового и белого камня, и полюбоваться главной достопримечательностью этого города — тремя вулканами, которые в отдалении высоко вздымают над зеленой долиной свои конические вершины, увенчанные снежными шапками. Потом был аэропорт и двухчасовой полет до Лимы, где нас уже ждали неизменные Виолета Валькарсель, Бети и Маноло.

НА АМАЗОНКЕ

Мы видели уже две характерные географические зоны Перу — его пустынное тихоокеанское побережье и горные районы Кордильер. Оставалась еще третья, зона сельвы, тропических лесов, занимающих огромные пространства на севере страны — в бассейне Амазонки.

Мне и Нине Булгаковой уже случилось побывать в сельве, и как раз на берегах Амазонки, когда за два года до этого мы ездили в Колумбию. А Роберт Рождественский еще никогда не видел тропического леса Южной Америки и, конечно, мечтал постоять на берегу «царицы земных рек». Впрочем, и для нас с Ниной это путешествие было очень соблазнительным. Колумбия владеет лишь небольшим кусочком Амазонки на своем крайнем юге, где ее границы сходятся с государственными рубежами Бразилии и Перу. Перуанская же территория — это родина великой реки: именно на земле Перу, в глубине Кордильер, от их снежных шапок

и ледников берут начало горные ручьи — истоки рек Урубамбы, Апуримака, Укаяли, Мараньона, которые потом, постепенно сливаясь друг с другом, образуют многоводную и быструю Амазонку. Да и тропические леса, теснящиеся по ее берегам, — это край особенный, не похожий на все, что мы видели в Перу до сих пор.

Административным и торговым центром северной области страны считается город с портом на Амазонке — Икитос. Решено было, что мы отправимся туда. Сначала предполагалось ехать на машине через Кордильеры до того места, где начинается Амазонка, и потом спуститься на пароходе по реке к Икитосу. Это была бы сказочно интересная поездка, и мы просто таяли от восторга, предвкушая ее. Но подсчитали и огорчились. Как ни прикидывали наши друзья, получалось, что меньше недели на такое путешествие никак не выкроишь. А у нас на него оставалось только четыре дня. Пришлось нарушить формулу «страна познается колесами» и лететь в Икитос и обратно самолетом.

День выдался пасмурный. Как всегда полный североамериканских старушек и старичков, самолет, взлетев, сразу окунулся в белое облачное молоко и долго пробивался к голубому небу. Кордильеры были плотно заволочены тучами, но здесь и там самые высокие вершины вздымали свои снежно-ледяные головы над верхним краем облачного слоя и ярко блестели на солнце. Потом облака стали прореживаться, внизу в просветах проплывали уже некрутые лесистые горы, а затем пошла равнина — зеленый океан сельвы без конца и края, раскинувшийся во все стороны до дальнего горизонта.

Эта картина мне была уже знакома по Колумбии. Летишь два или три часа, пролетаешь сотни и сотни километров, а внизу все тянется одно и то же — темно-зеленый лес, сплошь окутавший землю.

Нашу сибирскую тайгу тоже можно назвать зеленым океаном — по площади она не уступит сельве. Но характер леса у нас совсем другой. Там он порой чередуется с открытыми пространствами, там видишь поляны, прогалины — свободные от деревьев места. Тут же вы не заметите ни клочка земли — все покрыто

буйной, бешеной растительностью. Только реки прорезают кое-где этот сплошной, непроглядный лес, но и глядя сверху на реку, вы не увидите полосы берега — деревья не только подступают к его краю, они даже входят в воду с обеих сторон. И пусть над сельвой сверкает солнце и голубеет безоблачное небо — что-то жуткое, пугающее есть в этой необъятной лесной стихии, по-океански грозной. Случись что-нибудь с самолетом, и садиться некуда — плюхайся на деревья и молись всем богам, чтобы остаться живым при этой вынужденной посадке. А если останешься жив, молись о другом — чтобы самолет потом смог найти: в настоящем океане это сделать легче, чем здесь — на тысячекилометровых пространствах непроницаемых для глаза зеленых зарослей. Даже когда найдут, нелегко будет выручить потерпевших крушение — разве что вертолеты пришлют, ибо по земле надо неделями прорубаться сквозь плотную стену леса.

Только тот, кто побывал в сельве, кто смотрел на этот лес не сверху, с самолета, а снизу, с земли, стоя под его зелеными сводами, может представить себе, что значит прокладывать сквозь него дорогу.

Влажной духотой, банной испариной исходит тропический лес. Частые грозные ливни насыщают его влагой, которую не успевают отсасывать растения, и каша жидкого лёсса, похожая на густой гороховый суп-пюре, покрывает землю. Сквозь этот желтый кисель жирная, необыкновенно родючая почва гонит наружу несметные полчища растений. Травы, кусты, деревья, переплетаясь корнями, ветвями и стеблями, яростно сражаются между собой не на жизнь, а на смерть под землей, на земле и над ней и, в погоне за светом, за солнцем, судорожно стараются вырваться вверх, обогнать в росте соседей, забить, задушить их. Но света мало, а солнца совсем нет, в лесу стоит сумрак — ветви огромных деревьев наверху ведут такую же бешеную борьбу за солнечные лучи и густо сплетены в сплошной зеленый потолок. Длинные, гибкие, как змеи, лианы, зеленые стебли каких-то вьющихся растений оплетают стволы и ветви деревьев, тянутся от дерева к дереву, ниспадают до земли. Они на каждом шагу преграждают вам путь, и сквозь этот лес надо прорубаться, почти как сквозь стену. А пока вы про-

рубаетесь вперед, медленно, с трудом отвоеывая каждый десяток метров пути, сзади за вашей спиной дорога, проложенная вами, снова начинает зарастать, и вскоре от нее не остается следа.

Лес этот полон жизни, и не только растительной. В густой его чаще неслышной походкой крадется по раскидистым ветвям деревьев ягуар или леопард, которого местные жители зовут ласковым словом «тигрито». Притаившись на ветке, замер, подстерегая добычу, удав с железными мускулами, играющими под серой чешуей. Высоко наверху, в непроницаемой для взгляда зеленой путанице листьев, слышны крики обезьян и попугаев. Травы и кусты кишат ядовитыми насекомыми и змеями, среди которых попадает и розовато-желтая коралловая змея — от ее яда доньше нет никакого спасения.

Это лес роскошный и страшный, поражающий богатством своей жизни и враждебный для жизни человека. Индейцы, населяющие районы сельвы, очень бедны и ведут трудное полуголодное существование. Тут даже сельским хозяйством заниматься нелегко — свирепые тропические ливни то и дело смывают плодородный слой земли вместе с посевами на полях. Но богатые плантаторы делают здесь большие состояния, выращивая бананы и другие фрукты, добывая каучук, корицу, хинин.

Наш трехчасовой полет подходил к концу, и самолет быстро снижался над сельвой. Видно, недавно прошла гроза, и облачка пара вились над лесом, словно дымки костров, разведенных там, в чаще. Теперь уже можно было различить отдельные деревья, кроны высоких королевских пальм, вознесенные над другими зелеными верхушками; яркими желтыми пятнами выделялись среди зелени какие-то цветы. Появились вырубленные поляны. Потом на вираже машины показались широкая серая полоса мутной реки и раскинувшийся по ее берегу довольно большой город.

Было даже непривычно, что на этот раз нас никто не придет встречать, — мы только везли с собой рекомендательное письмо к одному из работников местного Дома культуры. Зато мы сами стали свидетелями торжественной встречи на аэродроме. За несколько ми-

нут до нашего прилета совершил посадку самолет, на котором из Лимы прибыло три министра нового правительства. Стояло полицейское оцепление, и за ним теснилась толпа зевак. Около подрулившей к аэропорту машины играл военный оркестр, выстроилась шеренга почетного караула, и у трапа какие-то штатские пожимали руки осанистым генералам — власти Икитоса приветствовали приезжих. Жарко палило солнце, было душно и влажно.

Генералы обошли строй почетного караула, и длинный кортеж машин двинулся от аэропорта. Толпа зевак быстро рассосалась, мы подхватили свои чемоданы и, взяв такси, поехали в город. Мы были одни, без сопровождающих, без всякой заранее составленной программы, и сознание этого приносило приятное ощущение полной свободы, от которой мы как-то отвыкли за последний месяц.

Шофер такси привез нас в лучший отель города — «Турист», стоявший на берегу Амазонки. Недавно построенный, он был вполне комфортабельным, с автоматическими лифтами, с просторными холлами, с баром, декорированным под индейскую хижину, крытую пальмовыми листьями, с аппаратами для кондиционирования воздуха в номерах, что было очень приятно в этой удушливой, влажной жаре. В нижнем холле в ряд стояли большие клетки, где прыгали яркие попугаи и туканы с огромными клювами, а в одной жила обезьянка истерически-нервного характера — она трусливо сжималась и начинала кричать какой-то обезьяний «караул!», едва только кто-нибудь приближался к ней. Наверно, она заразила неврастенией и своего соседа — тукана: он тоже недоверчиво и боязливо поглядывал на людей и, когда подходили к его клетке, орал пронзительно резким, неприятным криком. Этот крик по ночам доносился снизу даже к нам, на четвертый этаж.

Было воскресенье. Дом культуры, куда мы должны были передать рекомендательное письмо, оказался закрытым, и мы весь день наслаждались свободой, бродя по улицам.

Икитос с его ста тысячами жителей — весьма оживленный городок. Его главная торговая улица, Хирон Лима, со множеством магазинов и лавчонок, до поздней ночи полна народу, а с наступлением темноты

расцветивается разноцветными буквами неоновых вывесок и реклам. Центр застроен невысокими каменными зданиями незатейливой архитектуры, а на окраинах и в кварталах, прилегающих к речному порту, преобладают деревянные дома, типичные для этой тропической зоны,— они подняты над землей на сваях для защиты от сырости и от ядовитых насекомых и змей. Там, в портовых кварталах, весь день царит шумная суэта, бьют гудки пароходов, трещат моторы катеров, громко переключаются матросы и грузчики, бойко торгует пестрый рынок, заваленный горами фруктов — пудовыми связками бананов, кучами апельсинов и какими-то невиданными у нас в Европе плодами, нежиданными и на вид и на вкус. Там бродят в толпе, цепким взглядом ощупывая прохожих, мрачные оборванцы с красными пьяными глазами, злоеще поблескивающими из-под обтрепанных полей старого сомбреро, там у порогов хижин на ступеньках лестниц, ведущих в дома, флегматично сидят старухи индианки с бронзовыми морщинистыми лицами и голопузые ребятишки ползают в пыли, там бедность и нищета странно сочетаются с какой-то бесшабашной, веселой беспечностью.

Днем мы облюбовали себе на центральной площади города небольшой народный ресторанчик, где довольно вкусно и дешево кормили. Ресторан был «бизнесом» большой семьи — полный осанистый папа стоял за стойкой бара, мама, видно, командовала в кухне, время от времени появляясь в зале, чтобы окинуть его хозяйским оком и дать указания двум девушкам — своим дочерям, ловко и быстро обслуживавшим посетителей. Но больше всего понравился нам в этом ресторане чудесный фруктовый сок «кокона».

Кокона — небольшой плод из сельвы, с ярко-красной кожурой — он на вид напоминает маленькие помидоры. Есть его просто так трудно: желтая мякоть кокконы едва ли не кислее лимона. Зато кисло-сладкий сок, который готовят из него, необыкновенно вкусен — он не такой густой и приторный, как сок манго, и не такой кислый, как апельсиновый. Утоляет он жажду отлично, а здесь это главное, в изнурительной тропической жаре Икитоса все время хочется пить. Сок кокконы, как нам сказали, начали делать совсем недавно, и

он уже распространился по всей стране — перед отъездом мы пили его даже в Лиме.

Утром на следующий день мы нашли в Доме культуры человека, которому было адресовано рекомендательное письмо из Лимы. Наш новый знакомый Маноло, еще совсем молодой, низенький коренастый человек, встретил нас с энтузиазмом и развил самую бурную деятельность. Сначала он повел нас в редакцию городской газеты, где мы дали короткое интервью, а затем по телефону условился о свидании с заместителем ректора местного университета, имея в виду организовать наше выступление перед студентами.

Однако в университете нас ждала непривычно холодная встреча. Заместитель ректора с почти ледяной вежливостью выслушал какие-то горячие тирады Маноло и подчеркнуто безразлично пожал плечами, заявив, что еще не кончились каникулы и, если сеньоры из Советского Союза хотят выступить перед студентами, им надо приехать, когда возобновятся занятия.

Такая постановка вопроса была уже несовместима с нашим достоинством, да и вообще в манерах этого ученого мужа чувствовалась скрытая неприязнь, невольное вызывавшая у нас раздражение. Видимо, и Маноло оказывал нам медвежью услугу — его пылкая энергия могла быть истолкована как наша навязчивость. Мы взяли разговор в свои руки и с такой же вежливой холодностью объяснили заместителю ректора, что отнюдь ничего не добиваемся, а пришли сюда по приглашению, переданному нам Маноло, и готовы выступить перед студентами, если к нам обратится с такой просьбой руководство университета, как это случалось в других городах страны. Но так как, судя по нашей беседе, необходимости в подобной встрече нет, это облегчает нам жизнь — мы приехали в Икитос прежде всего для того, чтобы познакомиться с городом, побывать в сельве и совершить поездку по Амазонке. Нам остается только пожелать сеньору заместителю ректора всего лучшего.

Мы поднялись, чтобы откланяться, но тут наш хозяин спохватился и резко изменил тон разговора. Он сказал, что, конечно, считает очень важной встречу студентов с советскими писателями и постарается

устроить ее, хотя учащиеся только начинают съезжаться к началу семестра. Он обязательно сегодня же известит Маноло, когда и где будет эта встреча, а пока предлагает прислать машину с тем, чтобы мы поехали на ней в сельву и познакомились с сельскохозяйственными фермами университета, расположенными там. Это совпадало с нашими планами, и мы условились, что отправимся в сельву после обеда. Попрощались мы уже менее холодно, но и без той теплоты, какой сопровождались наши визиты в другие университеты.

В назначенный час машина — старенький «лэндровер» — подъехала к отелю. Мы проскочили через город, миновали оживленно шумящий порт и по неровной, ухабистой дороге втянулись в лес. Плотная высокая стена зелени — путаница густой листвы и змееподобных лиан — стояла по обе стороны проселка. Горячий ветер доносил оттуда влажный аромат растений, резкие громкие крики каких-то птиц, монотонный и непрерывный цокот цикад. Отделяя эту зеленую стену от дороги, и справа и слева была... ограда из колючей проволоки. Этот дикий лес оказался аккуратно разгороженным, разделенным на участки, принадлежащие компаниям или плантаторам. Он не обогатил своих коренных жителей — индейцев, но он приносит солидные барыши тем, кто поставил его эксплуатацию на широкую ногу. Здесь заготавливают древесину, в том числе дорогое красное дерево. Здесь растут каучуковые деревья — из их сока человек впервые получил резину. Здесь добывают корицу, слух о которой когда-то увлек Гонсало Писарро и его спутников в беспрецедентное путешествие к верховьям Амазонки — в эти самые места, где мы сейчас находились.

Мы так и ехали вдоль колючей проволоки, пока не открылись широкая поляна, вырубленная в сельве, и разбросанные на ней деревянные строения животноводческих ферм. Это был опытный участок сельскохозяйственного отделения университета. По тропкам, протоптанным в густой высокой траве, нас принялись водить от фермы к ферме, с гордостью показывая тучных коров, розовоносых глупо мычащих телят, жирных, раскормленных свиней. Мы вежливо смотрели, старательно делали заинтересованные лица, отпускали одобрительные замечания, но глаза наши невольно то

и дело обращались к дальней окраине поляны — к темно-зеленой стене еще не потревоженного людьми леса.

Потом нас привезли в университетский лесопитомник. Он раскинулся под сенью высоких деревьев слегка прореженного леса на берегу реки — одного из притоков Амазонки, впадающего в нее в нескольких километрах отсюда. Мы прошли меж длинных рядов каких-то саженцев, миновали стоявшую под навесом лесопилку и по желтым пальмовым доскам, источавшим свежий запах древесины, спустились к берегу реки, широкой и полноводной. Но она была не такой быстрой, как Амазонка, и вода в ней казалась прозрачной, зеленовато-голубой; а на том берегу, отражаясь в спокойной глади, во всем буйстве зелени поднимался тропический лес, уже свободный от колючей проволоки, первозданно дикий и непролазный, как века назад. Вглядываясь сквозь листву нависших над водой веток в глубину темнеющей с каждым метром сумрачной чащи, стараешься представить себе это бесконечное лесное море изнутри, на всем головокружительно огромном пространстве в тысячи и тысячи квадратных километров, и тебя охватывает сжимающая сердце жуть, как при попытке вообразить расстояние до мерцающей над твоей головой в ночном небе дальней звезды. Ты вспоминаешь о том, что в зеленых глубинах сельвы лежат таинственные области, куда еще не проникли люди, что до последних лет случалось — уходят туда научные экспедиции и исчезают бесследно и безвозвратно — и что поныне живут в неисследованных чащах этого леса неизвестные дикие племена индейцев, никогда не видевшие белого человека. Великий и страшный лес, лес — хранитель первобытного состояния природы и людей, еще далеко не открывший нашему пытливому веку своих сокровенных загадок...

Мы приехали назад в Икитос только перед вечером. И тут же неожиданное событие сразу вернуло нас в будничную действительность сегодняшней, опутанной невидимой колючкой, тщательно разгороженной земли.

Еще в первый день приезда мы обратили внимание на какого-то человека в вестибюле отеля. У него была совершенно невыразительная наружность, которую

очень трудно запомнить или описать, — идеальная внешность полицейского агента. Он сидел с газетой, внимательно ее читая, и по временам, словно обдумывая прочитанное, опускал на колени газетный лист и рассеянно поглядывал в нашу сторону. Сначала мы remarked, что это один из постояльцев. Но он неизменно оказывался в вестибюле, когда мы спускались вниз, а потом два или три раза мы заметили его позади нас во время прогулок по городу. Мы тоже стали незаметно наблюдать за ним и вскоре убедились, что он следит за нами. Скрывать нам было нечего, и сам факт слежки не вызывал ни удивления, ни раздражения — полиция как-то должна оправдывать свое существование, а мы ведь были, наверно, первыми советскими людьми, приехавшими в Икитос. Пусть следит на здоровье, — в конце концов, нас это ничуть не беспокоило, а только забавляло. Уж больно топорно работал этот шпик. Мы прозвали его «читателем» и обменивались между собой веселыми шутками на его счет.

В сельву он за нами не ездил — то ли побоялся, что мы заметим слежку, то ли потерял нас из виду. Но когда мы вернулись, «читатель» был на месте — сидел с газетой у столика в вестибюле. Мы взяли у портье ключи и ожидавшую нас записку от Маноло, в которой он сообщал, что зайдет за нами в восемь, — в лекционном зале университета был объявлен вечер поэзии Роберта Рождественского. Потом поднялись к себе наверх, намереваясь принять душ и отдохнуть.

Но не прошло и пяти минут, как ко мне в дверь постучали. Пришли Нина и Роберт в сопровождении какого-то молодого парня в гимнастерке жакки с широко распахнутым воротом. Парень явился из полиции. Нам предлагалось взять свои паспорта и следовать вместе с ним в полицейский участок. Это уж совсем не походило на трогательную полицейскую заботу о нашей безопасности в городе Пуно. Но так или иначе мы должны были подчиниться местным властям.

Парень в гимнастерке спустился с нами в лифте и, проходя через вестибюль к выходу, сделал незаметный, по его мнению, знак «читателю». Тот быстро сложил газету и вышел вслед за нами. Так мы проследовали по улицам впереди — сопровождавший нас полицейский, за ним — мы втроем, а сзади, в некотором

одалении,— шпик, усердно притворявшийся, что не имеет никакого отношения к нам.

К счастью, полицейский участок оказался недалеко — в нескольких кварталах от гостиницы. Мимо караульного нас провели по крутой деревянной лестнице в просторное помещение на втором этаже. У стен стояли скамьи, а за барьером, перегородившим комнату по полам, сидели за столами какие-то полицейские чины. Парень в гимнастерке взял наши паспорта и ушел к начальству, предложив нам ждать.

Мы присели на скамью у барьера и огляделись. Напротив сидели два оборванца, угрюмо поглядывая вокруг. Еще один оборванец спал, привалившись беком к стене. Молодая мулатка с ярко накрашенными губами и в вызывающе короткой мини-юбке нервно курила — профессия ее была ясной с первого взгляда. За барьером полицейский снимал с кого-то дознание, заполняя протокол. Люди в форменной одежде и в штатском с бумагами в руках то и дело проходили через комнату, исчезая в коридоре.

С возрастающим раздражением мы ждали — наш провожатый не возвращался, хотя прошло уже минут двадцать. Только через полчаса, когда мы уже готовы были заявить протест, он появился и повел нас к начальнику участка, молодому человеку с нахальными глазами, перед которым на столе лежали наши паспорта. Пригласив садиться, начальник спросил у каждого из нас фамилию и придирчиво сверил ее с паспортом. Потом следовали вопросы:

- Цель вашего приезда в Перу?
- С кем вы встречались в Икитосе?
- Есть ли у вас кино- и фотоаппараты?

Последний вопрос казался особенно неуместным — наш отель наводняли североамериканские туристы, увешанные с ног до головы всяческой съемочной аппаратурой. Тем не менее мы вежливо удовлетворили любопытство полицейского и добавили, что цель нашей поездки в Перу должна быть ему известной, если он читает газеты, — в них были опубликованы и интервью с делегацией, и сообщения о наших встречах с министрами правительства.

Судя по тому, какое озадаченное выражение появилось на его лице, начальник полиции, в отличие от сво-

его агента, следившего за нами в отеле, газет не читал и о нашей делегации представления не имел. Но он задумался только на минуту и тут же вышел из положения с чисто полицейской ловкостью.

— Сеньора и сеньоры! — торжественно обратился он к нам. — Как вам известно, наши страны установили между собой дипломатические отношения...

Ошеломив нас этим открытием и доказав таким образом, что иногда читает газеты, он самодовольно откинулся в кресле и продолжал:

— Поэтому мы решили пригласить вас и спросить: какую помощь мы можем оказать вам здесь, в Икитосе?

Теперь озадачены были мы. Привести нас почти под конвоем в участок, продержат полчаса вместе с бродягами и проститутками только для того, чтобы любезно предложить помощь! Это была поистине полицейская вежливость. Но мы решили поймать его на слове.

— С удовольствием воспользуемся вашей любезностью. Завтра мы хотим совершить поездку по Амазонке и будем очень благодарны, если вы предоставите нам для этого полицейский катер.

Он явно предполагал, что в ответ на его предложение мы только рассыплемся в благодарностях. Просьба застала его врасплох.

— Гм... Катер?.. — замялся он, раздумывая. — Я должен узнать... есть ли свободные катера... Сеньора и сеньоры, завтра ровно в восемь утра я позвоню вам в отель и сообщу... Я приму все меры...

Он вручил нам паспорта и даже проводил до двери, сверкая любезной улыбкой. Немало позабавленные этим происшествием, мы вернулись в отель, где в вестибюле на прежнем месте сидел наш «читатель», а у стойки портье ждал Маноло — уже было время идти на вечер в зал университета.

Когда, вернувшись в Лиму, мы, смеясь, рассказали друзьям о том, как нас водили в полицию, они понимающе переглянулись.

— В Икитосе всегда так, — сказал кто-то из них.

Оказывается, этот город считается в Перу цитаделью консерватизма и реакции, и его власти не очень-то были довольны визитом советских людей. Вполне

вероятно, что вызов в полицию отнюдь не был самовольной инициативой начальника участка...

Как мы и предполагали, в восемь утра не последовало никакого звонка из полиции. Но отказываться от поездки по Амазонке мы не собирались. Утром Маноло повез нас куда-то в пригород Икитоса, где, по его словам, можно было недорого нанять моторную лодку.

Царица земных рек — Амазонка — под стать лесному океану, среди которого она течет. Это река могучая и страшная. Даже здесь, в верховьях, от берега до берега Амазонки будет добрый километр. А потом она тянется почти на четыре тысячи километров через Перу, Колумбию и Бразилию, вбирая все новые реки, и приносит в Атлантику такую массу воды, что в нижнем ее течении даже с середины не увидишь берегов. Недаром ее зовут река-море.

Вода в Амазонке мутная, серовато-желтая, течение стремительное, полное бурливых водоворотов. Как ни жарко на ее берегах, это не та река, при взгляде на которую вам хочется раздеться и поплавать в прохладных волнах. Да и вообще купаться и плавать в Амазонке нельзя — это может стоить вам жизни.

Будь вы очень опытным и сильным пловцом, все равно любая попытка бороться с течением окажется бесполезной. Вас подхватит и понесет так быстро, что на берег придется выходить далеко от того места, где вы вошли в воду. Но главное препятствие — не течение.

В Амазонке живет рыба, которую называют карибе, или пирайя. Небольшая по размеру — в среднем с человеческую ладонь — она похожа на нашего окуня и ходит по реке большими стаями. У нее острые мелкие зубы и выдвинутая вперед сильная нижняя челюсть. Рыба эта — злобный хищник, она не просто кусает, а отхватывает куски мяса у человека или животного, попавшего в реку. Сотни и тысячи карибе, обезумев от крови, набрасываются на свою жертву со всех сторон, и в несколько минут от нее остается обглоданный скелет.

Есть и другой опасный житель амазонских вод — электрический угорь. Черная змеевидная рыба длиной этак с полметра, она, говорят, очень любопытна. Если вы проплывете поблизости от нее, она обязательно за-

хочет познакомиться с вами легким прикосновением к телу. При этом она награждает вас электрическим разрядом напряжением в 140 вольт. Даже на земле такой электрический удар ошеломляет, а в воде он ощущается гораздо сильнее. Вы можете даже на несколько мгновений потерять сознание, и этого будет достаточно, чтобы захлебнуться.

Понятно, что купаться в Амазонке мы не предполагали. Но проехать по реке в моторной лодке или на катере, полюбоваться берегами, где чаща сельвы подступала к самой воде, нам очень хотелось. Мы знали, что где-то поблизости от Икитоса, на речках, впадающих здесь в Амазонку, расположены живописные индейские деревни, жители которых — и мужчины и женщины — ходят голыми до пояса и лишь носят на бедренных повязки, подобие короткой юбочки из волокон каких-то растений. Они вооружены сербатанами — своего рода «духовыми ружьями» — полыми стеблями бамбука или тростника двухметровой длины, сквозь которые с большой точностью и довольно далеко выдувают легкие стрелы, отравленные страшным ядом кураре, вызывающим паралич нервной системы у живого существа. Но уже давно канули в прошлое времена, когда аборигены джунглей Амазонки встречали этими стрелами незваных белых пришельцев, — теперь они служат только для охоты на животных и птиц, а еще больше для развлечения туристов. Вся экзотика прежнего примитивного быта индейских племен сохраняется жителями этих близких к Икитосу деревень по соглашению с туристскими агентствами, которые везут туда своих любопытных клиентов. Это как бы живые музеи, доход от эксплуатации которых частично получают и сами экспонаты.

Увы, нам так и не довелось попасть в эти заповедники тропической экзотики. В последний день нашего пребывания в Икитосе погода сыграла с нами злую шутку.

Сначала, казалось, все шло хорошо. Мы приехали к пригородной пристани, лежащей не на Амазонке, а на берегу одного из ее притоков. Наш Маноло вскоре договорился о поездке с молодым лодочником, своим тезкой — тоже Маноло, и мы один за другим по шатким доскам причала забрались в открытую моторку.

С мотором нам явно не повезло, как и на озере Титикака, — этот тоже чихал, кашлял и долго не хотел заводиться. Все же наконец мы отчалили, и блаженное предчувствие интересного путешествия охватило нас.

Надо было пройти по этой речке километра два до ее устья, а потом по Амазонке спуститься ниже Икитоса и там побывать в каких-то индейских деревнях. Но едва мы отошли от берега, как наплыли низкие тучи и начал сытться противный мелкий дождь. Зеленые берега сразу потускнели в его мокрой сетке и уже не казались такими живописными и яркими.

Февраль и март — капризный и неустойчивый сезон на Амазонке. Но два предыдущих дня в Икитосе были вполне сносными, и короткие дожди быстро сменялись веселой солнечной погодой. Мы надеялись, что так будет и сегодня. Однако этого не случилось.

К тому времени, как моторка вышла в Амазонку, где течение заметно прибавило скорости нашему суденышку, дождь превратился в ливень. Укрыться на лодке было негде, и мы вскоре промокли до нитки. Даже фотоаппаратом нельзя было пользоваться — струи дождя заливали объектив. Мутно-желтая поверхность реки рябилась и пузырилась. Та же однообразная, густая, непроницаемая для глаза стена зелени тянулась по обоим берегам, и лишь изредка на вырубленных полянках серели такие избушки на курьих ножках — дощатые домики из пальмового дерева, поднятые на сваи и крытые пальмовыми листьями.

Вдобавок начал барахлить мотор. Маноло-лодочник, выбрав на правом берегу большой свайный дом, перед которым над водой чуть поднималась дощатая платформа, причалил к ней. От причала крутая лестница вела прямо к открытым дверям дома. Маноло предложил нам немного обсушиться, пока он починит мотор.

В доме оказался магазин — небольшая лавочка деревенского типа, где торговали старуха индианка и ее дочь — девушка лет пятнадцати. Полки были заставлены консервными банками и бутылками с пестрыми этикетками; сбоку на прилавке лежала вяленая рыба; распяты на «плечиках», висели дешевые яркие рубашки, женские кофточки и белье.

Хотя в воздухе не было холодно, но над рекой гу-

лял свежий ветер, и мы слегка продрогли в насквозь мокрой одежде. Решено было принять меры против простуды, и мы тут же, закусывая рыбой, распилили бутылку перуанской водки, угостив и лавочницу и нашего лодочника, который вскоре присоединился к нам — мотор удалось починить.

Мы нетерпеливо поглядывали наружу. Через полчаса дождь начал стихать, и мы решили ехать дальше. И опять, едва только лодка достигла середины реки, с неба хлынули новые потоки. Все вокруг заволочло такими серыми тучами, что мы поняли — поездка испорчена и поправить дело уже не удастся: на другой день мы должны были возвращаться в Лиму.

Когда на высоком правом берегу показались дома Икитоса, лодочник Маноло причалил прямо к крутому глинистому откосу около нашей гостиницы. Взять от нас деньги он категорически отказался, заявив, что программа путешествия не выполнена. Нам оставалось только пригласить его к себе, чтобы угостить русской водкой и вручить несколько московских сувениров. Пачкаясь в глине, мы кое-как взобрались по откосу и, оставляя лужи стекающей с нашей одежды воды, всей компанией прошли через вестибюль к лифту, провожаемые подозрительным взглядом «читателя», как обычно сидевшего с газетой в углу. Поистине Амазонка была к нам так же негостеприимна, как полиция Икитоса.

Кстати, на следующее утро, улетая в Лиму, мы столкнулись в аэропорту с начальником полицейского участка. То ли он сам решил удостовериться, что мы покидаем город, то ли приехал по другим делам, но нас он приветствовал, как старых знакомых, и осведомился, как мы провели время. Мы не утерпели и посоветовали ему завести более умных агентов, сказав, что приставленный к нам «читатель» работал слишком грубо. Полицейский старательно изобразил на лице оскорбленную невинность.

— Сеньора и сеньоры, что вы! — воскликнул он. — Какой агент? Какая слежка? Вам просто показалось.

Но тут объявили посадку, мы, смеясь, подхватили свои чемоданы, и он проводил нас с явным облегчением.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Взрослые имеют обыкновение задавать детям дурацкий вопрос:

— Кого ты больше любишь: папу или маму?

Помимо того, что тут проглядывает противное интриганское желание поставить ребенка в неловкое положение перед одним из родителей, такой вопрос неверен и по существу. Почему, в самом деле, больше или меньше? Что за нелепая привычка мерить неизмеримое, взвешивать не имеющее тяжести? Помню, в детстве этот вопрос всегда вызывал у меня неосознанное раздражение, и человек, задавший его, становился в тот момент неприятен мне.

Признаться, сейчас меня ставит в тупик и раздражает другой вопрос, с которым ко мне обращаются довольно часто:

— Вот вы много путешествовали, объехали полмира. А в какой стране вам понравилось больше всего?

И я опять чувствую себя ребенком, которому пред-

ложили выбор между папой и мамой. Я не могу найти ответа. Мне в свою очередь хочется спросить: «Что понравилось? Горы или мясо? Закаты или красота женщин? Национальные костюмы или вино? Архитектура или климат?» А в глубине души я знаю, что не смогу ответить, даже если вопрос будет задан более конкретно.

Нет, я не согласен отдать ни одной из семидесяти стран, где мне довелось побывать за свою жизнь, как многодетная мать не согласится пожертвовать ни одним из рожденных ею. Я не смогу сделать решительного выбора между Францией и Англией, Бирмой и Пакистаном, Болгарией и Венгрией, Чили и Соединенными Штатами. Я не смогу отказаться от Испании, хотя там у власти фашизм, от Китая, невзирая на чудовищную эпилепсию маоизма, заразившую сейчас его великий народ. Не смогу потому, что все они — члены одной большой семьи, к которой принадлежу и я, семьи человечества двадцатого века, помещенной природой в тесноте и, увы, нередко в обиде на планете, что с каждым годом становится теснее и меньше.

Никогда еще чувство общности судеб людей, живущих на земле, не было таким острым и повсеместным, как в наше время. С разных сторон его развитию способствуют и страдания, пережитые человечеством в истребительных мировых войнах нашего столетия; и проревевшие над планетой, как страшное предупреждение, взрывы атомных и водородных бомб; и гигантские скачки науки и техники во всех их областях; и разнообразие средств транспорта и связи, опутавших землю видимой и невидимой паутиной линий; и прыжок в космос, и полет на Луну. И разве не этим чувством общности людских судеб, благородной и тревожной заботой о них рождена на свет великая идея Маркса и Ленина, в наш век превратившаяся из призрака в непреклонную реальность социалистического лагеря земли?

Еще сто лет назад слово «путешественник» имело особый смысл, содержащий в себе понятие некой исключительности. В наше время его заменило другое слово — «турист». «Турист» — это путешественник эпохи серийного производства и конвейера, автомобиля и самолета. Туризм — это важная отрасль экономики и

культуры, потребность и излюбленное занятие современного нам человека. Сам порожденный чувством общности людей, он ежедневно и ежечасно способствует его развитию. Миллионы и миллионы туристов едут, плывут, летят, шагают по земному шару, движимые великодушным любопытством, желанием познать самих себя — увидеть своими глазами свое человеческое хозяйство, — и наследство, оставленное природой и предками, и дела, свершаемые сегодня. При всей, порой доходящей до уродства, торопливой поверхностности этих стандартно-конвейерных путешествий («Господа, у нас остался час на собор Парижской богородицы и два — на Лувр!»), они выполняют свою важную работу — подтачивая и размывая в душах людей расовые, национальные, государственные перегородки, способствуя дружбе и взаимопониманию людей.

В любой стране, где пришлось побывать, видишь и то хорошее, интересное, чего нет у тебя на родине и что хотелось бы взять с собой, и то поучительно плохое, чего не должно быть у тебя дома. Наверно, потому бывалому путешественнику так трудно ответить на вопрос: «Где вам понравилось больше?» Да и в этом ли суть? Важно то, что в каждой чужой стране оставляешь кусочек своего сердца, и с тех пор она как бы перестает быть чужой для тебя. Не раз потом вспомнятся и ее пейзажи, и улицы ее городов, и люди, которых там встретил. Даже газетные сообщения оттуда читаешь отныне по-иному: не со спокойным любопытством, а заинтересованно и взволнованно, как читают письма друзей и знакомых. Это уже «твоя» страна, навсегда, до конца жизни.

И все же даже у самой справедливой многодетной матери есть среди детей свои любимцы, хотя порой она и не признается в этом. Так и у бывалого путешественника, у многоопытного туриста есть страны, где он оставил больший кусок сердца, чем в других. Снова и снова тянет меня в Италию, где я был уже несколько раз; короткая поездка в Японию пробудила желание ближе и подробнее познакомиться с этой необыкновенной страной; с течением времени все более интересным кажется мне недолгое пребывание в Соединенных Штатах десять лет назад.

А с 1969 года особое место в сердце и в памяти заняла одна из многих виденных мной стран Латинской Америки — Перу.

Почти месячная наша перуанская поездка была физически очень нелегкой, до предела насыщенной впечатлениями, официальными и неофициальными встречами, выступлениями, переговорами. Но каждый день ее оказывался необычайно интересным и радостным, как открытие. Все было неожиданным и увлекательным в этой стране — ее разнообразно богатая и величественная природа, ее проникнутая романтикой легенды история, ее полный надежд и предвестий сегодняшний день.

Я полюбил кипящий латиноамериканский континент. Я верю в его великое будущее. Все его страны по-своему интересны и дороги мне, и часто вспоминаются здесь, в Москве, и уругвайская пампа, и берега Тихого океана в Чили, и горные массивы Эквадора, и тропические леса Колумбии, и пальмовые рощи Кубы, и кофейные плантации Коста-Рики, и широкие проспекты Мехико. Но, пожалуй, чаще и ярче всего приходит на память все то, что я видел в Перу. И всегда вместе с этими воспоминаниями является острое желание опять поехать туда, повидать то, чего еще не успел увидеть в этой стране, глубже заглянуть в ее историю, пристальнее присмотреться к сегодняшней жизни народа. Нетерпеливо берешь в руки письма, приходящие оттуда, от друзей, и жадно ловишь скудные газетные строчки о происходящих там событиях. Верно, там, в сурово пустынных холмах побережья, на шумных улицах Лимы, в ущельных лабиринтах Кордильер, где на плече могучей горы лежит сказочный Мачу Пикчу, в чащах амазонской сельвы, оставил я маленький кусок сердца.

Пусть же эта книжка будет моим признанием в любви!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Я пишу эти строки через шесть лет после нашей поездки в Перу. Мне не пришлось снова побывать там за эти годы, и я лишь издали пристально следил за событиями, происходившими на перуанской земле. И мне все чаще вспоминался наш разговор в президентском дворце с молодым армейским подполковником, который сказал, что правительство генерала Хуана Веласко Альварадо — совсем не обычная военная хунта и что мир скоро убедится в этом.

В самом деле, с подлинно военной решительностью, настойчиво и последовательно правительство принялось осуществлять важнейшие социально-экономические реформы, направленные на то, чтобы освободить страну от господства иностранных монополий и обратить национальные богатства перуанской земли на пользу перуанцев.

День 9 октября 1968 года, когда президент объявил о национализации имущества всемогущей нефтяной монополии «Интернейшнл петролеум компани», с тех

пор отмечается ежегодно как День Национального Достоинства, наряду с праздником независимости — 9 декабря — датой победы над испанскими королевскими войсками при Айякучо. Национализация всех предприятий этой североамериканской компании была закончена в 1970 году, причем она проведена без какой-либо денежной компенсации, учитывая огромный долг, до сих пор не выплаченный фирмой перуанской казне. Управление нефтяными источниками и заводами перешло в руки созданной тогда же национальной компании «Петрольерос дель Перу», и были приняты решительные меры к разведке новых месторождений нефти. Богатые залежи нефти уже обнаружены на севере страны в районе сельвы, и можно надеяться, что Перу, которое всегда ввозило нефть, в будущем обеспечит себя за счет собственных ресурсов.

Важные отрасли перуанской экономики — судостроение и производство рыбной муки — тоже были в значительной степени в руках иностранного капитала. Правительство издало закон, по которому иностранцы в этих отраслях промышленности имеют право владеть не более чем 25 процентами акций. Таким образом перуанцы получили возможность контролировать работу судостроительных заводов и фабрик рыбной муки. Государство установило контроль и над всем комплексом рыбной промышленности — для этого было создано специальное министерство. Одну за другой национализировали горнорудную, металлургическую, цементную и бумажную промышленность, были усилены позиции государства в банковском деле. Национализированы предприятия североамериканской горнорудной компании «Серро де Паска» с выплатой ей соответствующей компенсации.

Перу — один из четырех крупнейших в мире производителей меди. Оно производит около 200 тысяч тонн этого металла в год, и это дает стране треть всех поступлений иностранной валюты. Однако почти 90 процентов всей этой добычи экспортировалось в США в виде черновой меди или концентратов и продавалось там по ценам гораздо более низким, чем на мировом рынке.

Борьба вокруг перуанской меди была делом нелег-

ким. Правительство Хуана Веласко Альварадо оказалось вынужденным подписать с крупной североамериканской компанией соглашение об эксплуатации важнейшего медного месторождения в Нуахоне. Но в то же время государство оставило за собой монополию на рафинирование и продажу меди и тем самым сохранило контроль над использованием этого богатства страны.

Изменена и сама структура перуанской промышленности. По новому закону о создании сектора общественной собственности в ключевых отраслях экономики рентабельные предприятия могут быть переданы трудящимся в коллективную собственность и такие же предприятия могут быть созданы заново. Закон о промышленной общине, принятый в 1970 году, обязывает все предприятия распределять 10 процентов своей чистой прибыли среди своих работников, а 15 процентов отчислять в фонд промышленной общины (то есть всего коллектива предприятия). Этот фонд все время растет, пока в руки общины не перейдет 50 процентов основного капитала. Таким образом, в будущей экономике Перу общественные предприятия займут очень важное место.

Не меньшее значение имеет и аграрная реформа. Такие реформы, бывало, провозглашались и прежними правительствами, но они всегда носили чисто демонстративный, демагогический характер и не затрагивали основ землепользования. Аграрная реформа правительства Хуана Веласко Альварадо оказалась совсем иной. Она с той же последовательностью проводится в жизнь, исходя из принципа — землю тем, кто работает на ней, а не тем, кто извлекает из нее доходы, получая ренту.

С тех пор как в 1969 году вышел закон об аграрной реформе, миллионы гектаров земли переданы в руки перуанских крестьян. Экспроприированы у латифундистов крупные аграрно-промышленные комплексы, производящие сахар, и переданы в управление вновь созданным кооперативам, которым государство оказывает техническую и экономическую помощь. Намечена программа освоения засушливых земель и разработаны проекты строительства широкой ирригационной сети — ее будут строить с помощью Советско-

го Союза. При этом вся аграрная реформа в стране проводится в жизнь так, чтобы не нарушить производства сельскохозяйственной продукции.

Правительству удалось немало сделать и в области социальных преобразований. В стране, где еще треть населения остается неграмотной, идет упорная борьба за ликвидацию этого наследия прошлого, за доступность школьного образования для всех. Издан всеобщий закон о пенсиях. Введена единая система страхования рабочих и служащих. В государственных медицинских пунктах установлено бесплатное обслуживание матери и ребенка до и после родов. Расширяется жилищное строительство.

Перемены огромной важности произошли за эти годы в Перу. Но происходят они в условиях далеко не легких. Экономический кризис, доставшийся в наследство от прежнего правительства Белаунде, усугубляется еще трудностями, которые возникли из-за кабальных иностранных кредитов. В стране еще немало безработных, ощущается порой нехватка продовольствия — так, например, правительству пришлось ограничить потребление мяса, поднять цены на хлеб, сократить ввоз деликатесных продуктов.

Но главные трудности возникают в результате враждебных действий внешней и внутренней реакции. Бывшие хозяева Перу — иностранные монополии и местная олигархия — хорошо понимают, что коренная перестройка экономики страны, которую настойчиво осуществляет правительство Хуана Веласко Альварado, означает конец их господства. Стараясь любой ценой остановить этот необратимый и губительный для них процесс, они в борьбе против правительства прибегают к заговорам, интригам, провокациям. То, что произошло в соседнем Чили, где реакционерам в генеральских мундирах удалось свергнуть законное правительство Народного единства и, уничтожив президента Сальвадора Альенде, установить режим фашистского террора, служит вдохновляющим примером для перуанской олигархии. За эти годы она уже не раз пыталась спровоцировать беспорядки и антиправительственные выступления, сыграть на трудностях, встающих перед государством на новом пути.

Однако обстановка в Перу совсем иная, чем была

в Чили. Здесь армия не стала орудием реакционеров, она оказалась подлинным выразителем интересов народа и возглавила его борьбу за национальное достоинство и суверенитет, за перестройку экономики в интересах самих перуанцев. Поэтому враждебные действия реакции встретили решительный отпор.

Когда реакционные молодчики, сынки богатых родителей, по чилийскому примеру попробовали устроить на улицах Лимы автомобильную демонстрацию, их машины были конфискованы. Не удалась и попытка нарушить нормальное движение автотранспорта на дорогах, чтобы вызвать продовольственные трудности в столице, как это сделали контрреволюционеры в Чили. С той же решительностью подавило правительство и беспорядки на улицах Лимы, спровоцированные реакцией в начале 1975 года.

Как известно, в Чили большую роль в подготовке контрреволюционного переворота сыграли радио, телевидение и газеты, оказавшиеся в руках реакционеров и развязавшие планомерную клеветническую кампанию против правительства Сальвадора Альенде. Когда перуанская реакция попыталась сделать то же самое, правительство Хуана Веласко Альварадо взяло в руки государственное радио, телевидение и крупнейшие газеты, конфисковав их у прежних владельцев. Превратить в свое орудие эти важные средства информации реакционерам не удалось.

За всеми подрывными действиями, направленными против правительства и его социально-экономических реформ, неизменно стояли партия бывшего президента Белаунде — так называемое «Народное действие» — и АПРА, по-прежнему руководимая Айя де ла Торре. Партия «Народного действия» настолько разоблачила себя как прямой организатор заговоров и провокаций, что правительство вынуждено было запретить ее деятельность и выслать из страны ее лидеров. Неуклонно теряет свое влияние и другая буржуазная партия — АПРА.

Решительность и успешность действий правительства Хуана Веласко Альварадо в борьбе против происков реакции объясняется не столько тем, что оно представляет армию, владеющую оружием, но прежде

всего широкой поддержкой перуанского народа. Народ убедился, что программа, которую проводит в жизнь это правительство, отвечает коренным интересам трудящихся. Крупнейшие профсоюзные объединения страны, такие, как Всеобщая конфедерация трудящихся Перу, Национальная сельскохозяйственная федерация и другие, за которыми стоят миллионы рабочих, крестьян и служащих, являются постоянной опорой Революционного правительства. Неуклонно поддерживает его во всех прогрессивных начинаниях Перуанская коммунистическая партия. Не случайно на вылазки реакционеров народ отвечает мощными манифестациями, заявляя о своей решительной поддержке Революционного правительства. В этой поддержке залог будущего успешного движения Перу по пути свободы, независимости и коренного переустройства экономики страны.

Мы, те, кому посчастливилось побывать в Перу в первые месяцы после революции, все эти годы с особым интересом ловим известия, приходящие оттуда. И как ни далека от нас эта страна, не обрываются и наши личные дружеские связи с перуанцами. То придет письмо из Лимы, то с оказией передадут тебе привет от кого-нибудь из друзей. Как-то приезжали сюда в Москву Биолета и Густаво Валькарсели, несколько раз доводилось мне встречаться с Генеральным секретарем Перуанской коммунистической партии Хорхе дель Прадо; кажется, в Хельсинки, на одном из международных форумов, столкнулись мы с Хенаро Корнеро Чека, который остался тем же — обещал в тот же день побывать у меня в гостинице и, как водится, обманул. А в конце 1971 года, в ответ на наш визит, приехала в Москву делегация перуанских писателей во главе с тогдашним президентом АНЭА Марио Эррера Греем, известным журналистом и специалистом в области экономики. В составе этой делегации были крупный писатель и профессор университета Сан-Маркос Альберто Таура, поэт, критик и литературовед Альберто Эскобар, молодой прозаик, лауреат национальной премии Эдуардо Гюсалес Вианья и наш старый знакомый — выдающийся перуанский поэт Сесар Миро, гостеприимно принимавший нас в Лиме. Они приехали и познакомиться с нашей страной и принять участие в

организуемом Союзами писателей СССР и Грузии диалоге советских и перуанских литераторов на тему «Культурные традиции прошлого и современная литература». Этот диалог состоялся в Тбилиси в последних числах ноября.

Мы нарочно повезли туда наших перуанских друзей не самолетом, а поездом, чтобы они получили лучшее представление о просторах и разнообразии природы нашей страны. Это было интересное и веселое путешествие, за время которого мы ближе познакомились и подружились. Наши грузинские товарищи прекрасно организовали встречу «за круглым столом», и трехдневный разговор на литературные темы был содержательным и интересным и для нас и для перуанцев. А потом один из лучших грузинских поэтов и секретарь Союза писателей Грузии Иосиф Нонешвили повез всех нас на свою родину — в красивое село Карданахи, расположенное в Алазанской долине. Его земляки приняли гостей с необычайным радушием, и наши друзья из Перу могли убедиться, что советское и особенно грузинское гостеприимство не уступает перуанскому. Перуанцы уехали от нас полные ярких впечатлений и дружеских чувств, и потом, как нам известно, много писали об этой своей поездке в газетах и журналах. А год или два спустя мы узнали, что один из наших гостей, Альберто Тауро, стал новым президентом Перуанской ассоциации писателей и артистов (АНЭА).

Я много ездил по свету с тех пор и видел немало интересных стран и на Западе и на Востоке. Но желание снова побывать в далеком и ставшем для меня дорогим Перу по-прежнему живет во мне. И хочется надеяться, что жизнь еще подарит мне эту возможность.

СОДЕРЖАНИЕ

У ожившей легенды	5
Первое знакомство	8
Открытие Перу	12
На улицах Лимы	22
Новые друзья	23
Хунта генерала Хуана Веласко Альваро	26
Будни гостей столицы	54
Коллеги	70
Поездка на юг	81
Дорогой борьбы	96
Земляки	112
Инки	126
Конкистадоры	139
В борьбе за свободу	161
Куско	168
Священная Долина	182
Потерянный город инков	194
Озеро Титикака	212
На Амазонке	229
Признание в любви	245
Вместо послесловия	249

Смирнов Сергей Сергеевич

МЕСЯЦ В ПЕРУ

М., «Советский писатель», 1975, 256 стр. План выпуска 1975 г. № 106. Художник В. В. Локшин. Редактор А. Д. Зеленов. Худож. редактор Н. С. Лаврентьев. Техн. редактор Ф. Г. Шапиро. Корректор И. Ф. Сологуб. Сдано в набор 23/IV 1975 г. Подписано к печати 28/VII 1975 г. А 02312. Бумага 84×108^{1/32} № 1. Печ. л. 8 (13,44). Уч.-изд. л. 13,19. Тираж 100 000 экз. Заказ № 345. Цена 44 коп. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР, по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109

